

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

На правах рукописи

Анфиногенов Василий Анатольевич

**СУБКУЛЬТУРА ОСУЖДЕННЫХ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ
НА ИХ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Кибальник Алексей Григорьевич

Ставрополь – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПРЕСТУПНИКОВ В XIX – КОНЦЕ XX ВЕКА	
§ 1. Возникновение и эволюция субкультуры преступников в дореволюционной России и в советский период.....	18
§ 2. Изменение субкультуры преступников с конца XX века.....	36
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ СУБКУЛЬТУРА ОСУЖДЕННЫХ	
§ 1. Понятие современной криминальной субкультуры осужденных, ее причины и условия на современном этапе.....	51
§ 2. Взаимосвязь современной криминальной субкультуры с субкультурой осужденных.....	66
§ 3. Атрибутивные элементы субкультуры осужденных и их влияние на криминогенную обстановку в пенитенциарных учреждениях.....	81
§ 4. Потребности, интересы, ценности осужденных и их роль в формировании субкультуры	98
§ 5. Роль и место лидеров неформальных групп осужденных в системе субкультуры осужденных	120
ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПО БОРЬБЕ С ВЛИЯНИЕМ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ	
§ 1. Предупреждение и профилактика негативных функций пенитенциарной субкультуры в исправительных учреждениях.....	142
§ 2. Профилактическая деятельность структур гражданского общества по нейтрализации влияния элементов пенитенциарной субкультуры.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	183
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Социально-экономические и политические перемены, происходящие в Российской Федерации на протяжении последних почти 30 лет, сопровождаются значительными количественными и качественными изменениями преступности. В связи с этим тревожным симптомом является распространение в обществе элементов пенитенциарной субкультуры как одной из составляющих преступности. Наибольшее негативное влияние она оказывает на порядок и условия исполнения наказаний в виде лишения свободы, поскольку именно изоляция способствует выработке и культивированию «воровских» идей, взглядов, убеждений.

Как известно, существование и развитие пенитенциарной субкультуры обеспечивают ее носители, большую часть которых составляют отдельные осужденные, влияющие на поведение многих других осужденных в местах лишения свободы.

Бесспорно, негативные процессы, протекающие в исправительных учреждениях, – это отчасти следствие общесоциальных проблем, которые, трансформируясь в сознании осужденных, вынуждают многих с недоверием относиться к органам власти и к обществу в целом.

На этом фоне формируется своя система ценностей, аккумулирующая и трансформирующая традиции и обычаи преступного мира. В данном процессе неизбежно противоречие, столкновение интересов различных групп, образований, где появляются лидеры и «авторитеты» криминальной среды, которые и отражают амбиции и интересы доминирующих групп, навязывают в среде осужденных традиции и обычаи субкультуры современного сообщества.

Указанное положение дел предполагает необходимость более эффективного поиска мер, направленных на противодействие укреплению пенитенциарной субкультуры осужденных как фактору, влияющему не только

на пенитенциарную преступность, но и на деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, и в конечном итоге – на достижение целей наказания.

За последнее время пенитенциарная субкультура претерпела серьезную трансформацию. Видоизменяются неформальные нормы, которыми руководствуются осужденные; более активно и болезненно, а иногда и жестоко происходит неформальное разделение осужденных на субкультурные группы; изменяется их символика: татуировки, жаргон, формы поведения как способ проявления «себя» в сообществе. Как следствие этих процессов, отношения между группами и их отдельными членами становятся более жесткими, дифференцированными, а противоречия – более глубокими.

Неформальные нормы в виде правил, запретов, обязанностей и требований пенитенциарной субкультуры в настоящее время не представляют собой категорических императивов поведения для всего сообщества осужденных страны. Напротив, наблюдается процесс «размывания» многих из них и даже их изменения. Как правило, в таком процессе более сильные осужденные формулируют и навязывают другим, более слабым, свои правила. Данный факт предопределяет необходимость исследования и осмысления взаимоотношений, складывающихся в современном сообществе осужденных, определения роли неформальных норм в регулировании таких отношений и, соответственно, с учетом этого выработки целенаправленной профилактической работы по развенчанию, нейтрализации наиболее негативных элементов субкультуры.

По мнению большинства специалистов, противоправная деятельность лидеров неформальных групп, направленная на установление приоритета своего влияния на основную массу осужденных, должна составлять основу работы администрации пенитенциарных учреждений по нейтрализации такого влияния. Однако сопоставление статистических данных с выводами криминологических исследований, проведенных в последние годы, свидетельствует не столько о высокой степени скрытности, латентности такого влияния, сколько о несостоятельности профилактических, педагогических и

организационных мер, направленных на его предотвращение, пресечение и искоренение. Существенным недостатком таких мер, хотя и отработанных практикой прошлых десятилетий, является то, что их применение не позволяет в полной мере не только нейтрализовать негативное влияние «авторитетов» преступного мира на основную массу осужденных, но и нередко использовать их влияние в своих административных и управленческих решениях.

Бесспорно, субкультура осужденных, содержащихся в условиях изоляции, занимает свое определенное место в системе человеческих отношений. Она обусловлена, прежде всего, ограниченными условиями пребывания личности в среде схожих по ряду характеристик, например, осужденные одного пола, общество содержит их в условиях, где ограничен доступ ко многим потребностям и ценностям. Поэтому изучение этого феномена поможет понять ее внутренние законы, значение и ценность для сообщества, правильно оценить происходящие в нем изменения и выявить внутренние негативные процессы, влияющие не только на поведение осужденных в пенитенциарных учреждениях, но и на формирование у некоторой части осужденных устойчивой установки на продолжение преступной романтики, оправдание такого образа жизни.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена, как наличием самой субкультуры в сообществе осужденных, так и существованием негативных процессов во взаимоотношениях между осужденными в местах лишения свободы под влиянием такой субкультуры, углублением в ее среде противоречий, дестабилизирующих процесс отбывания наказания. Изложенное указывает на необходимость выработки рекомендаций по нейтрализации этого негативного явления, что и обусловило выбор темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. О субкультуре осужденных в местах лишения свободы, ее влиянии на их поведение как в условиях изоляции от общества, так и в дальнейшем, после освобождения, в последнее время написано немало работ. Вопросы криминальной и тюремной

субкультуры в местах лишения свободы, ее атрибутивных и регулятивных элементов рассматривались в фундаментальных трудах таких признанных специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, как Ю.М. Антонян, Н.П. Барабанов, С.В. Бородин, М.Н. Гернет, Я.И. Гилинский, А.И. Гуров, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Д.А. Корецкий, В.Н. Кудрявцев, С.Я. Лебедев, И.М. Мацкевич, А.С. Михлин, О.В. Старков, И.А. Уваров, И.В. Шмаров и др.

Необходимо отметить особенный вклад в изучение криминальной и тюремной субкультуры авторов, посвятивших данной проблематике либо схожим криминологическим и пенитенциарным проблемам специальные диссертационные исследования, а именно В.М. Анисимкова, Е.А. Антонян, Ю.И. Блохина, В.Г. Громова, Н.Л. Денисова, А.П. Деткова, Д.Г. Донских, О.П. Дубягиной, В.С. Ишигеева, А.И. Канунника, В.В. Тулегенова, Г.Ф. Хохрякова, В.В. Шемякиной, Н.А. Яковлева.

Следует также отметить, что тюремная (пенитенциарная) и криминальная субкультура, ее влияние на различные стороны общественной жизни, а также система государственного и общественного противодействия ей становились объектом изучения многих зарубежных криминологов (К.В. Blachut, Т.Г. Blomberg и К. Lucken, L.L. Devon, R.J. Franzese, D. Hobbs, J.K. O'Lear, Н. Mannheim).

Учитывая значительный вклад названных и других ученых в исследование современных особенностей криминальной субкультуры и пенитенциарной субкультуры как ее составляющей, в настоящее время особое внимание необходимо придать криминологическому анализу стратификации осужденных, влиянию неформальных норм, атрибутов преступного сообщества в виде татуировок, кличек, жаргона на поведение осужденных в условиях изоляции от общества.

Жизненно необходима разработка мер, направленных на нейтрализацию негативного влияния криминальной субкультуры в целом и на ее представителей, а также предупреждение связанных с нею преступлений и

правонарушений, особенно принимая во внимание происходящие в среде осужденных негативные процессы по видоизменению атрибутов их субкультуры.

В связи с этим нужно констатировать, что до настоящего времени практически незатронутыми с научных позиций остаются многие вопросы негативного влияния «авторитетов» криминальной среды на основную массу осужденных через устоявшуюся в преступной среде, и особенно в условиях изоляции, систему ценностей субкультуры сообщества.

Объектом диссертационного исследования являются отношения между осужденными, между группами осужденных, отношения группы к определенному осужденному, исходя из его групповой принадлежности к различным категориям, группам и с учетом сложившейся в сообществе преступников субкультуры влияние последней на поведение осужденных в условиях изоляции от общества, включая их отношение к отбыванию наказания в виде лишения свободы.

Предмет исследования образуют неформальные нормы, правила, регулирующие определенные отношения между осужденными, группами осужденных в местах лишения свободы как носителями такой субкультуры, элементы атрибутики этой субкультуры, наиболее эффективные способы и формы ее нейтрализации, отдельные нормы действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также правоприменительная практика деятельности пенитенциарных учреждений.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа современного состояния пенитенциарной субкультуры, форм и способов ее проявления, причин и условий ее видоизменения, влияния субкультуры на поведение осужденных в условиях изоляции, и, исходя из этого, их отношения к основным средствам исправления разработать концепцию предупреждения наиболее негативных форм проявления субкультуры осужденных в местах лишения свободы.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие научные задачи:

- 1) проследить историю возникновения и эволюцию субкультуры осужденных, содержащихся в условиях изоляции от общества, в России;
- 2) установить взаимосвязь и соотношение криминальной субкультуры с пенитенциарной субкультурой;
- 3) выделить и раскрыть характерные признаки пенитенциарной субкультуры, сформулировать ее понятие;
- 4) выявить причины и условия проявления пенитенциарной субкультуры в современных условиях реализации наказаний, связанных с лишением свободы в отношении осужденных мужского пола, содержащихся в колониях общего, строгого и особого режимов¹;
- 5) показать особенности и значимость атрибутивных элементов субкультуры осужденных;
- 6) выявить влияние отдельных элементов субкультуры на отношение различных групп осужденных к основным средствам исправления осужденных;
- 7) выяснить отношение осужденных к отдельным ценностям, интересам и потребностям в условиях их изоляции от общества, оказывающим влияние на формирование субкультуры сообщества;
- 8) определить роль лидеров неформальных групп осужденных в их влиянии на формирование, навязывание элементов субкультуры, видоизменение последних;
- 9) разработать меры предупреждения негативных проявлений пенитенциарной субкультуры;

¹ В работе в ряде случаев в качестве сравнительного анализа рассматриваются отдельные атрибуты субкультуры осужденных, содержащихся в тюрьмах. Однако подробное исследование субкультуры осужденных, содержащихся в названных учреждениях, не проводилось в силу локальности отношений между осужденными (камерное содержание) и, исходя из этого, особенностях ее проявления, не оказывающих значительного влияния на поведение осужденных, взаимоотношения между ними, которые бы имели более или менее распространенный характер. Хотя, бесспорно, отдельные проявления субкультуры имеются, они неизбежны и эти особенности будут в работе затрагиваться.

10) выработать рекомендации по нейтрализации проявления отдельных наиболее опасных элементов субкультуры в среде осужденных.

Методологической основой исследования выступает общенаучный диалектический метод познания социально-правовой действительности, который позволил раскрыть взаимосвязь теории и практики, формы и содержания предмета исследования, процессы развития, видоизменений и негативного влияния рассматриваемого явления, а также другие общенаучные исследовательские методы: анализ, синтез, логический, системный и др. Кроме того, при работе над диссертацией применялись частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический, социологический и др.

Теоретическую основу диссертации образуют исследования в области криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовного права, юридической психологии и других наук, изучающих поведение людей в обществе и в отдельных социальных группах.

Для решения поставленных цели и задач в диссертации использованы труды по проблемам социологии, педагогики, психологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, а также по некоторым вопросам политики государства, осуществляемой в современных условиях.

Нормативную базу исследования составляют Конституция РФ, международные правовые акты (по вопросам обращения с заключенными), Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, другие федеральные законы и ведомственные нормативные акты в части исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, нормы и положения которых были подвергнуты анализу с позиции темы исследования и способствовали формированию концепции предупреждения негативных проявлений пенитенциарной субкультуры в местах лишения свободы.

Эмпирическая база диссертации включает результаты проведенных автором криминологических исследований, в ходе которых были изучены материалы 200 личных дел осужденных, отбывающих наказание

в исправительных колониях общего и строгого режимов УФСИН России по Республике Марий Эл, по Республике Крым и г. Севастополю, по Ставропольскому краю, по Пензенской области. Также проведено анкетирование 200 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях названных регионов. Результаты анкетирования и сопоставление осужденных с другими группами осужденных, содержащихся в условиях изоляции, подвергнуты анализу и оценке². В ходе исследования проводился анкетный опрос 40 сотрудников оперативно-режимных служб исправительных учреждений указанных регионов, связанных с работой по нейтрализации и развенчанию обычаев и традиций преступной среды. В работе использовались эмпирические материалы, полученные другими учеными и практическими работниками в результате конкретных криминологических исследований по рассматриваемой проблеме.

Диссертантом использован также собственный 12-летний опыт работы в пенитенциарных учреждениях общего и строгого режимов УФСИН России по Пензенской области и УФСИН России по Ставропольскому краю.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем сформирован концептуальный подход к предупреждению влияния пенитенциарной субкультуры на поведение осужденных в местах лишения свободы. Выработаны и обоснованы рекомендации по нейтрализации проявления отдельных элементов субкультуры в среде осужденных. В частности, предложены конкретные способы и формы предупреждения негативных проявлений субкультуры в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В данном исследовании на междисциплинарном уровне (с учетом достижений в области уголовного права и смежных отраслей права) предпринята попытка подвергнуть всестороннему анализу не только современное состояние субкультуры осужденных, содержащихся в условиях

² В основном сопоставление проводилось с осужденными, содержащимися в колониях особого режима.

изоляции от общества, ее негативное влияние на поведение осужденных, их отношение к наказанию, но и исторические корни этого явления. Выводы и предложения исследования основаны на изучении состояния негативных процессов, происходящих в среде осужденных в местах лишения свободы, взаимосвязи этих процессов с режимной, воспитательной и профилактической обстановкой в пенитенциарных учреждениях.

В работе отражена и обоснована авторская позиция по ряду положений, являющихся спорными или не получивших достаточного освещения в юридической и, в частности, в пенитенциарной литературе.

Результаты исследования позволяют вынести **на защиту** следующие **основные положения**:

1. К концу XIX века прослеживалась дифференциация уголовного сообщества, отдельные категории которого были связаны друг с другом жесткими неформальными правилами, постепенно превращавшимися в традиции, обычаи, в подобие своеобразного неформального «закона». Опираясь на относительно замкнутую систему взаимоотношений между заключенными, необходимость самоутверждения и даже выживания в таких отношениях, формы и способы самоутверждения и жизни в условиях изоляции от общества невольно оказывали влияние на многие формы поведения неустойчивых лиц того времени. Поэтому не случайно, что в дореволюционной России существовала довольно распространенная криминальная субкультура, в которой проявлялись многочисленные «специализированные» группы, объединения преступников.

2. Субкультура в среде изолированных от общества преступников во многом определяется экономическим состоянием страны, отношением общества к тем или иным ценностям. Изменяются ценности в обществе, система экономических отношений – видоизменяются и многие элементы субкультуры у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, хотя бесспорно, она является частью криминальной субкультуры.

3. Криминальную субкультуру можно определить как систему групповых ценностей, интересов, обычаев, традиций, норм и правил поведения, обуславливающих регулирование неформальных отношений в среде преступников, включая и среду осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Понятия «криминальная субкультура» и «пенитенциарная субкультура» не являются тождественными: первое является более широким, поскольку включает в себя пенитенциарную субкультуру осужденных наряду с субкультурой отдельных видов преступности (организованной, насильственной и др.), субкультурой наркоманов, сутенеров и пр.

4. Субкультура осужденных (пенитенциарная субкультура) – это вид криминальной субкультуры, обусловленный системой воздействия государства на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, включая создание для них условий отбывания наказания и регулирование многих сторон их жизнедеятельности с одной стороны, с другой – исходя из таких условий, их вынужденным стремлением приспособиться, обеспечить свою безопасность, самоутвердиться в сообществе себе подобных, где неизбежно формируется присущая такому сообществу система ценностей, понятий, обычаев, регулирующих взаимоотношения между изолированными от общества лицами.

5. Наиболее значимыми признаками пенитенциарной субкультуры, исходя из условий отбывания наказания и нравственного уровня осужденных, является борьба за доминирование в сообществе; как следствие – навязывание более сильными осужденными («авторитетами», лидерами отдельных групп) более слабым осужденным норм поведения, ставящих их в неравное, а порой и унижительное положение; разделение социальной среды осужденных на группы, имеющие различное статусное положение в сообществе; наличие в поведении большинства осужденных навязанных или поддерживаемых стереотипов общения в виде различной символики (жаргона, татуировок, кличек); установление неформальных норм, правил, регулирующих взаимоотношения между собой, между группами с учетом статуса

в сообществе; установление системы мер воздействия (наказания) к «нарушителям» установленных в отношениях между ними норм, правил общения.

6. Субкультура осужденных за последние 25 лет претерпела определенные изменения: изменились неформальные нормы, которые бытовали ранее в подобной среде в виде статуса, кличек, авторитета; произошло более выраженное разделение осужденных на группы по признакам, которые ранее не учитывались и даже не представляли особой ценности в их среде (например, по материальным возможностям, по способам расправы с непокорными или «нарушителями» традиций, включая сексуальное насилие); изменилось содержание татуировок, жаргона, отношение к элементам одежды и т.д. Таким образом, субкультура осужденных не только изменчива, аморфна, но и является неотъемлемой частью проявления их интересов и ценностей в конкретных условиях, обусловленных их изоляцией от общества, где навязанные сообществу нормы зачастую регулируют многие отношения, включая не только статус осужденного в сообществе, но и его притязания на ценности сообщества и даже распределение отдельных материальных благ, которые, как известно, приобретают в условиях изоляции от общества особую значимость.

Многие изменения субкультуры осужденных связаны с непосредственным влиянием преступных «авторитетов» на более слабых осужденных, причем это влияние обусловлено необходимостью постоянно подтверждать ролевое положение лидера. Нередко для решения этой задачи используются и материальные «рычаги» воздействия.

7. Наличие взаимосвязи между сложной криминогенной обстановкой, складывающейся в отдельных пенитенциарных учреждениях России, и давлением со стороны лидеров и «авторитетов» неформальных групп отрицательной направленности на основную массу осужденных в местах лишения свободы обуславливает необходимость выработки мер по нейтрализации и искоренению такого негативного воздействия

навязываемых лидерами ценностей пенитенциарной субкультуры, влияющих на поведение и взаимоотношения между преступниками в условиях изоляции.

8. По содержанию субкультура осужденных включает в себя следующие элементы: свой «кодекс», то есть систему неформальных норм и правил поведения; групповое мировоззрение, некую философию, идеологию; свой язык, жаргон, мимику, жесты, татуировки; свойственные интересы, потребности, ценности осужденных; стратификацию – разделение на касты. Отдельные атрибутивные элементы субкультуры осужденных в местах лишения свободы обладают особенностями, оказывающими большое влияние на психическое и психологическое состояние некоторых осужденных и на их поведение, в частности связанными с процессом «отвергания» от ценностей сообщества со всеми вытекающими из такого факта последствиями.

9. Наиболее эффективным специально-криминологическим способом противодействия негативным проявлениям пенитенциарной субкультуры является разобщение среды осужденных в условиях изоляции от общества на категории (с учетом характера совершенного преступления, личности осужденного, его отношения к наказанию), пресечение попыток доминирования в сообществе, исключение или сведение к минимуму различных неформальных отношений и связей между ними, предотвращение создания устойчивых микрогрупп отрицательной направленности поведения не только в целях безопасности того или иного осужденного, но и для более эффективного достижения целей наказания. Для решения этих задач предлагаются и обосновываются конкретные рекомендации, направленные на повышение эффективности использования имеющихся уголовно-исполнительных и профилактических мер воздействия на осужденных с учетом проявления их личностных особенностей в колонии.

10. В целях нейтрализации проявления атрибутивных элементов пенитенциарной субкультуры, таких как нанесение татуировок, присвоение кличек, употребление жаргона необходимо: для практического использования в колонии создать базу данных о татуировках, лицах, их наносящих и имеющих

татуировки; более активно проводить работу по эстетическому, культурному и религиозному воспитанию осуждённых с акцентом на формирование толерантных отношений между ними; учитывать как злостное нарушение требований режима попытку или склонение того или иного осужденного соблюдать требования субкультуры сообщества: пенитенциарную «прописку», пожертвование средств на общие нужды («общак»), пренебрежительно относиться к отдельным (отвергнутым) осужденным и т.д.

11. Предлагается в исправительных учреждениях ввести в практику обязательное уголовное преследование по ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», а также по ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера». Более того, ст. 133 УК РФ необходимо дополнить частью третьей, в которой предусмотреть ответственность за такое понуждение: а) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору; б) соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Часть третью ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» изложить в следующей редакции:

«3. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его, сопряженные с действиями сексуального характера, как способ расправы, мести за отказ или невыполнение навязываемых осужденным либо группой осужденных неформальных правил поведения в месте лишения свободы либо в месте содержания под стражей, –

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет».

Часть третью ныне действующей редакции ст. 321 УК РФ считать частью четвертой, дополнив ее словами: «Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей ...» (далее по тексту).

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость заключается в том, что в работе выявлены закономерности возникновения и проявления элементов пенитенциарной

субкультуры в условиях изоляции от общества, включающие в себя элементы поведения осужденных, взаимоотношений в среде преступников и их отношение к наказанию. Идеи, положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут составить основу для проведения дальнейших исследований по обозначенной тематике.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в нем выводы и предложения направлены на разложение субкультуры осужденных, уменьшение или исключение многих ее форм негативного влияния на осужденных, совершенствование организационных основ профилактики правонарушений, связанных с проявлением субкультуры в среде осужденных, и могут использоваться для повышения эффективности достижения целей исправления осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при изучении криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, а также в системе повышения квалификации практических работников уголовно-исполнительной системы.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета и единогласным решением кафедры рекомендована к защите.

Положения, выводы, результаты проведенного исследования докладывались и обсуждались на Международной научно-практической конференции «Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения» (Дальневосточный государственный университет, 2008 г.), IV Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодарский университет МВД России, 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции

«Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии» (Северо-Кавказский федеральный университет, 2014 г.).

Основные результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Северо-Кавказского федерального университета, практическую деятельность УФСИН России по Пензенской области, УФСИН России по Республике Марий Эл, что подтверждается актами внедрения.

Выводы и предложения, сформулированные в диссертации, нашли отражение в семи научных публикациях, три из которых – в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Структура диссертации определена целью, задачами и логикой исследования. Она состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК при Министерстве образования и науки России.

ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПРЕСТУПНИКОВ В XIX – КОНЦЕ XX ВЕКА

§ 1. Возникновение и эволюция субкультуры преступников в дореволюционной России и в советский период

Характеристика структуры и динамики преступности в дореволюционной России отражает лишь общее ее состояние. Поэтому установить в полной мере бытовавшие в среде преступников того времени традиции, обычаи довольно сложно. Однако это не умаляет интереса к данной проблеме, особенно для уяснения причин их появления и трансформации. Таким образом, остается актуальным изучение не только поведения преступников того времени, но и их внутреннего мира, особенности различных криминальных профессий. Это позволит проследить преемственность многих форм поведения преступников, их эволюцию, исходя из современного состояния экономических отношений в обществе, правосознания, религиозных воззрений и других обстоятельств.

Известно, что в дореволюционной России в местах лишения свободы, где содержались отдельные преступники, имели место различные, как правило, стихийно складывающиеся отношения между ними. На этой основе формировалось свое представление об их статусе, взаимопонимании, судьбе, необходимости защищать себя как инстинкте самосохранения в таких условиях.

В конце XIX столетия в России в связи с установлением продолжительных сроков отбывания наказания в тюрьмах началось формирование иного мира преступников, существование которых в жестких условиях предопределило их консолидацию с целью обеспечения собственной безопасности и выживания. Наиболее активно этот процесс проходил в среде закоренелых преступников. Неизбежность борьбы между различными сформировавшимися группами и категориями преступников была обусловлена,

прежде всего, условиями содержания преступников и методами воздействия на них со стороны персонала тюрем. Крайне ограниченные возможности удовлетворения потребностей, особенно в еде, одежде, надлежащем отношении со стороны надзирателей и тюремных чиновников, создавали предпосылки разделения массы заключенных по различным основаниям. Как правило, исходя из условия и отношения к преступникам со стороны окружения, в свои группы объединялись убийцы, разбойники, мошенники и т.д. В дальнейшем среди них также стало происходить разделение, которое во многом зависело от количества содержащихся в тюрьме заключенных, по религиозным, земляческим и другим признакам.

Вместе с тем в то время тюрьма, как известно, являлась местом отбывания наказания как для закоренелых преступников, во многом порожденных социальным строем, так и для людей, совершивших малозначительные преступления³. Отсюда разделение массы преступников неизбежно связывалось с выработкой определенных признаков ценностей, позволяющих той или иной подгруппе быть замкнутой, выделяться в сообществе или даже доминировать в нем.

Учитывая это обстоятельство, можно констатировать, что стратификация заключенных – скорее следствие условий содержания, отношение к ним общества в лице персонала тюрем, а также взаимоотношений преступников в условиях изоляции в зависимости от их различной криминальной зараженности, жизненного опыта, возраста и других признаков.

А.И. Свирский при классификации лиц, содержащихся в тюрьме, подразделяет их на заключенных, которые после освобождения больше не будут совершать преступления, и заключенных, которые, совершив незначительные преступления, уже в период отбывания наказания под

³ См. также: Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 60–61.

воздействием преступного окружения начинают формироваться как личности с углубленной криминальной зараженностью⁴.

Преступный мир дореволюционной России был весьма разнообразен как по социальному составу преступников, так и по занимаемому ими в криминогенной среде положению, а также способу противоправной ориентации. В связи с этим в конце XIX столетия в местах лишения свободы в среде заключенных сформировалась своеобразная иерархия. Ее составляли в основном четыре касты преступников, объединенных по убеждению, в основе которого лежала криминальная квалификация и, исходя из этого, положение в уголовной среде, которое к тому времени стало иметь большое значение. Не последнюю роль в этом играли и физические возможности преступника. Такие преступники зачастую распоряжались даже жизнями отдельных осужденных, были их своеобразными судьями и вершителями их судеб⁵. Конечно, они неизбежно формировали и устанавливали правила поведения для других заключенных.

Проявление культа физической силы – в то время явление не случайное, во многом оно обусловлено безразличным отношением тюремного начальства к защите того или иного заключенного от притязания к нему со стороны других. Поэтому многим процессам, происходящим между заключенными, практически не уделялось внимания. Более того, в отдельных случаях начальство в своих интересах даже использовало их как возможность воздействия на других⁶.

Большинство имущественных преступлений обусловлены корыстно-паразитической психологией, которая лежит в их основе и порождает профессиональную преступность при наличии уголовно-воровских традиций и обычаев. Профессиональная преступность связана с деятельностью

⁴ См.: Свирский А.И. Погибшие люди. С.-Петербург, 1898. Т. 2. С. 3.

⁵ См. об этом: Максимов С.В. Сибирь и каторга. С.-Петербург, 1900. С. 18.

⁶ См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. С.-Петербург, 1889. С. 315; Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: 1825–1870 гг. Т. 2. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946.

определенной группы людей, передачей ими опыта другим поколениям преступников. Таким образом, утверждается специфическая субкультура, где вполне закономерным выглядит стремление преступников, с одной стороны, выживать в конкретных, непростых, порой жестоких социальных условиях, а с другой – оправдывать такое свое поведение в глазах других людей, особенно склонных к такому образу жизни. Еще К. Маркс отмечал: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция»⁷.

В России к началу XX столетия в среде обитателей тюрем и царских каторг уже сложилась строгая система взаимоотношений. Общая арестантская масса к тому времени была представлена несколькими сословиями. «Иван» – высший титул для заключенного, его присваивали лицу, имеющему большой криминальный опыт, хитрому, ловкому и способному противодействовать суровости уголовного наказания⁸. Их еще называли «бродягами»⁹. Бродяжничество, видимо, было первой школой, учившей большинство уголовников совершать преступления. Многие из них были умными и волевыми людьми, но в целом это сословие преимущественно состояло из неоднократно судимых лиц, которые представляли собой угрозу для большинства арестантов, а нередко – и для тюремной администрации.

Второе сословие, по мнению А.И. Гурова, – «храпы», которые возмущались по любому поводу, всего добивались нахрапом, неправильным, незаконным, несправедливым образом, получали удовольствие от такого затеянного ими конфликта и при этом, как правило, находились в тени. Многие из них стремились стать «иванами», однако не всегда могли достичь этого

⁷ См.: Роулинсон П. Российская организованная преступность. Новая угроза? М., 2000. С. 82.

⁸ См. об этом: Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. М., 2000. С. 87; Анисимков, В.М. Традиции и обычаи преступного мира в местах лишения свободы: учебное пособие. Уфа: УВШ МВД РФ, 1993.

⁹ См.: Пикуль В.С. Каторга. М., 1996. С. 74.

статуса, видимо, потому, что не обладали достаточным криминальным опытом, а порой и необходимыми личными качествами¹⁰.

Третье сословие – «жиганы». Это самая многоликая и разрозненная категория. К этой категории относились лица, которые нарушили правила, традиции, обычаи, например, не уплатили проигрыш в карты, а также с определенной противоправной ориентацией (мошенники, насильники и т.д.).

Последнюю ступень в такой арестантской иерархии занимала «шпанка»¹¹ – масса арестантов, состоявшая в основном из крестьян. Над ними издевались представители практически всех других сословий: «иваны» их давили, «храпы» запугивали и обирали, «жиганы» обкрадывали.

Вне тюремных условий такой ярко выраженной, строгой дифференциации не существовало. В преступных сообществах устанавливались определенные неформальные нормы поведения, однако они, по утверждениям исследователей, не выходили за рамки данной микрогруппы. Нами также в ходе анализа исторических источников не выявлено случаев, когда свойственные определенной неформальной группе нормы поведения, действовали бы на значительной территории страны и были бы обязательны для иных неформальных образований преступников.

Так или иначе, но можно констатировать, что в конце XIX – начале XX века в связи с появлением устойчивой системы тюремного содержания были заложены основы того, что позже стало трактоваться «воровским законом». В это время, по сути, формируется и устойчивая криминальная иерархия в среде заключенных, причем по различным основаниям.

Обобщенный экскурс в историю формирования субкультуры преступников указывает, что к концу XIX века прослеживалась дифференциация уголовного сообщества, отдельные категории которого были связаны друг с другом жесткими неформальными нормами, и зачастую эти

¹⁰ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 48.

¹¹ См.: Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории. Саратов, 1993. С. 32.

нормы превращались в подобие «закона», который, хотя и не объединял весь уголовный мир страны, но имел определенное значение в ряде тюрем.

Конечно, необходимо констатировать, что в дореформенный период степень профессионализации преступности была относительно низкой, и, соответственно, в ней преобладали насильственные преступления, что отражало наличие ценностей того времени. В послереформенный период в структуре преступности обозначилась тенденция смешивания и постепенного перехода преступного мира от насильственных преступлений к корыстным. На рост такой преступности оказывало влияние, прежде всего экономическое положение граждан страны, реформы, проводимые царским правительством. Происходил процесс обнищания и разорения народа. Отсюда рост преступности как следствие социальных проблем в обществе. Увеличение числа преступников, их вынужденное переселение в районы Сибири, Дальнего Востока стимулировало брожение в их среде, где одним из результатов явилось и формирование определенной субкультуры у определенного круга людей.

В целом можно сделать вывод, что субкультура в среде изолированных от общества преступников дореволюционной России во многом определялась экономическим состоянием страны, отношением общества к тем или иным ценностям, обнищанием деревни, с одной стороны, и появлением класса богатых – буржуазии, с другой, поэтому вполне закономерным выглядит стратификация в преступной среде, появление различных групп, образований, причем по признакам, имеющим значение именно в этой среде. Изменяются ценности в обществе и система экономических отношений – видоизменяются и элементы субкультуры у изолированных от общества преступников.

В развитии пенитенциарной субкультуры советского периода ученые-пенитенциаристы выделяют следующие этапы: первые годы советской власти (1917–1929), период гулаговских лагерей (1930–1953), постсталинский (1953–1960), хрущевский (1960–1970), постсоветский (80-е – начало 90-х годов).

Первые годы советской власти (1917–1929). В местах лишения свободы были сосредоточены разные категории заключенных. В их среде верховодили

наиболее опытные и опасные преступники, которым подчинялась вся остальная масса. Как следствие – весьма активное расслоение на различные группировки. Старые «авторитеты» и преступники новой формации («жиганы») постоянно боролись за сферы влияния. Если раньше «жиганы» играли роль «провинившихся», то теперь они не только быстро перенимали традиции и обычаи «авторитетов», но и сами пытались навязывать свои. По закону «новых» любой член сообщества не имел права служить в армии, работать, занимать общественные или иные должности.

Однако необходимо отметить, что такие резкие новеллы не нашли понимания у большинства преступников. Этому способствовали и многие процессы, проводимые в пенитенциарных учреждениях: частые амнистии, создание льготных условий для осужденных – выходцев из рабоче-крестьянской среды, которых в то время было большинство. В результате в лагерях из этой среды оставались, как правило, наиболее опасные преступники, осужденные в основном за контрреволюционные преступления.

Поэтому «жиганы» и примкнувшие к ним заключенные не смогли долгое время противостоять «авторитетам». Последние, будучи потомственными арестантами («иваны», «бродяги», «сидельцы», «каторжане», «староротские»), все же удержали пальму первенства, поскольку лучше других ориентировались в условиях изоляции от общества. К тому же их объединяли многовековые «ценности» преступного мира, и больше всего им помогали «истинная вера» и «старые заветы»¹².

Изменения, происходящие в пенитенциарной политике, невольно отражались на поведении преступников в условиях изоляции, приводили их к поиску новых, зачастую компромиссных вариантов самосохранения. В результате этого одни преступные группы не выдерживали натиска других, более сильных, разваливались и переставали существовать. Другие, чтобы выжить в столь сложных условиях, сливались и объединялись.

¹² См.: Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д., 2007. С. 267.

В этот же период наметилось и разделение заключенных в зависимости от криминальной квалификации. Заключенные, которые привлекались за имущественные преступления, именовались «ворами», а те, которые привлекались за насильственные преступления, – «фраерами». «Воры», таким образом, утвердились, а преступники «новой волны» в то время играли вторые роли, хотя некоторые из них смогли приблизиться к «верхушке».

К концу 20-х годов сложное экономическое положение страны, противоречия в партийных рядах отразились на значительной части населения. Более жесткая репрессивная политика привела к росту числа осужденных в исправительных учреждениях. Пенитенциарная система так и не смогла перестроиться на работу по созданию различных условий для опасных и менее опасных преступников.

Это привело к тому, что стало допускаться совместное заключение социально опасных и случайных преступников, способствующее «заражению» последних уголовной романтикой и еще большему ухудшению обстановки в исправительных учреждениях¹³.

Этап ГУЛАГовских лагерей (1930–1953). В 30-х гг. прошлого века власть обладала абсолютным контролем над всеми рычагами управления обществом. Этой эпохе было свойственно тотальное подавление личности, направленное на достижение призрачной мечты¹⁴. В связи с этим в конце 30-х годов произошел коренной перелом в деятельности всей исправительно-трудовой системы, что было обусловлено изменениями, происходящими в политике государства.

Абсолютная централизация системы исправительно-трудовых лагерей уготовила ей участь общесоюзного исправительного дома, «граждан» которого могли перемещать в любой конец страны для использования на «стройках

¹³ Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. С. 268.

¹⁴ См.: Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7. С. 101.

века» и в народном хозяйстве, что плохо сочеталось с идеей их исправления и перевоспитания¹⁵.

Такое отношение было на руку «хранителям» уголовного наследия. «Воры», «бродяги», переведенные, как правило, в исправительно-трудовые лагеря из тюрем и изоляторов, окончательно отделились от других категорий заключенных и различными способами: где силой, наглостью или хитростью – смогли добиться высокого положения в сообществе.

Соответственно, и для криминальных норм также становится характерным тотальное подавление личности¹⁶. В те годы в сообществе осужденных сложилась ярко выраженная трехуровневая структура, в которой высший уровень занимали «воры». Наиболее опытные из них организовывали сходки (собрания, съезды), на которых формировались новые и совершенствовались старые «идейные принципы» истинных арестантов, а также принимались решения о признании рекомендованного кандидата «вором». Новая «идея» основывалась на том, что «авторитетом» может стать лицо, выбравшее основным занятием своей жизни воровство¹⁷.

Возникновение указанных установлений и правил было обусловлено стремлением «воров» (6–7% в общей массе осужденных) окончательно подчинить своему влиянию преступников новой формации, не допустить в «блатной мир» случайных людей и расширить в местах лишения свободы круг заключенных, за счет которых можно было бы паразитировать. Эта своеобразная система защищала сообщество от развала, укрепляла устойчивость и сплоченность «воровских» группировок. Новые нормы существенно дополнили старые традиции и обычаи¹⁸.

¹⁵ См.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1931 гг. М., 1992; Детков М. Г. Тюремь, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-М, 1999.

¹⁶ Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры. С. 101.

¹⁷ См.: Воры. Кто они? М., 1989.

¹⁸ Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. С. 269.

Следующая после «воров» группа в иерархии осужденных называлась «мужики» (безобидные, хорошие работники), в которую входили «шпанка», «черти», «бесы», а также «жиганы», не принятые «авторитетами» в свою среду. Ряды «мужиков» значительно пополнились в период раскулачивания. Бывшие крестьяне также не были приняты «истинными арестантами» за своих, в связи с чем данная категория лиц не играла видной роли в преступном мире. Однако в условиях, когда основное внимание уделялось производству и строительству, а труд стал обязательным для всех, когда на административно-хозяйственных, инженерно-технических и иных должностях использовались заключенные, «воры» не могли не приблизить к себе «мужиков».

Третью ступень в иерархии осужденных занимали «фраера». Прежний уклад их жизни, интересы, потребности во многом противоречили «воровским», поэтому долгое время «хранители» не признавали «фраеров», им отводились роли «мандеров» (исполнителей поручений других), «шпилевых» (картежников), они чаще других становились жертвами вымогательства, прямого завладения их ценностями со стороны «авторитетов»¹⁹.

Годы Великой Отечественной войны – особый этап в жизни заключенных. В числе мобилизованных в армию оказалось немало «воров». В местах лишения свободы оставалась наиболее опасная часть преступников. Естественно, более жесткими стали требования к ним. В результате отдельные «воры» были вынуждены начать работать, что в преступной среде считалось серьезным нарушением «воровского закона». Война, таким образом, разделила приверженцев уголовных традиций на два враждебных лагеря. Образовавшаяся довольно многочисленная группа «вероотступников» стала преследоваться «авторитетами».

В послевоенные годы в силу многих причин произошел значительный рост преступности. Это было вызвано, прежде всего, возвращением к своему

¹⁹ См. более подробно об этом: Водолазский Б.Ф., Вакутин Ю.А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (прошлое и настоящее). Омск, 1979.

«ремеслу» части «воров», которые воевали на фронте, после чего они снова оказывались в местах лишения свободы. Однако не воевавшие преступники не приняли «военщину» в свои ряды, исключив их от участия в сходках, съездах, «правилках» как грубо нарушивших уголовные традиции и обычаи.

Между тем среди «военщины» было немало лидеров и авторитетов преступной среды прошлого, которые не смогли смириться с новым для себя положением и к концу 40-х годов сформировали свой «воровской закон», который по своему содержанию не только разительно отличался, но и в корне противоречил правилам поведения так называемых «правоверных воров». Их поддерживали бывшие военнослужащие (фронтовики, военнопленные) и отдельные «мужики». В результате стали возникать серьезные конфликты между разными категориями осужденных, поскольку одни хотели восстановить свой статус, другие не желали уступать сферы влияния, «наследственное» право на власть в сообществе. Противоречия резко обострялись. К тому же в связи с ростом числа осужденных администрация колоний не смогла в надлежащем виде контролировать происходящие в среде преступников процессы. Примерно с 1949 г. стала разгораться так называемая «сучья война», которая длилась годы, нередко доходила до столкновений между сторонами, которые в результате заканчивались поножовщиной. В других случаях если в руки «военщины» попадал «центральной вор», то его часто не убивали, а «обезвреживали» путем совершения насильственного акта мужеложства²⁰. Исходя из традиционного отношения в дальнейшем к подобному заключенному со стороны сообщества такой осужденный, хотя и вызывал сочувствие со стороны отдельных преступников, неизбежно в силу традиций преступного мира утрачивал право на пребывание в их сообществе и становился презираемым.

²⁰ См.: Шаламов В.Т. Очерки преступного мира. М., 1989. С. 42. См. также: Солженицын А.И. В круге первом. М.: ИНКОМ НВ, 1991; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: ИНКОМ НВ, 1991; Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: ООО «Издательство Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2001.

Итак, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что видоизменение неформальных норм было обусловлено изменением социально-политического климата в стране, в связи с чем, в сообществе преступников происходили массовые нарушения ранее установленных запретов и правил поведения.

В начале 50-х годов половина чрезвычайных происшествий в лагерях и колониях была обусловлена стремлением авторитетных в среде осужденных уголовников-рецидивистов навязать традицию не работать. Для этого с непокорными они жестоко расправлялись, избивали, совершали насильственные акты мужеложства, указывая тем самым на пренебрежительное отношение к ним. В отдельных случаях прибегали даже к расправам в виде убийства. В результате таких действий формировалась новая категория заключенных – «обиженные», «опущенные», «девки». Такие способы расправы привели к открытому противодействию со стороны наиболее значительной части осужденных – «мужиков» и лиц, примкнувших к ним. Данная традиция не нашла своего повсеместного распространения не только благодаря активным действиям со стороны администрации, но и поддержке большинства осужденных. Хотя следует отметить, что и сегодня отдельные осужденные по-прежнему стремятся навязать данную традицию: «авторитетные осужденные «воры» не должны работать».

В то время из «мужиков», «фраеров» выделились и иные новые «масти», например, «зеленые», «красная шапочка», «белый клык», «дери-бери», «ломом опоясанные», «лохмачи». Однако в силу малочисленности, размытости своих позиций они не получили поддержки со стороны сообщества и стали быстро угасать. К тому же не бездействовала и администрация исправительных учреждений. Был принят ряд мер по устранению противоречий между группировками заключенных, стабилизации обстановки в колониях. Для этого во многих регионах оборудовались специальные зоны для раздельного содержания враждующих «мастей».

Постсталинский этап (1953–1960). К концу 50-х годов прекратилась практика массовых перебросок отдельных категорий осужденных, в частности

«воров», «сук», «беспредельщиков», в отдаленные районы страны. Параллельно шла работа по совершенствованию режима содержания заключенных, строгой регламентации распорядка в ИТУ. Бригады переименовали в отряды, вводился безналичный расчет с заключенными. Особое значение придавалось контролю за поведением «авторитетов».

Во второй половине 50-х годов все враждующие уголовные сообщества содержались отдельно. Противоречия, возникающие между ними, администрация часто использовала в своих интересах. За нарушения режима лидеров и активных участников «воровского» сообщества помещали в штрафные изоляторы, отправляли в специальные лагерные пункты, тюремные отделения. «Воров» принуждали ремонтировать охранные сооружения, помещения изоляторов, что противоречило их воровским традициям. Члены группировок уже не опасались мести и стали порывать отношения с ее активными участниками. Администрация мест лишения свободы стимулировала такие поступки, для этого активно проводила воспитательную работу, старалась создать атмосферу недоверия к «паханам» и «ворам». Более того, в ИТУ проводились открытые судебные заседания, на которых нередко общественными обвинителями и свидетелями выступали сами осужденные, что также очень существенно подрывало авторитет и традиции сообщества.

Таким образом, основная масса лиц, лишенных свободы, уже не только не поддерживала представителей преступного мира, но и перестала их опасаться. Более того, отдельные заключенные стали объединяться для борьбы с «ворами». Для этого формировались советы актива, массовые секции при них с учетом интересов осужденных и товарищеские суды. Осознав, что бессмысленно соблюдать «законы», многие представители «блатной жизни» по собственной инициативе письменно отрекались от нее. В свою очередь работники ИТУ использовали такие подписки для развенчания «авторитетов». Некоторые подписки помещались в специально издаваемые сборники для чтения осужденными. Отошедшие от строгого соблюдения традиций «воры» публично осуждали преступный образ жизни и на страницах, издававшихся в

то время многотиражных газет, по радио и на собраниях освещали различные условия осужденных. Борьба администрации учреждений по развенчанию «воровских традиций и законов», безусловно, дала определенные положительные результаты.

Традиции и обычаи нельзя ни уничтожить, ни запретить в одночасье, поскольку невозможно веками унаследованные взгляды, образ мышления, привычки изменить сразу. Вместе с тем практика жизнедеятельности людей, отдельных образований, групп показывает, что традиции, обычаи весьма устойчивы. Конечно, под влиянием многих факторов они могут видоизменяться, даже на некоторое время угасать для того, чтобы в дальнейшем преобразоваться, приспособиться к новым реалиям жизни. Поэтому не случайно в отдельных видах учреждений пенитенциарной системы они сохранились. Так, «паханы» в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях особого режима по-прежнему оказывали сильное влияние на молодых преступников, старались прожить за их счет. Особенно подвержены были этому лица, стремящиеся к подобному авторитету, инстинктивно они старались соблюдать «воровские законы» руководствуясь ложной мужской честью или часто из-за боязни расправы со стороны «своих». Более того, лишившись права на безраздельное господство в лагерях, «авторитеты» начали искать новые формы и способы доминирования в сообществе, соответственно, в этих целях видоизменялись и отдельные «воровские традиции».

Хрущевский этап (1960–1970). Изменения в уголовном, уголовно-процессуальном, исправительно-трудовом законодательстве 1958–1961 гг., направленные на усиление борьбы с преступным миром, заставили «привычных преступников» пересмотреть свои принципы, нормы, запреты, вынудили их уйти в подполье. За наиболее устойчивыми приверженцами «воровских традиций», а их было в тот период около 3 % от всей массы осужденных, которые содержались в колониях особого режима и тюрьмах, была усилена работа по контролю за их поведением – они находились на учете, за ними неустанно следили надзиратели, к ним не применялось досрочное

освобождение, за нарушение режима снижалась норма питания. Да и законодательно было закреплено, что они должны заниматься тяжелыми видами работ. Хотя такие меры и имели определенный положительный результат, тем не менее полностью сломать традиции «воровских законов» не удалось. Активность «воров в законе» видоизменилась. Они стали действовать скрытно, хитро, как правило, чужими руками.

К середине 60-х годов в структуре «воровских» группировок произошли существенные изменения. «Воры» с «фраерами» стали поддерживать более тесные отношения, чем с другими группировками осужденных, а в отдельных случаях даже объединялись с ними для решения общих задач, но к власти их не допускали никогда. Причина в том, что число «воров в законе» к началу 60-х годов резко сократилось, и их сообщество нуждалось в пополнении для поддержания своего авторитета. «Фраера» в свою очередь также осознавали, что «блатарь» без поддержки ничего не может.

Кроме того, среди осужденных в то время стало возрождаться и очень цениться умение играть в карты. Карты стали чуть ли не единственным источником «воровских» доходов, а среди «фраеров» было очень много хороших игроков. Поэтому опора на «фраеров» оказалась весьма кстати. На их преступное прошлое многие «воры» закрывали глаза. К тому же среди «фраеров» было немало осужденных, склонных к лидерству, хорошо разбиравшихся в «законах» преступного мира.

С изменением качественного состава группировок стали преобразовываться либо постепенно отмирать многие запреты. «Вор» теперь мог не только воровать, но и иметь семью, постоянный домашний приют. На воровских сходках принимались решения, разрешающие «честно уходить» из сообщества, работать и даже вступать в контакты с администрацией (правда, в интересах «братства»).

Однако отдельные традиции того времени все-таки утвердились: никто не станет «честным вором», если служил в армии, слишком усердно трудился на «благо Родины», будучи осужденным, и заслужил в колонии досрочное

освобождение, выполнял в колонии общественные работы, участвовал в общественных организациях или был членом актива ИТУ, нарушал «кодекс чести арестанта».

Вместе с тем сохранялись и старые обычаи, например, наличие «общака». Последний предназначался якобы для оказания помощи, поддержки осужденным, попавшим в ШИЗО, тюрьму, больницу. На самом же деле им пользовались лишь «авторитеты». Помимо этого, запрещалось писать жалобы, заявления в адрес администрации практически по всем вопросам, касающимся их жизни в колонии.

«Хранители» относились своеобразно и к режимным требованиям. Они перешивали выдаваемую им специальную одежду, отказывались надевать нарукавные повязки на время выполнения отдельных поручений (например, дежурный по отряду, столовой), пришивать нагрудные знаки. «Фраера», «хорошие парни», «братва» считали, что «отбывать» дисциплинарные взыскания – это долг, участь и даже способ проявления своеобразного мужества, доблести. Однако лидеры имели свое мнение по таким вопросам. Они старались показать перед администрацией свою лояльность. Им «предписывалось» быть всегда сдержанными, осторожными, в том числе и в высказываниях, не допускать грубостей, не давать поводов для оскорблений, избиений, выходить на работу. Правда, многие «авторитеты» лишь формально признавали свою обязанность трудиться, эксплуатировали должников, прибегали к обману, никогда не выполняли тяжелую работу.

Что касается конца 60-х годов, то в субкультуре осужденных своеобразным правилом было пренебрежение к излишкам, к богатству, что в целом отражало общественное мнение той поры. Однако некоторые рецидивисты не придерживались такого правила опять-таки в силу своих личностных качеств: эгоизма, жадности, пренебрежения к другим, жадны наживы. Отсюда, по нашему мнению, неслучайным является то обстоятельство, что в 70-е годы статус в группе неформальных лидеров осужденный мог просто купить.

Постсоветский этап (80-е годы – начало 90-х годов). Если несколько десятилетий назад в среде заключенных преследовалось любое сотрудничество с официальной властью, то в этот период уже не учинялись свирепые расправы с отступниками от тюремных обычаев.

В конце 80-х годов даже звание «вора» можно было купить. Сначала сведения о подобных случаях поступали из южных районов, наиболее пораженных коррупцией и протекционизмом, затем из других регионов страны. Раньше «вор» считался хранителем традиций преступного сообщества. Каково же было удивление и разочарование преступников, ранее проводших в тюремном заключении десятилетия и получивших новые сроки за принципиальные по тюремным понятиям проступки, когда представители профессиональной и организованной преступности «новой волны» ради досрочного освобождения не гнушались любыми средствами, даже сотрудничеством с администрацией. Как справедливо отмечает В. В. Шемякина, двойная мораль стала верной спутницей и официальной, и криминальной идеологии²¹.

В начале 90-х годов преступное сообщество претерпело серьезные изменения. Резкий поворот в политическом курсе страны, тяжелое экономическое положение, масштабные амнистии способствовали тому, что криминальная иерархия стала носить разрозненный характер, что определялось рядом факторов. Такое состояние неизбежно отразилось на субкультуре осужденных в местах лишения свободы. В условиях изоляции оставались наиболее опасные категории преступников, в то же время рост преступности в обществе неизбежно способствовал пополнению исправительных учреждений новыми преступниками, совершившими корыстно-насильственные и корыстные преступления. Происходило столкновение интересов, где доминирующим фактором стали материальные возможности преступников. В связи с этим, на наш взгляд, формирование и культивирование элементов

²¹ Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры. С. 102.

субкультуры стало прерогативой достаточно обеспеченных осужденных. Именно они распространяли в местах лишения свободы свои воззрения на дозволенное и запретное.

В заключение необходимо отметить, что субкультура изолированных от общества преступников хотя и была изменчива, но проявлялась весьма своеобразно и оказалась достаточно живучей. Опираясь на относительно замкнутую систему взаимоотношений между подобными себе лицами, необходимость самоутверждения в таких отношениях, многие формы и способы такого самоутверждения и существования невольно оказывали влияние на остальные формы поведения неустойчивых групп населения в обществе. Поэтому не случайно в России в рассматриваемый период существовала довольно развитая, хотя и разношерстная криминальная субкультура, в которой проявлялись многочисленные «специализированные» группы и объединения преступников.

§ 2. Изменение субкультуры преступников с конца XX века

В результате изменения политического и экономического курса страны меняется и жизнь осужденных в колонии. В частности, видоизменяются неформальные нормы, которыми руководствуются осужденные, претерпевают изменения и другие элементы субкультуры, такие как стратификация, татуировки, жаргон. Помимо вышеперечисленных обстоятельств, необходимо учитывать и тот факт, что в советский период отечественной истории господствующая идеология отрицала преступность как социальное явление, а вместе с ней и криминальную субкультуру²².

На этом фоне в 90-е годы XX в. криминальные группировки 80-х годов переросли в организованные преступные сообщества со свойственной представителям таких сообществ субкультурой²³.

Первоначально представители таких сообществ опирались на ценности профессиональной преступной среды, в которой характерным атрибутом являлась фетишизация в уродливой форме идеи взаимовыручки, единого братства, понимания, поддержки. В связи с чем мотивом поборов, существующих в группировках, причем нередко под благовидным предлогом, выступало оказание помощи на лечение, родственникам, на устройство после освобождения того или иного осужденного, на похороны и другие подобные цели.

²² См.: Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 5.

²³ См., например: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003; Варыгин А.Н., Громов В.Г. Особо опасный рецидив преступлений и организованная преступность (криминологические и пенитенциарные проблемы) // Проблемы реализации судебной реформы в Российской Федерации. Вып. 2. Ч. 2 / под ред. А.И. Гришина. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2001; Ишигеев В.С. Криминальная субкультура мест лишения свободы и ее взаимосвязь с организованной преступностью // Сб. научн. трудов «Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией». Вып. 2. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004.

Таким образом, на наш взгляд, можно констатировать, что группировки являлись аналогами неформальных групп осужденных отрицательной направленности, содержащихся в условиях изоляции.

Группировкам была свойственна высокая дисциплина. Для ее поддержания использовались различные способы. В целях вовлечения в свои ряды новых членов вокруг лиц, не входящих в такие объединения, создавался неблагоприятный микроклимат, также применялись армейские способы поддержания дисциплины. Также существенное отличие данных группировок от традиционных для того времени организованных преступных групп заключалось в том, что они обладали высокой организованностью, сплоченностью между членами группы²⁴.

Более того, преступники переходного периода еще меньше чем правонарушители 1980-х гг., стали опасаться активности правоохранительных органов в силу достаточно известных причин: низкая раскрываемость преступлений, коррупция в правовой системе, слабая профессиональная подготовка сотрудников МВД, следователей и прокуроров и, как следствие, безнаказанность даже самых громких преступлений, совершенных в последние годы. Полное пренебрежение к праву породило даже такую формулу, как «жить по понятиям»²⁵.

««Понятия» и «воровской закон», – пишут современные исследователи, – это набор вполне определенных правил, противостоящих «беспределу» и структурирующих общественное бытие. В конечном счете «воровской закон» – это биологическая справедливость, кодифицированный социальный дарвинизм в действии, эффективно регламентирующий права хищника и жертвы, слабого и сильного, при безусловном признании права силы»²⁶. При

²⁴ См.: Модестов Н.С. Москва бандитская. М.: Центрполиграф, 1996. С. 256.

²⁵ См.: Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы: стратегия противодействия // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 1. С. 23.

²⁶ См. об этом: Молоствов А.В. Субкультурные особенности представлений о жертвах преступлений у осужденных // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. 2008. № 2.

этом права «слабых» ничтожны, но не равны нулю, а права «сильных» огромны и общеизвестны.

В стране, откровенно и последовательно живущей «по понятиям» ... вообще не возникает необходимости заниматься экономикой и политикой. Патерналистские инстинкты, психологические стереотипы массовой безответственности, социальная пассивность, укорененность «понятий» как общепризнанного инструмента урегулирования противоречий – все это создает объективную основу для того, чтобы словосочетание «криминальный режим» превратилось из ругательства в констатацию»²⁷.

Субкультура лиц, входящих в молодежные группировки, весьма разительно отличалась от субкультуры представителей профессиональной преступности по ряду особенностей: относительно молодой возраст и занятость (трудоустройство или учеба), отсутствие судимости, противоречие образу жизни профессионального преступника тех лет, отсутствие элементарных знаний уголовного права, которыми обладал практически каждый профессиональный преступник²⁸.

Это было обусловлено бездействием органов государственной власти: «На наш взгляд, одним из недостаточно отработанных звеньев в данной причинно-следственной цепочке является практическое отсутствие прогнозов развития молодежной субкультуры и ее контркультурных образований»²⁹.

²⁷ См.: Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. 2000. № 10. С. 129.

²⁸ См. также: Сочивко Д.В. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения М.: Московский психолого-социальный институт, 2009; Жуйков А.В. Принятие молодежью криминальной субкультуры как фактор девиантной виктимизации // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4; Савельев А.И. Скинхеды как форма современной молодежной субкультуры // Матер. междунар. научно-практ. конференции «Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества». Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. Т. 4; Новикова Ю.В. Влияние криминальной субкультуры на мотивацию несовершеннолетних преступников-рецидивистов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1; Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

²⁹ См.: Аршавский А.Ю., Вилкс А.Я. Антиобщественные проявления в молодежной среде: опыт регионального прогноза // Социологические исследования. 1990. № 4. С. 57–58.

Однако в дальнейшем произошло объединение лидеров таких группировок с лидерами профессиональной преступности. Об этом пишет А.Л. Александров: «В структуре организованных преступных группировок значительное место занимают лица, ранее судимые к лишению свободы. Часто они бывают руководителями и лидерами таких формирований, вследствие чего оказывают серьезное влияние на их преступную деятельность. Кроме того, указанная категория лиц является носителем преступных обычаев и традиций, что служит основой для воспроизводства как организованной преступности, так и преступности в целом»³⁰.

По всей видимости, существование организованной преступности порождает и существование субкультуры ее представителей. Существование организованной преступности обусловлено как переделом собственности, так и наличием отраслей криминального «бизнеса», которые контролирует организованная преступность: «Сегодня возникает новое дворянство, новая аристократия. Она растет из простых людей, не важно, кем они были прежде: университетскими профессорами или бандитами, – но дети их уже учатся в Кембридже и будут стесняться своих родителей, а внуки просто забудут своих дедов»³¹.

Таким образом, на фоне изменения социально-экономической действительности и общественного сознания происходило видоизменение субкультуры сообщества преступников начала XXI века. До начала социально-политических реформ в стране неформальные нормы криминальной субкультуры обнаруживались преимущественно в микросреде преступников. К началу XXI века сфера их действия расширилась в связи с резким ростом

³⁰ См.: Александров А.Л. Криминологический анализ и предупреждение органами внутренних дел организованных преступлений, совершаемых лицами, ранее судимыми к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 8; Белецкий В.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омский юридический институт МВД РФ, 1996. С. 13.

³¹ См.: Кончаловский А.С. Возвышающий обман. М., 1999. С. 322.

преступности, криминализации все более широких слоев населения и разных сфер жизни общества³².

Изменение социально-экономических условий в стране приводит к тому, что идеологическая составляющая деятельности криминального сообщества отходит на второй план. Новое понимание основной задачи объединения преступников в сообщество уже не обозначает главной целью противоборство с государством (в лице правоохранительных органов). На смену прежней цели приходит новая цель: личного обогащения, за счет причастности к "элите" криминального сообщества³³.

Новая цель образует новые требования к соискателям лидирующих позиций в криминальном сообществе. Раньше «власть» в криминальном сообществе состояла из своего рода «жрецов», глубоко понимающих смысл криминальной идеологии. Это был своего рода ценз. Если человек не имел цельного понимания, деятельности криминального сообщества, у него не было шанса оказаться в «высших эшелонах власти» криминального сообщества. Он мог стать «вором в законе», его уважали за определенные заслуги, но в рамках всего сообщества его мнение не имело решающего значения³⁴.

Все «научные исследования» советского периода, сводившиеся к тому, что лидеры криминального сообщества в большинстве своем деградировавшие личности, опровергаются этим фактом. Человек, не понимающий сути криминальной идеологии, не мог оказаться на вершине неформальной иерархии. Никакие «профессиональные» или организаторские качества, отличавшие конкретного «лидера», не давали ему шанса «получить доступ» к управлению сообществом, если его понимание криминальной идеологии

³² Дубягина О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

³³ См.: Тирских А.А. Преступная идеология: понятие, содержание и меры противодействия // Российский следователь. 2009. № 3. С. 30 - 32.

³⁴ См.: Уваров И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии // История государства и права. 2014. № 5. С. 59.

исчерпывалось лишь поверхностными представлениями о сущности противоправной деятельности как системного явления³⁵.

И.А. Уваров и О.А. Соловьев полагают, что закатом ортодоксальной криминальной идеологии стали изменения в системе политических и социальных преобразований, начатых М.С. Горбачевым. По их мнению в качестве аксиомы можно утверждать, что, «когда любая идеология, вытекающая из цельного понимания закономерностей развития общества, сменяется идеологией, сложившейся из сиюминутной ситуации, возникает определенная закономерность – иные требования к качествам лидера»³⁶.

Как следствие таких преобразований, в лидирующей группе криминального сообщества начинается своеобразная «ротация кадров». Теперь к управлению всем криминальным сообществом допускается не тот, кто понимает сущность криминальной идеологии, а тот, кто может в каждой конкретной ситуации адекватно реагировать на изменения в системе взаимоотношений: криминальное сообщество – правоохранительные органы (да, пожалуй, и власть в целом). Идеологов криминального сообщества сменяют люди более низкого уровня - провозглашающие ее главенство только для достижения конкретной выгоды. Они создают, по сути, новую структуру криминального сообщества. Но все это будет сделано не ради реализации «воровской идеи», а ради построения новой системы ценностей для лиц, занимающихся противоправной деятельностью, если можно так выразиться, «на профессиональной основе»³⁷.

По мнению В.Н. Кудрявцева, на современной криминальной субкультуре сказались два обстоятельства:

³⁵ См.: Кутякин С.А. Современное содержание деятельности "воров" в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 8 - 9.

³⁶ См.: Уваров И.А., Соловьев О.А. Криминальная идеология в российском обществе // Социально-гуманитарный дискурс. 2012. № 3. С. 64.

³⁷ Уваров И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии // История государства и права. С. 60.

1) произошло массовое вытеснение прежних «воров в законе» и присущих им взглядов и традиций новым поколением преступников, которые не изолируются от общей социальной среды, а наоборот, активно в нее внедряются, привнося свои «правила игры»;

2) наблюдается сближение преступной субкультуры с нравами современного кризисного общества, в котором «идет война всех против всех», что очень устраивает представителей воровского мира³⁸.

Ситуация, сложившаяся в стране на рубеже XX и XXI вв., не могла не сказаться на жизни тюремного сообщества. В 90-е гг. прошлого столетия и особенно в начале 2000-х гг. принцип «воровской жизни», гласящий о невмешательстве в коммерческую жизнь, был окончательно преодолен. Лидирующую группу начинают «наполнять лица», способные решать лишь частные вопросы. В условиях уголовно-исполнительной системы это «положенцы» и «смотрящие». Реакция на сиюминутные изменения в ситуации требует людей, способных не только быстро реагировать, но и принимать адекватные решения «здесь и сейчас». Оставшиеся у «власти» лидеры «старой формации» не отрицают необходимость решения этих задач, но они и понимают пагубность такой формы управления криминальным сообществом³⁹.

На свободе верхние слои криминальных сообществ, накопив свой капитал благодаря преступной деятельности, включились в официальные товарно-денежные операции, тем самым преступный бизнес все более начал срастаться с легальным, проникая в нефтехимическую, лесную, алмазную, алюминиевую промышленность и отдельные коммерческие банки⁴⁰.

А.Н. Олейник абсолютно прав в том, что криминальная среда многое дала субъектам политики и экономики сегодняшней России. Более того, даже

³⁸ См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 106.

³⁹ Уваров И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии // История государства и права. С. 60.

⁴⁰ Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы: стратегия противодействия. С. 29.

в повседневном поведении россиян присутствуют элементы, атрибуты тюремной субкультуры⁴¹.

В этих условиях, бесспорно, многие социальные связи объективно пронизываются материальными отношениями. Деньги, материальные ценности все активнее становятся не только символом богатства и власти, но и служат определенным мерилom личного успеха. Стремление к обогащению у многих граждан становится нормой поведения. Такой процесс в обществе все активнее набирает обороты. Отсюда различные интересы, в том числе и антиобщественные, получают самые многообразные формы выражения и проявления. Все более распространенной становится норма обогащения одного человека за счет другого.

Безусловно, это проявляется не столько в интенсивном росте преступлений, особенно в сфере экономики, сколько, прежде всего в распределительных отношениях. Государству уже сложно гарантировать каждой личности в полном объеме право на труд, на отдых, на жилье, на бесплатное образование и достойное медицинское обслуживание, и социальное обеспечение. Естественно, многие такие процессы, происходящие в обществе, не могут не отражаться на поведении осужденных, и, в конечном итоге, на решении задач, стоящих перед исправительными учреждениями, ибо исправительные учреждения и происходящие в них процессы не могут быть изолированы от общества, находиться вне политики государства⁴².

Более того, в пенитенциарной системе развиваются очень схожие негативные тенденции, что и в обществе: усиливается влияние лиц, имеющих значительные денежные средства; наблюдается рост правонарушений, направленных на противодействие законным требованиям администрации; недовольство большинства осужденных мерами, принимаемыми администрацией по улучшению условий отбывания наказания; активно

⁴¹ См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 128.

⁴² См.: Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. Пенза. 2005. С. 258.

происходит вовлечение молодых преступников в группы отрицательной направленности поведения; усиливаются агрессивность и организованность преступников.

Во-первых, в течение незначительного промежутка времени изменилась система взаимоотношений в среде осужденных, усилилась ее стратификация. Интересы большинства осужденных все активнее стали как бы поворачиваться к тем ценностям, которые смогли бы им обеспечить успех и благополучие как в самой среде преступников в условиях изоляции, так и в дальнейшем – после освобождения. На волне этого стал более отчетливо формироваться и культивироваться образ «вора в законе» или иного преступного авторитета⁴³. Хотя сегодня сам образ стал несколько размываться, тем не менее, преступные авторитеты по-прежнему располагают большими финансовыми возможностями, с помощью которых они могут влиять на формирование субкультуры осужденных. Безусловно, на такое обстоятельство в значительной степени оказало воздействие качественное изменение состава осужденных. В места лишения свободы стали направляться все больше лиц, которые не только превосходят по интеллекту большинство осужденных, особенно за корыстно-насильственные преступления, но и имеют достаточно солидные финансовые средства и определенную связь с влиятельными людьми, находящимися на свободе, и располагают их поддержкой. Такие осужденные из числа «новых русских» благодаря своим возможностям легко находят контакт с преступными авторитетами, с отдельными сотрудниками из числа администрации учреждения, а в некоторых случаях даже используют их в своих целях.

Естественно, для многих преступников новой волны жесткие рамки статуса «вора в законе» или преступного авторитета виделись архаичными и даже примитивными, ибо влияния среди преступников можно добиться

⁴³ См., например: Разинкин В., Тарабрин А.Г. Цветная масть: элита преступного мира. М.: Вече-Аст, 1998; Тарабрин А.Г. Воры в законе и авторитеты. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999; Анисимков В.М. Публичная власть и криминологическая характеристика «сообщества воров» в период передела России // Матер. Междунар. научно-практ. семинара «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний». Рязань, 2013.

другими, более доступными для них способами. В свою очередь, «воры в законе» также были заинтересованы соблюдать паритет, поскольку понимали, что деньги в среде преступников играют большую роль. Поэтому не случайно, те «воры в законе», которые не смогли активно противостоять, стали сотрудничать с ними⁴⁴.

Идеология криминального сообщества превращается в пустую традицию и «ширму», для решения иных, не имеющих отношения к ее сущности задач. Смена ориентиров у «лидеров» криминального сообщества превращается в способ получения личных благ (бери как можно больше себе). Так называемый «общак» превращается в атрибут, решающий личные задачи приближенных к лидирующей группе сообщества. В реальности высшей идеей становится идея получения как можно больше материальных благ (пополнение «общака»). Их должно быть как можно больше, не пытаясь понять, «почему?», «для чего?». Именно в этот период времени появляются роскошные виллы, машины и т.п. Кто пытается противостоять засилью лиц, стремящихся к личному обогащению, тот предатель, разрушающий устои криминального сообщества. В специальной литературе это явление получило наименование «борьбы «воров в законе» старой и новой формации». «Старых» просто устраняют физически (как ни страшно это звучит, это единственное средство решения этой проблемы)⁴⁵.

В системе организованной экономической преступности выделяются так называемые авторитеты, постепенно заменяющие прежних «воров в законе». Это уже «не татуированный зэк с почерневшими от цифиря зубами; он чисто выбрит, одет по последней моде, в его обслуге не только «шестерки», но и референты, помощники, адвокаты и телохранители. В повседневном обиходе у лидера несколько приватизированных квартир, дачи, автомашины

⁴⁴ Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. С. 259.

⁴⁵ Уваров И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии // История государства и права. С. 61.

престижных марок»⁴⁶. При этом его криминальный профессионализм принимает многоплановый, разносторонний характер: такой делец готов активно включиться и в легальную экономическую деятельность, и в избирательную гонку, и «заказать» убийство конкурента, и вовремя скрыться за рубежом⁴⁷.

Процессы, происходящие в верхних слоях преступной элиты, не могли не отразиться на стратификации сообщества осужденных и их субкультуре. Во всяком случае, для большинства осужденных стало очевидным, что для того, чтобы быть «авторитетным» в их среде, необходимо не просто иметь деньги, а иметь много денег. Добыть их одному невозможно, да и опасно. Поэтому в местах лишения свободы, особенно в последнее время, существует много неформальных образований, но, как правило, наибольшее влияние на осужденных, на формирование норм и правил поведения оказывают одна-две группировки. Именно их лидеры решают большинство вопросов в системе отношений между осужденными. Поэтому не случайно, что многие осужденные, особенно из числа молодежи, проявляют интерес к таким группам, стараются быть полезными именно им и, конечно, в первую очередь их лидерам. Большинство из них со временем попадают в очень сильную зависимость, которая нередко и определяет дальнейшую жизнь молодых преступников.

Сохраняется тенденция к активизации противоправных действий осужденных, направленных на дестабилизацию деятельности исправительных учреждений. По-прежнему криминальные лидеры в местах лишения свободы и вне их пытаются распространять «воровские традиции», организовывать и координировать противоправные действия осужденных, оказывать воздействие на представителей администрации. Причем в некоторых территориальных органах администрация своими пассивными действиями

⁴⁶ См.: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 624.

⁴⁷ Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания. С. 24.

создает необходимые для этого предпосылки, зачастую открыто перепоручая отдельным осужденным поддержание порядка в ИУ, взамен создавая им льготные условия отбывания наказания, в том числе разрешая пользоваться запрещенными предметами.

В данном случае прав В.Н. Кудрявцев утверждая, что криминальная субкультура никогда не подвергалась систематическому анализу, а нравы преступной среды – это и есть ее субкультура, которая в широком смысле этого слова является, к сожалению, частью общей культуры населения. По его мнению, нормы и правила уголовного мира, с одной стороны, поддерживают преступную среду, а с другой – разлагают молодежь, искажают общественное сознание⁴⁸.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о механизме формирования криминальной субкультуры, процессе приобщения к ней различных категорий граждан. К психологическим механизмам функционирования криминальной субкультуры относится феномен интеграции криминальной среды, т. е. ее стремление к объединению, сплочению. Криминальная среда как диффузно рассредоточенное по всей России и за ее пределами сообщество стремится к объединению и координации своих действий⁴⁹.

Интегрированные в криминальную сеть преступных сообществ, структура которых в России соответствует рыночной экономике, действующие в местах лишения свободы организованные преступные формирования выполняют свою традиционную роль по воспрепятствованию исправлению осужденных с учетом новых тенденций, заключающихся в том, что субкультурный авторитет поддерживается не столько приверженностью сообщества уголовным традициям и обычаям, сколько размером теневого капитала, имеющегося в распоряжении лица. Однако было бы ошибочным говорить о нивелировании системы искаженных ценностных ориентаций

⁴⁸ См.: Кудрявцев В.Н. Проблемы мотивации в криминологии. М., 1986. С. 37.

⁴⁹ Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры. С. 103.

в пенитенциарной среде привычных правонарушителей. Отдельные нормы, традиции, обычаи и межличностные связи в начале XXI в., безусловно, изменились, но их функции сохранились. Правоохранительные же органы и законодательная система остались на ступенях переходного периода⁵⁰.

В настоящее время существует тенденция к изменению структурного механизма сообщества осужденных в местах лишения свободы. Многие атрибуты становятся все менее значимыми, что связано с разрастанием масштабов профессиональной и организованной преступности. Это привносит в учреждения уголовно-исполнительной системы новое представление о возможностях и запретах. В результате появляются новые ролевые статусы, соответствующие указанным видам преступности. Следует заметить, что представители профессиональной и организованной преступности охотно идут на сотрудничество с персоналом исправительных колоний ради того, чтобы длительное время не находиться в местах лишения свободы. Доминирующей оказывается социальная роль, в определенной степени сходная с традиционной ролью, выражающей беспредел. Уважаемыми становятся осужденные, которые способны убить другого, сохранить преданность своей группе и быть готовыми ограбить, напасть на своих неприятелей или врагов других заключенных, более слабых осужденных из числа чужих либо не препятствовать совершению криминальных деяний другими членами сообщества. Эти осужденные в открытой форме противодействуют администрации, создают конфликтную криминальную ситуацию, несмотря на угрозу применения к ним жестких мер наказания⁵¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что системный политический, экономический, социальный, идеологический и духовный кризис конца прошлого века привел к тому, что многие формы профессиональной преступности стали перерастать в организованную преступность. Данное

⁵⁰ Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания. С. 29.

⁵¹ См.: Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 34.

обстоятельство привело к существенному изменению неформальных норм, которое совпало с кризисом официальной идеологии. Конец 80-х – начало 90-х годов XX века ознаменованы крушением «железного занавеса», переходом к новому политическому мышлению, плюрализмом мнений, что в конечном итоге привело к переходу от советской идеологии к идеологии толерантности, в основе которой лежал принцип «разрешено все, что не запрещено».

Криминальный мир всегда умел перестроить свою стратегию и тактику, опираясь на происходящие в обществе социально-экономические изменения. Этические воззрения уголовного мира никогда не были однородны. На современном этапе можно выделить четыре основные тенденции в криминальной субкультуре: 1) традиционализм (стремление к поддержанию классических «воровских» традиций); 2) модернизация устаревших «законов», взглядов уголовного мира под влиянием изменившихся социальных условий; 3) отрицание каких-либо обязательств, крайний цинизм и жестокость (неприятие социальных норм и «воровских законов», так называемый беспредел); 4) отказ от традиционализма, гибкость, высокая приспособляемость к внешним условиям, стремление к проникновению во властные структуры, связь с крупным бизнесом, политикой⁵².

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что неформальные нормы сообщества осужденных лишены самостоятельности и во многом являются производными от существовавшей в то время официальной идеологии. В отдельных случаях даже наблюдается зависимость между неформальными нормами субкультуры сообщества преступников и официальной идеологией. Меняются общественные нравы, видоизменяются и неформальные нормы изолированных от общества преступников. Поэтому не случайно, что в России к началу XXI века сформировалась структура преступности, которая свойственна странам с рыночной экономикой, где субкультура преступного сообщества поддерживается не столько приверженностью членов такого

⁵² См.: Сексуальные девиации в пенитенциарной системе. Криминологическое исследование: монография / А.А. Бакин и др. СПб., 2004. С. 70.

сообщества уголовным традициям и обычаям, сколько размерами его денежных средств и имеющихся финансовых возможностей.

Приверженность к идеологии перестает быть решающим показателем. Идеология криминального сообщества постепенно переходит в разряд демагогии и ритуала. Реальным делом считается только то, что связано с получением материальной выгоды. В итоге криминальная идеология начинает приобретать исключительно прикладной характер, единственной целью которой является – "накопление средств", а власть в сообществе воспринимается в качестве средства получения личных благ. Основным направлением становится не столько решение задач, интересующих криминальное сообщество по существу, сколько умение эффективно находить источники получения прибыли. Это время, когда в «воровском сообществе» начинают преобладать представители кавказских национальностей. «Барыги» получают статус идеологов и руководителей «воровского движения». Вокруг них формируется новая криминальная идеология, внешне похожая на «старую», но по сути – другая. Нельзя быть внешне «идейным вором», а внутренне «барыгой»⁵³. Такое состояние неизбежно отражается на субкультуре осужденных.

Вместе с тем, по нашему мнению, пенитенциарная субкультура во многом консервативна, и новеллы не подмывают ее основ, поскольку она развивается в сознании преступного мира, находится всегда в противоречии с общечеловеческой культурой и, в конечном итоге, подпитывается различными криминогенными мотивациями многих осужденных.

⁵³ Уваров И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии // История государства и права. С. 62 – 63.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННАЯ СУБКУЛЬТУРА ОСУЖДЕННЫХ

§ 1. Понятие современной криминальной субкультуры осужденных; ее причины и условия на современном этапе

Криминальная субкультура отражает качественное состояние правовой жизни общества и передает соответствующие криминальные, антиправовые ценности от поколения к поколению⁵⁴.

Субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающаяся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанная с ней⁵⁵.

Криминальная среда, как и социальная среда, ориентированная на право, для регулирования поведения и отношений, поддержания дисциплины в своих кругах издавна создавала и обеспечивала систему собственных норм, обычаев и правил поведения. Данная система постоянно развивается и различается в разных государствах, регионах, криминальных средах лиц, ориентированных на различные варианты преступного поведения⁵⁶.

В своем исследовании И.И. Карпец и А.Р. Ратинов отмечали: «Антиобщественной установкой в ее общепринятом понимании нельзя объяснить, почему дефекты нравственного сознания приводят к совершению

⁵⁴ См. об этом: Антонян Ю.М. Глубинные истоки криминальной субкультуры // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2; Бакаева Ю.В. Криминальная субкультура как причина деформаций неформальных отношений в обществе // Донской юридический институт: ученые записки. Т. 37. Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2010; Бибик О.Н. Применение теории субкультур в криминологии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3; Громов В.Г. Факторы, способствующие проникновению криминальной субкультуры в современное общество и приводящие к наступлению уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 12–2.

⁵⁵ См.: Аберкромби Н. Социологический словарь / пер. с англ., под ред. С.А. Ерофеева. М., 2004. С. 325.

⁵⁶ См.: Дубягина О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды. С. 3. См. также: Донских Д.Г. Криминальная субкультура и ее влияние на криминализацию общества // Актуальные проблемы российского права: сб. науч. тр. М.: Полиграф-ОПТ, 2005. Вып. 2; Донских, Д.Г. Взаимосвязь криминальной субкультуры и преступного поведения // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6.

преступлений, а не просто к безнравственным поступкам. Правда, попытка такого объяснения имеется. Полагают, что здесь все зависит от интенсивности установки, ее глубины и стойкости. Иначе говоря, менее активная установка порождает аморальные поступки, более активная – правонарушения, наиболее глубокая и стойкая – преступления, а самая интенсивная – особо тяжкие и опасные из них»⁵⁷.

А.Б. Сахаров также отмечал наличие зависимости между антиобщественной установкой и антиобщественным поведением: «Итак, общественная опасность личности связана с наличием сложившихся в конкретных условиях нравственного формирования социально отрицательных или неблагоприятных свойств и качеств, благодаря которым лицо способно при определенных объективных обстоятельствах (ситуации) избрать антиобщественный вариант поведения»⁵⁸. Таким образом, объединяющим началом такого поведения выступает нарушение каких-либо социальных запретов⁵⁹.

Хотя в некоторых случаях антиобщественное поведение может быть и социальной нормой, «...понятие «отклоняющееся поведение» далеко не во всех случаях входит в содержание понятия «преступное поведение»⁶⁰. Те или иные разновидности преступного поведения могут выступать в качестве обычных («не отклоняющихся») поступков, если они широко распространены среди

⁵⁷ См.: Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49; Саркисов Г.С., Хохряков Г.Ф. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Основные проблемы пенитенциарной криминологии. Ереван, 1988.

⁵⁸ См.: Сахаров А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 115; Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право. М.: Наука, 1968. № 9. С. 64–69.

⁵⁹ См. об этом: Антонян Ю.М. Насилие среди осужденных: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД РФ, 1994; Антонян Ю.М. Что такое лишение свободы? // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний. М., 1991. С. 3–9; Долгова А.И. Криминология. М.: Юристъ, 1997.

⁶⁰ См.: Бакин А.А. Криминальная субкультура осужденных как фактор формирования отклоняющегося и противоправного поведения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1. С. 9–11.

членов некоторых локальных, этнических, профессиональных или иных больших социальных групп»⁶¹.

Безусловно, распад личности преступника является следствием противоправной деятельности, чреват ростом количества судимостей, ослаблением и распадом социально полезных связей⁶².

По мнению Ю.М. Антоняна, влияние на личность преступника со стороны других преступников в условиях лишения свободы очень своеобразно, так как представляет собой концентрированное отрицательное явление⁶³.

М.М. Бабаев писал о негативном влиянии преступной деятельности на личность преступника: «... преступная деятельность оказывает негативное воздействие на самих преступников, углубляя и умножая отрицательные черты их личности и тем самым создавая дополнительные предпосылки для рецидива, который в данном случае можно обоснованно считать проявлением процесса самовоспроизводства преступности»⁶⁴.

Характеризуя механизм воздействия на осужденного среды его нахождения, Н.Г. Шурухнов подчеркивает, что в процессе взаимообщения происходит обмен личностными свойствами, усвоение неофициальных норм поведения, традиций, в результате чего осужденный теряет своеобразие

⁶¹ См.: Блувштейн Ю.Д. Понятие в криминологии // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 81.

⁶² См., например: Антонян Ю.М. Личность преступника: криминологическое исследование. М.: НОРМА, 2010; Анисимков В.М. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. 2014. № 1.

⁶³ См.: Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. Неблагоприятное влияние на личность в микросреде. М., 1975. С. 112. См. также:

⁶⁴ См.: Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: Учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1982. С. 50. См. также: Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990; Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: основы общей теории. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1999.

и становится подобен большинству, пребывающему там продолжительный промежуток времени⁶⁵.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что осужденный, помещенный в условия изоляции, усваивает нравы, традиции, привычки конкретного исправительного учреждения, ценностно-нормативные установки различных по криминальной характеристике категорий осужденных, то есть происходит процесс распада, десоциализации, криминализации личности⁶⁶.

Как отмечает известный немецкий ученый Г.Й. Шнайдер, при исполнении наказания, связанного с лишением свободы, наблюдается деградация личности, стигматизация преступника, что сильно ослабляет чувство собственного достоинства заключенного и затягивает его еще глубже в преступную карьеру. Заключенные превращают друг друга (с помощью насилия) в жертву в социальном, психическом, половом и телесном отношении⁶⁷.

По результатам, полученным в ходе нашего исследования, было установлено, что многие осужденные, отбывавшие наказание в пенитенциарных учреждениях неоднократно, заметно деградируют. Жизнь от преступления к преступлению, антиобщественный образ жизни, постоянная боязнь разоблачения, отсутствие позитивных социальных контактов постоянно и неуклонно снижает уровень личности, чему столь же активно способствует многократное и длительное пребывание в местах лишения свободы. Чем больше судимостей и лет, проведенных в местах лишения свободы, тем больше лиц, страдающих психическими расстройствами. Наиболее высокий уровень психически аномальных преступников наблюдается среди осужденных в местах лишения свободы особого режима. Большая часть рецидивистов выглядит намного старше своих лет, иногда – глубокими стариками, страдает

⁶⁵ См.: Шурухнов Н.Г. Расследование преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях. М., 1992. С. 21.

⁶⁶ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 29.

⁶⁷ Шнайдер Г.Й. Криминология: пер. с нем. / под общ. ред. и предисл. Л. О. Иванова. М., 1994. С. 421.

хроническими соматическими болезнями. Они нуждаются в постоянном медицинском обслуживании и уходе, вряд ли кто-нибудь из них способен постоянно трудиться⁶⁸. Более того, отдельные из них не только не исправляются, но и наоборот, становятся более опасными для общества.

Приведем составленную по результатам исследования таблицу, которая отражает эволюцию поведенческих характеристик 200 осужденных (табл. 1).

Таблица 1

Поведенческие характеристики	Осужденные, впервые отбывающие наказание (%)	Осужденные, неоднократно отбывающие наказание (%)
1. Входит в группу осужденных отрицательной направленности поведения	16,8	47,4
2. Проявляет враждебность к сотрудникам администрации	7,4	25,2
3. Проявляет враждебность в отношении положительно характеризующихся осужденных	6,9	54,3
4. Имеет татуировки, отражающие уголовную тематику	31,0	61,5
5. Употребляет при общении жаргонные слова	42,6	63,1
6. Употреблял наркотики, психотропные вещества	31,5	50,5
7. Нарушал режим содержания в виде угроз, нанесения побоев	10,1	58,9

Приведенные данные наглядно показывают усвоение отрицательных установок в поведенческом плане, стремление противопоставить себя другим категориям граждан в обществе. Бесспорно, на такое поведение оказывает

⁶⁸ См.: Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 26.

большое влияние и ближайшее социальное окружение в виде отдельных осужденных⁶⁹.

Конечно, формирование форм поведения, отношение к тем или иным ценностям в обществе зависит от множества факторов⁷⁰. Поэтому социальные корни данной проблемы разнообразны. Так, Ю.М. Антонян оставлял приоритет за образом жизни⁷¹. Я.И. Гилинский считал, что субстратом антиобщественного поведения является социальная несправедливость⁷².

Позднее исследователями⁷³, занимавшимися криминальной субкультурой, был отдан приоритет совокупности ценностей, идей, правил и норм поведения, принятых в криминальной среде как в малой группе, а не нравственным дефектам в сознании отдельных личностей, но отсутствие единого понятийного аппарата порождало противоречия.

Группы осужденных с отрицательной направленностью поведения, демонстрируя свою власть в исправительном учреждении, конкурируют между собой, создают криминогенную атмосферу враждебности, организуют «разборки», распространение провокационных слухов, приводящих к криминальным конфликтам. Данные группировки характеризуются более высоким уровнем организации и сплоченности их членов, имеют обычно ярко

⁶⁹ По этой проблеме также писали другие авторы см.: Михлин А.С. Осужденные. Кто они? Общая характеристика осужденных (по материалам переписи 1994 г.). М.: ВНИИ МВД России, 1996; Антонян Ю.М. Мотивация поведения осужденных: монография М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009; Анисимков В.М. Криминальная субкультура: краткая история вопроса, ее влияние на формирование личности правонарушителя // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3.

⁷⁰ См. также: Громов В.Г. Фактор криминогенности мест лишения свободы // Современное право. 2006. № 11; Кутякин С.А. Криминальная субкультура в местах лишения свободы России // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. 2008. № 4; Затона Р.Е. Условия содержания заключенных и осужденных как криминогенный фактор, влияющий на стабильность функционирования Российских пенитенциарных учреждений // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. 2010. № 1.

⁷¹ См.: Антонян Ю.М., Самовичев Е. Отражение в приговоре мотивов насильственного преступления // Советская юстиция. 1982. № 20. С. 9.

⁷² См.: Гилинский Я.И. Проблема причинности в криминологической науке // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 69.

⁷³ См. об этом: Барабанов Н.П. Криминальная субкультура осужденных: теоретический, криминологический, психологический аспекты, функциональный механизм. Рязань, Акад. ФСИН России, 2009.

выраженного лидера, ближайшее окружение которого составляют «авторитеты» малых групп. Их деятельность проявляется в совершении различного рода нарушений установленного порядка отбывания наказания и преступлений, обусловленных криминальной субкультурой, межличностными конфликтами в среде осужденных⁷⁴.

В 2012 году преступления были допущены в исправительных колониях 27 территориальных органов. На фоне активизации противоправных действий осужденных, направленных на дестабилизацию деятельности ИК, количество случаев применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности возросло на 18,1 % (со 127 до 150), причинен вред здоровью 48 сотрудников (2011 г. – 43, +11,6 %)⁷⁵.

В 2013 году преступления допущены в исправительных колониях 35 территориальных органов. Также сохраняется тенденция роста противоправных действий осужденных, направленных на дестабилизацию деятельности учреждений, противодействие администрации. Количество случаев применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности выросло на 14,7 % (со 150 до 172), причинен вред здоровью 58 сотрудникам⁷⁶.

За 2015 год в исправительных учреждениях ФСИН России зарегистрировано 837 преступлений, что на 11 % выше показателя 2014 года (754). Уровень преступности в расчете на 1 тыс. осужденных возрос на 16,9 % и составил 1,59 (2014 год – 1,36). Наиболее распространенные преступления: приобретение, сбыт наркотических средств – 192 (23 %), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества – 175 (21 %), побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи – 123

⁷⁴ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 29.

⁷⁵ О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году: обзорное письмо ФСИН России от 28.03.2013 года № 07-8819.

⁷⁶ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году: обзорное письмо ФСИН России от 24 марта 2014 г. № 08-11588.

(14,7 %). Допущено 86 особо учитываемых преступлений (2014 год – 67, рост на 28,3 %), в том числе: 2 захвата заложников, 18 убийств (2014 год – 14, рост на 28,6 %), 49 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (2014 год – 42, рост на 16,6 %), из них 21 – повлекшее смерть потерпевших (2014 год – 17, увеличение на 23,5 %)⁷⁷.

Весьма важно отметить, что большая часть нападений совершена в помещениях строгой изоляции (ШИЗО, ПКТ, СУС, ЕПКТ) осужденными, характеризующимися отрицательно, имеющими множественные нарушения установленного порядка отбывания наказания, психически неуравновешенными, в основном при изъятии у них запрещенных предметов либо из хулиганских побуждений, при этом в 8 случаях осужденные находились в состоянии алкогольного опьянения, в 7 случаях нападения совершались с использованием колюще-режущих предметов. По всем случаям нападений, хулиганских действий в отношении персонала, оскорблений материалы направлялись в следственные органы, которыми возбуждено 131 уголовное дело по статьям 318, 319 и 321 УК Российской Федерации⁷⁸.

В помещениях строгой изоляции в 2013 году совершены 44 нападения, при этом в 8 случаях осужденные находились в состоянии алкогольного опьянения, также в 8 случаях нападения совершались с использованием колюще-режущих предметов. По фактам нападений на сотрудников, хулиганских действий в отношении персонала, оскорблений возбуждено 191 уголовное дело, в том числе за дезорганизацию деятельности учреждения – 134⁷⁹.

⁷⁷ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2015 году: обзорное письмо ФСИН России от 20 февраля 2016 г. № 03-9008.

⁷⁸ О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году.

⁷⁹ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

Количество дезорганизаций деятельности исправительных учреждений в 2015 году по сравнению с показателями 2014 года увеличилось на 9,4 % и составило 175 случаев (2014 год – 160)⁸⁰.

Рост насильственной преступности обуславливает концентрацию в местах лишения свободы лиц, представляющих повышенную опасность не только для общества, но и для многих осужденных, особенно из числа положительно характеризующихся, а также для работников исправительных учреждений. Такие лица в условиях изоляции стремятся доминировать, насаждая свои идеи. На этом фоне формируется своя система ценностей, аккумулируя и трансформируя традиции и обычаи преступного мира. В таком процессе неизбежно противоречие, столкновение интересов различных групп, образований, где появляются лидеры и «авторитеты» криминальной среды, которые и отражают амбиции и интересы доминирующих групп, навязывают в среде осужденных традиции и обычаи субкультуры сообщества.

Так, например, по данным С.Я. Лебедева, необходимо рассматривать криминальную субкультуру как антиобщественные традиции и обычаи⁸¹.

В своем исследовании В.Н. Перекрестов рассматривал в качестве криминальной субкультуры социально-негативное поведение на общесоциальном уровне: «На общесоциальном уровне социально-негативное поведение – совокупность индивидуального и группового, включая массовое поведение людей, нарушающих социальные нормы, принятые в конкретное время и на определенной территории»⁸².

О.В. Старков в своей работе рассматривает криминальную субкультуру как обработанную преступным миром под себя систему человеческих

⁸⁰ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2015 году.

⁸¹ См.: Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: учебное пособие. Омск, 1989. С. 12.

⁸² См.: Перекрестов В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 13.

ценностей, духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических, противопоставляемую общечеловеческим сокровищам и оценкам⁸³.

Н.П. Барабанов в своем исследовании под субкультурой уголовного мира понимает совокупность исторически сложившихся и неофициально узаконенных стереотипов поведения криминальных личностей⁸⁴.

Исходя из изложенного и обобщая имеющиеся точки зрения ученых, на наш взгляд, *криминальную субкультуру можно определить как систему групповых ценностей, интересов, обычаев, традиций, норм и правил поведения, обуславливающих регулирование неформальных отношений в среде преступников, включая и среду осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.*

Из приведенного определения, можно сделать вывод, что криминальная субкультура не возникает из ничего, она подпитывается и культивируется, прежде всего, из противоречий, возникающих в системе общей культуры. Поэтому криминальная субкультура – это своеобразные отходы общественной культуры, не приемлющей жестокость, насилие, агрессию и т.д. В связи с этим, рассуждая о криминальной субкультуре, необходимо иметь в виду, прежде всего, не только уголовную направленность осужденного, но и условия, в которых он самоутверждается и обеспечивает свое сосуществование в среде и среди подобных.

Самоутверждение представляет собой мощный субъективный стимул для поведения индивида, человек стремится к приобретению или сохранению определенного социального или биологического статуса любым путем, в том числе преступным⁸⁵.

Исследование причин, порождающих криминальную субкультуру среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, и особенно условий, способствующих ее проявлению и развитию, в настоящее

⁸³ См.: Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М., 2010. С. 31.

⁸⁴ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 30.

⁸⁵ См.: Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 106.

время представляется актуальным как с точки зрения дальнейшего совершенствования деятельности исправительных учреждений по предотвращению негативного влияния криминальной субкультуры, так и в целях дальнейшего совершенствования организации борьбы с преступностью в стране в целом⁸⁶.

При осуществлении предупредительной деятельности большое значение имеет учет механизма преступного поведения как результат взаимосвязи внешних факторов и личностных криминологических характеристик, психических состояний осужденного, криминализирующих его поведение. Вместе с тем, в местах лишения свободы личность каждого конкретного осужденного изучается недостаточно предметно и глубоко. Законодательные и иные нормативные основы их исправления далеко не в полной мере учитывают их личностные особенности, они вообще слабо ориентированы на личность преступника. То же самое можно сказать о различных методических рекомендациях, которые разработаны для их применения в исправительных учреждениях⁸⁷.

Как внешние факторы, так и личностные особенности осужденного имеют динамику, обладают свойством движения, которое либо усиливает сферу криминогенности, либо нейтрализует, декриминализирует ее. В уголовно-исполнительной деятельности не всегда анализируется процесс криминализации личности осужденного в зависимости от обстановки, взаимосвязи внешних факторов и личностных качеств, а также влияния внешних факторов на личность, среду осужденных и, наоборот, среды осужденных и внешних факторов на конкретную личность. Однако следует

⁸⁶ См. более подробно об этом: Громов В.Г. Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы: монография. М.: Издательство «Новый индекс», 2008; Антонян Е.А. Субкультура осужденных // Матер. научно-практ. конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний». Рязань: Изд-во Акад. ФСИН России, 2009; Зеленьяк И.М. Особенности проявления криминальной субкультуры в различных видах пенитенциарных учреждений // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3.

⁸⁷ См.: Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 5.

заметить, что при наличии внешних факторов, которые по своему составу, содержанию являются криминогенными, поведение не всех осужденных приобретает характер криминогенности или криминальности. Если за основу брать фиксированные отклонения в поведении осужденных, то криминогенность в среде осужденных (в отдельно взятом исправительном учреждении) является массовой⁸⁸.

Криминальная субкультура, как правило, связана с противоправной деятельностью в исправительных колониях организованных преступных групп⁸⁹. Один из критериев их характеристики, отмечает Н.И. Брезгин, – это степень следования неформальным нормам, что проявляется в следующем: активная пропаганда «воровской» идеи; формирование группового сознания основной массы осужденных; выработка определенной идеологии «преступного братства» и ее поддержание; стратификация (построение иерархической структуры в соответствии с занимаемым положением, статусом) и на этой основе – четкое распределение ролей (обязанностей); жесткая дисциплина с беспрекословным подчинением; наличие материальной и финансовой базы – «общака»; рекрутирование лиц («быки», «шестерки», «пристяжь»), исполняющих принимаемые группой решения, вплоть до преступлений⁹⁰.

Деление причин и условий криминальной субкультуры на внутренние и внешние применяется относительно мест лишения свободы и имеет практический характер. Те факторы, которые действуют внутри системы изоляции, являются внутренними причинами, если они порождают, питают

⁸⁸ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 29.

⁸⁹ См. также: Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Тюремная субкультура как динамичный доминантный фактор организованной пенитенциарной преступности. Структура криминального сообщества в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4; Тайбаков А.А. Преступная субкультура профессионального криминалитета как криминологическая проблема // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3.

⁹⁰ См.: Брезгин Н.И. Преступные группировки в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2001. № 5. С. 23.

криминальную субкультуру, или внутренними условиями, если они создают благоприятную почву или, наоборот, препятствуют действию внутренних причин; внешние причины относятся к факторам, функционирующим вне мест лишения свободы и на них влияющим, причем порождающим, подпитывающим криминальную субкультуру, являющимся ее источниками, а те обстоятельства, которые извне им содействуют или замедляют, снижают эффективность, относятся к внешним условиям⁹¹.

Внутренние причины проявления криминальной субкультуры:

1) самоорганизация преступников в противовес обществу, общепринятым правилам поведения людей в обществе;

2) объективный процесс консолидации в общины, «семьи», группировки с собственной системой правил, необходимость жить в сообществе подобных себе связаны с подсознательным желанием освободиться от саморазрушающих качеств личности осужденного;

3) «угнетавшей их системе исполнения наказаний осужденные были вынуждены противопоставить свою систему, сдерживающую силу этого угнетения, минимизирующую его негативные последствия»⁹²;

4) насаждение обычаев и традиций вследствие судимости.

Внутренние условия криминальной субкультуры обусловлены, прежде всего, изоляцией лиц от общества с определением их как преступников, т. е. лиц, противопоставивших себя обществу и опасных для него, а значит, их необходимо охранять от общества, контролировать их поведение:

1) потребность в общении, в оценке их социальных установок и взглядов, самоутверждении в системе межличностных отношений;

2) неизбежное взаимное криминальное заражение путем общения, передачи необходимой информации, в которой в условиях изоляции испытывается потребность, недостаток. Особенно остро такие проявления

⁹¹ Старков О.В. Криминальная субкультура. С. 28.

⁹² См.: Кутякин С.А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2008. С. 11.

у осужденных проявляются в условиях ограниченного от человеческого окружения в условиях содержания (в тюрьмах, в одиночных камерах и т.п.);

3) технические средства наблюдения за поведением осужденных, обеспечивающие постоянный контроль за их поведением и тем самым исключающие возможность уединиться, побыть наедине с собой, со своими мыслями и т.п.;

4) попустительство, безразличие должностных лиц ИУ к сложившейся системе субкультуры в учреждении.

Внешние причины проявления криминальной субкультуры – отторжение от общества, наиболее значимых для них ценностей, родных, семьи, работы, друзей, дома и т.д. Иначе говоря, основа криминальной субкультуры – изоляция от общества, лишение социальных значимых истоков обитателей мест лишения свободы. Естественно, усвоив элементы такой субкультуры, освобожденные лица очень трудно поддаются реабилитации после освобождения, поскольку утратили многие социальные связи, в том числе образующие культуру общества, ее ценность.

Внешние условия криминальной субкультуры:

1) экономико-политическая ситуация в стране;

2) криминализация социальных отношений;

3) проникновение во власть и экономику некоторых лиц из числа уголовных авторитетов с их преступными установками и, соответственно, способами управления, включая направление своих людей в вузы силовых министерств и ведомств для получения юридического и иного специального образования, изучения спецтехники, приемов и методов борьбы с преступностью для проникновения в систему силовых министерств и ведомств с целью усиления своего влияния, контроля, развала уголовно-исполнительной системы;

4) дискредитация авторитета сотрудников силовых министерств и ведомств, прежде всего органов внутренних дел, уголовно-исполнительной

системы, судей, прокуратуры, включая и посредством использования средств массовой информации;

5) влияние на средства массовой информации для распространения отдельных элементов криминальной субкультуры.

Подводя итог изложенному, необходимо констатировать, что криминальная субкультура рассматривается как некая система определенных ценностей, интересов, обычаев, традиций, норм и правил поведения, составляющих основу поведения и взаимоотношений лиц, совершивших или склонных к совершению преступлений, включая и осужденных в местах лишения свободы. Криминальная субкультура, как и любое явление, порождается определенными причинами и условиями, которые, применительно к местам лишения свободы, на наш взгляд, их необходимо классифицировать на внутренние и внешние. Они действуют внутри системы изоляции, являются внутренними детерминантами, порождают, питают криминальную субкультуру осужденных. Внутренние условия создают благоприятную почву для возникновения и культивирования тех или иных элементов субкультуры. Внешние причины относятся к факторам, функционирующим вне мест лишения свободы. Однако они существенно влияют не только на криминальную субкультуру, подпитывают ее, но и оказывают влияние на состояние субкультуры осужденных в условиях изоляции.

§ 2. Взаимосвязь современной криминальной субкультуры с субкультурой осужденных

Криминальная субкультура, как в целом и общечеловеческая, содержит не только предметные результаты деятельности членов определенных групп и преступных сообществ (орудия и способы совершения преступления, различные материальные ценности и т.п.), но и включает в себя субъективные человеческие усилия и способности, которые реализуются в процессе деятельности, в том числе и криминальной. К субъективным человеческим усилиям и способностям можно отнести вырабатываемые во время преступной деятельности навыки и привычки, знания, умения; уровень интеллектуального развития, эстетические потребности, этические взгляды, мировоззрение, формы и способы взаимного общения в рамках данных сообществ и за их пределами; способы разрешения споров и конфликтов, создание и руководство преступными сообществами и т.п.

По мнению Н.П. Барабанова, в исправительных учреждениях четко выражена система интересов, ценностей осужденных, а также связанный с этим набор социально-психологических характеристик, отражающих различные стороны жизнедеятельности осужденных: негативное отношение к труду; криминогенный способ поведения, выражающийся в несоблюдении официальных норм; следование субкультурным нормам; криминогенные и криминальные знания, умения, профессионально-преступные навыки, привычки; мировоззренческие установки преступного мира, отрицающие вину и ответственность за криминальные деяния, оправдывающие преступный образ жизни; приобретение и хранение предметов криминальной деятельности (орудий и средств совершения преступлений, материальные ценности, добытые преступным путем), запрещенных предметов⁹³.

⁹³ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 31.

Криминальная субкультура в настоящее время являет собой многообразие различных форм: «...многопланова и криминальная субкультура, представляющая собой как бы слоеный пирог. Каждый «слой» в таком «пироге» представляет субкультуру групп, занятых конкретной криминальной деятельностью, отражающей степень их организованности и профессионализма. С этих позиций в рамках криминальной субкультуры в целом можно говорить о субкультуре осужденных, тюремной, воровской, субкультуре валютчиков и фарцовщиков, проституток и наркоманов, сексуальных насильников, сутенеров и т.п.»⁹⁴.

Субкультура наркоманов в России – явление относительно молодое и недостаточно изученное. Она выделяется отдельными исследователями⁹⁵ как самостоятельная субкультура, имеющая криминальные корни: «В молодежной среде формируется особая «наркоманская» субкультура, которая по основным своим параметрам сращивается с криминальной субкультурой, ее антисоциальными нормами, устоями»⁹⁶.

По данным нашего исследования, из 200 осужденных, опрошенных нами, 164 употребляли наркотики, из которых 63 – впервые отбывающие наказание и 101 – неоднократно отбывающие наказание, что составляет 31,5 и 50,5 % соответственно (см. табл. 1).

Помимо криминальной субкультуры, ряд авторов выделяют тюремную (пенитенциарную) субкультуру⁹⁷.

⁹⁴ См.: Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 9.

⁹⁵ См. об этом: Дремлюга Р.И. Криминологические аспекты пропаганды наркомании и деструктивного поведения в молодежных субкультурах // Междунар. научно-практическая конференция «Наркомания и противодействие наркопреступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009;

⁹⁶ См.: Позняков Н., Березин С. Профилактика наркомании в УИС // Преступление и наказание. 2000. № 5. С. 20.

⁹⁷ По данной проблеме также писали другие авторы. См.: Абрамкин В.Ф. Тюремная субкультура // Отечественные записки. 2008. Т. 41. № 2; Лысак И.В. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5; Яковлев Н.А. Тюремная субкультура как феномен и ее негативное влияние на лиц, находящихся в учреждениях ФСИН России // Общество и право. 2008. № 4.

По мнению В.Г. Громова, «пенитенциарная субкультура представляет собой сформированную в местах лишения свободы систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических норм, правил поведения, традиций, взглядов и идей, присущих лицам с устойчивыми антисоциальными и асоциальными ценностями, ориентациями и установками»⁹⁸.

В своем исследовании Н.П. Барабанов отмечает, что одно из проявлений субкультуры уголовного мира – субкультура, сложившаяся в местах лишения свободы, тюремная субкультура связана с преступной субкультурой, но в местах лишения свободы имеет отличие, обусловленное особенностями развития системы ценностных ориентаций осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы⁹⁹.

На наш взгляд, субкультура осужденных представляет собой сложное явление. На сегодняшний день в теории криминологии и уголовно-исполнительного права нет единого взгляда на это понятие¹⁰⁰.

Поэтому неслучайно, что одни ученые полагают, что тюремная субкультура – неформальная жизнь преступников, оказавшихся в местах лишения свободы¹⁰¹. Другие называют её разновидностью криминальной¹⁰². Третьи рассматривают её как тюремную субкультуру и как самостоятельную культуру определенной социальной среды¹⁰³. Четвертые считают, что субкультура в местах лишения свободы – это система норм, ценностей,

⁹⁸ См.: Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 35.

⁹⁹ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 30.

¹⁰⁰ См. также: Багреева Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация. М.: ВНИИ МВД РФ, 2001; Мнацаканян Ю.А. Субкультура осужденных и ее роль в формировании преступных традиций и обычаев // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2; Патрушев Е.В. Криминальная субкультура осужденных // Право и образование. 2008. № 12; Антонян Е.А. Криминальная субкультура осужденных // Философские науки. 2010. № 5;

¹⁰¹ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). С. 9.

¹⁰² См.: Анисимков В.М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России: дис ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 42.

¹⁰³ См.: Блохин Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 12.

традиций, обычаев, регулирующих поведение осужденных в неофициальной структуре учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы¹⁰⁴. Так или иначе, все исследователи единодушно признают наличие и существование криминальных корней, и их влияние на образ жизни в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

На наш взгляд, вполне справедливо высказывание Д.А. Корецкого и В.В. Тулегенова, что пенитенциарная субкультура является особым видом криминальной субкультуры¹⁰⁵. В формировании пенитенциарной субкультуры играют роль две группы факторов: внутренние и внешние, – ибо жизнь осужденного в условиях изоляции так же, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Однако воздействие внешних факторов имеет локальный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении.

Внутренние факторы – это процессы, происходящие в микросреде осужденных. Если субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, то содержание этих ценностей, установок, способов поведения, жизненных стилей будет определяться качественным составом социальной группы. Если же в местах лишения свободы принудительно содержатся лица, принадлежащие к различным социальным группам и представляющие различные субкультуры – как профессионально криминальные, так и случайно криминальные, – то вполне естественно, что субкультура осужденных является своеобразной «смесью» из различных субкультур. Ценности таких субкультур не только не совпадают, но и неизбежно входят в противоречие друг с другом.

Для более правильного понимания возникновения и проявления субкультуры осужденных можно рассматривать ее через призму

¹⁰⁴ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 34.

¹⁰⁵ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 29.

взаимоотношений осужденных, исходя из условий изоляции и их личностных характеристик.

Криминогенные формы поведения осужденных имеют свои пенитенциарные и психологические особенности, определяемые социальной средой осужденных, ее социально-демографическими, уголовно-правовыми, неформально-структурными элементами. Влияние на личность осужденного ближайшего социального окружения в условиях лишения свободы своеобразно, так как представляет собой концентрированное криминогенное проявление механизма, основанного на постоянных и продолжительных взаимоотношениях. В таких условиях неизбежно происходит обмен личностными свойствами, усвоение криминальных норм поведения, традиций, в результате чего осужденный становится более криминально опасным¹⁰⁶.

Отсюда в генезисе субкультуры осужденных можно условно выделить три стадии. *На первой стадии* различные стихийно образованные групповые субкультуры находятся в состоянии противоречий, противоборства, конфликта – эту стадию условно можно назвать *стадией конфликтного состояния, или стадией зарождения пенитенциарной субкультуры*.

На второй стадии большинство осужденных вынуждены принимать ценности и установки доминирующей социальной группы. Эту стадию можно условно назвать *стадией компромисса, вынужденного принятия навязанных норм поведения большинством осужденных*.

В заключительной стадии происходит процесс *обоснования ценностей субкультуры осужденных, ее культивирование*. На протяжении советской и постсоветской истории уголовно-исполнительной системы субкультура осужденных отличалась противоправным содержанием, что позволяет сделать вывод о доминировании отдельных социальных групп, придерживающихся криминальных ценностей. Такая субкультура будет существовать до тех пор, пока она будет отвечать интересам большинства осужденных. Несоответствие

¹⁰⁶ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 30.

общей субкультуры осужденных интересам отдельных групп осужденных, как правило, связано с насильственным навязыванием меньшинству ценностей большинства и лишь в отдельных случаях компромиссного, нередко временного соглашения между противоборствующими сторонами.

Внешние факторы можно определить как отношение государства к преступности в целом и к осужденным в частности, которое выражено в уголовно-исполнительной политике, непосредственно реализуемой администрацией пенитенциарного учреждения¹⁰⁷. Уголовно-исполнительная политика и субкультура осужденных находятся в своеобразном неизбежном противоречии. Чем большая сфера условий жизни осужденных регулируется государством, тем меньше форм и способов проявления у субкультуры осужденных. И, наоборот, чем пассивнее уголовно-исполнительная политика государства, особенно в создании условий содержания осужденных, их раздельном содержании, исходя из личностных особенностей контроля над внутренними процессами в среде осужденных, тем активнее в жизни осужденных начинают проявляться элементы пенитенциарной субкультуры.

При таком подходе можно с уверенностью утверждать, что нежелание сотрудников администрации исправительных учреждений принимать участие в жизни осужденных по поводу решения насущных вопросов, связанных, например, с предоставлением длительного свидания, получением передачи (посылки), выдачи или замены одежды, обуви, спальных принадлежностей, получением медицинского лечения и т.п., неизбежно вынуждает осужденных изыскивать иные способы удовлетворения собственных потребностей, включая обращение за помощью к авторитетам криминальных сообществ, что неизбежно влечет и зависимость от них.

¹⁰⁷ См. об этом: Громов В.Г. Реализация принципов уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания в виде лишения свободы // Современное право, 2008. № 9; Громов В.Г. Достижение целей наказания в местах лишения свободы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Право, 2008. № 12; Громов В.Г. Обязанности исправительных учреждений // Современное право. 2013. № 4.

В ходе исследования установлено, что существует устойчивая тенденция к стремлению отдельными осужденными регулировать жизнедеятельность группы, сообщества, приданию этим образованиям доминирующих качеств, как правило, криминализированных, что проявляется в различных ритуалах приема прибывающих в колонию новых осужденных (прописках, опросах на знание традиций и обычаев субкультуры осужденных), консолидированном несоблюдении отдельных правил внутреннего распорядка, своеобразной поддержке, включая и взносы в «общак», применении жестких карательных санкций к осужденным, чье поведение противоречит нормам преступного сообщества. Следовательно, пенитенциарная субкультура детерминирована, обусловлена комплексом сложившихся условий жизнедеятельности осужденных в колонии, а также является своеобразной основой для воспроизводства криминальной субкультуры.

Пенитенциарная субкультура – динамичное явление, она видоизменяется вместе с изменением характера и структуры преступности. Некоторые из впервые осужденных, попадая под влияние опытных преступников, начинают слепо следовать им, стремятся примкнуть к «авторитетам». Субкультура осужденных представляет собой неизбежное явление, поскольку такие лица в местах лишения свободы пытаются найти способы ослабления тяжелых условий изоляции, обрести свою роль, проявить свое «Я» в вынужденном сообществе.

По нашему мнению, «иная жизнь» возникает в местах лишения свободы в связи с противоречиями между нормами, моральными ценностями, признающимися администрацией исправительных учреждений, и ценностями, которые признаются частью осужденных, содержащихся в этих учреждениях, чаще всего консолидирующихся в малые группы, имеющих свою идеологию, собственный кодекс.

Консолидация осужденных на базе специфической субкультуры особенно негативно влияет на их личность и поведение. Такая культура становится основным фактором, компенсирующим в той или иной степени тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания. У осужденных формируется

убеждение в том, что только в «своей» среде, а не со стороны администрации, они могут найти понимание и поддержку. В результате обостряется их противостояние персоналу исправительных учреждений и в конечном итоге обществу в целом¹⁰⁸.

Формальная организация жизни осужденных в условиях лишения свободы не способна охватить все стороны жизни человека. Она сводит воедино лишь функциональные, имеющие отношение к делу элементы среды и функции человека. Человеку для самовыражения всегда не хватает возможностей, оставленных ему любой формальной организацией.

Условия лишения свободы объективно влияют на многие стороны личности осужденных, включая чувство собственного достоинства: они стремятся к созданию неформальной организации и социальной структуры со своими статусами, ролями, нормами поведения. В процессе пенитенциарной социализации осужденного, которая представляет собой адаптацию к условиям жизни в специфической социальной среде, он становится субъектом этой системы. Данный процесс невозможен без принятия роли осужденного, накопления информации о системе организации жизнедеятельности как формальной, так и неформальной жизни в исправительных колониях, усвоения новых социально значимых элементов, касающихся еды, одежды, работы, сна, использования специального средства общения – языка (жаргона). Специфические криминальные нравы, представления, традиции и общий уклад жизни в колонии в разной степени касаются всех осужденных, обуславливают строгое соблюдение большинством из них правил поведения в криминальной общности, предусмотренных нормами жизнедеятельности в условиях социальной изоляции¹⁰⁹.

¹⁰⁸ См.: Уваров И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 3. С. 120.

¹⁰⁹ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 31.

Каждый осужденный привносит в формальную организацию свои ожидания, цели, настроения, мнения, поэтому в местах лишения свободы самоорганизация носит массовый характер, в нее практически вовлекаются все. К сожалению, приоритетными становятся «воровские законы», которые в большей степени отражают интересы и ценности осужденных. Поэтому отношение осужденных к такой субкультуре зависит от их жизненного и криминального опыта, вида и характера преступления и др.

Таким образом, субкультуру осужденных можно рассматривать как своеобразную динамическую систему, как результат компромисса между условиями, в которых вынужден находиться преступник, и необходимостью обеспечения им своей безопасности, с одной стороны, а также необходимостью самоутверждения, понимания, поддержки, с другой. Между сообществом осужденных и государством проявляются строго определенные урегулированные нормами права отношения как к лицам, совершившим преступления, и за это они наказаны и нуждаются в принудительном воздействии как к преступникам со всеми вытекающими из этого факта обстоятельствами. Отсюда замкнутость, стремление противодействовать, в том числе в групповых формах, что вполне закономерно и присуще осужденным. Такое состояние неизбежно порождает и культивирует оправдательные и усиливающие механизмы, что позволяет их назвать элементами пенитенциарной субкультуры.

В этой связи мы предлагаем следующее определение субкультуры осужденных, изолированных от общества: **субкультура осужденных (пенитенциарная субкультура)** – это вид криминальной субкультуры, обусловленный системой воздействия государства на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, включая создание для них условий отбывания наказания и регулирование многих сторон их жизнедеятельности с одной стороны, с другой – исходя из таких условий, их вынужденным стремлением приспособиться, обеспечить свою безопасность, самоутвердиться в сообществе себе подобных, где неизбежно формируется

присущая такому сообществу система ценностей, понятий, обычаев, регулирующих взаимоотношения между изолированными от общества лицами.

Криминальная же субкультура представляет собой более сложное, многоплановое явление и нуждается в систематизации, что отмечали различные авторы: «Негативные социальные явления представляют собой достаточно пестрый спектр различных правонарушений и антиобщественного поведения. При этом их можно подразделить в зависимости от нарушенной нормы права на преступления и другие правонарушения (административные, финансовые, трудовые и т.д.), на деяния, связанные с нарушением нравственных норм, правил поведения, т. е. аморальные поступки; на нарушения каких-либо предписаний. В основу классификации могут быть положены и другие критерии: общественная опасность, наличие антиобщественной установки или негативных потребностей, общего отрицательного отношения к правовым запретам, нормам морали, ценностным ориентациям личности, отношения к людям, обществу, соблюдения общественного порядка и т.д.»¹¹⁰.

Субкультура криминального мира в целом и субкультура в местах лишения свободы в частности объективны в том смысле, что их стереотипы (категории, нормы, модели, образцы-схемы) являются в рамках уголовного мира и тюремного сообщества общезначимыми и обязательными, имеющими принудительный характер.

Субкультура в местах лишения свободы ориентирована на противоположные социальные нормы и ценности. Она отрицает официальные моральные принципы и нормы, негативно воздействует на личность осужденного, криминализируя ее, стимулирует девиантное поведение, предстает механизмом противодействия процессу исполнения наказания, переносит асоциальный опыт и криминальные атрибуты за пределы мест

¹¹⁰ См.: Алтухов С.А., Корецкий Д.А., Перекрестов В.Н. Социально негативное поведение и меры борьбы с ним: учебное пособие. Ростов н/Д, 1997. С. 13–14. См. также: Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001; Илларионов В.П. Защита моральных устоев общества от влияния криминальной субкультуры // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4.

лишения свободы. Криминальная субкультура – язык криминального мира, который имеет свои особенности в каждом регионе и усваивается в процессе криминальной социализации личности. Современная криминальная среда приобрела новые черты. Она возникла не на голом месте – преступный мир имеет свою историю и внутреннюю логику развития, особенно это касается исправительных учреждений¹¹¹.

Наиболее подробная классификация криминальной субкультуры предложена В.Ф. Пирожковым¹¹². Вместе с тем, несмотря на свою полноту, она не совсем удобна в использовании, особенно, на наш взгляд, применительно к условиям лишения свободы. Более удачной, по мнению Д.А. Корецкого и В.В. Тулегенова¹¹³, представляется классификация С.Я. Лебедева, который, исходя из преступных традиций и обычаев, выделяет следующие элементы:

- регулятивные – «законы» и «правила», регулирующие взаимоотношения между преступниками в связи с ведением антиобщественного образа жизни и совершением преступлений, специфические ритуалы общения и поведения в преступной среде;
- атрибутивные – татуировки, жаргон, клички, мимика, жестикуляция, отражающие принадлежность к тому или иному виду преступной деятельности;
- эмоциональные – песни, стихи, поговорки на воровскую тематику¹¹⁴.

¹¹¹ См.: Анисимков В.М. Тюрьма и ее законы. Саратов. 1998. С. 3. См. также: Мацкевич И.М. Криминальная субкультура // Российское право в Интернете. 2005. № 1; Некрасов А.П. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4; Разгильдиев Б.Т. Современная криминальная среда и ее виды // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5; Кочкарова З.И. Криминальная субкультура: причины и истоки // Сб. научн. статей «Борьба с преступностью в условиях глобализации: новые вызовы и поиски адекватных ответов». Нальчик: Нальчик. филиал Краснодар. унив. МВД России, 2010; Сучилова Н.В. Криминальная субкультура в современном мире // Матер. VII ежегодной Междунар. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых «Право и суд в современном мире». Челябинск: ООО «Изд-во РЕКПОЛ», 2010.

¹¹² Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). С. 54.

¹¹³ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 30.

¹¹⁴ См.: Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступников. С. 12.

Однако данная классификация, на наш взгляд, также уязвима, она не охватывает столь важного элемента, как стратификация осужденных, поэтому не случайно, вышеуказанные авторы, предлагают дополнить ее, включив неформальное разделение преступников в состав регулятивных элементов криминальной субкультуры¹¹⁵.

Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак считают, что структуру пенитенциарной субкультуры образуют:

1. Субъективные человеческие силы и способности:
 - знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, реализуемые в преступной деятельности;
 - «философия» тюремного мира, отрицающая вину и ответственность за преступное деяние, оправдывающая преступный образ жизни определенными «воровскими» идеями;
 - особый уровень индивидуального и группового нравственного и правового сознания, облегчающего противоправное поведение;
 - эстетические потребности, извращенные вкусы и предпочтения, формируемые по законам стадности в уголовной среде;
 - уголовная мифология, окружающая ореолом «честности», «смелости», «порядочности» конкретных преступников и их деяния;
 - внутригрупповая психология отношений и управления преступным сообществом.

2. Предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и средства совершения преступлений, материальные ценности, добытые преступным путем, денежные средства, накапливаемые в «общаке»)¹¹⁶.

Данная классификация, на наш взгляд, также весьма уязвима. Само понятие «человеческие силы» является непонятным, да и материальные

¹¹⁵ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 33. См. также: Тулегенов В. В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5.

¹¹⁶ Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. С. 277.

ценности в виде результатов преступной деятельности в ряде случаев также нельзя помещать в обоснование определения.

О.В. Старков полагает, что в содержании криминальной субкультуры следует выделять три основных элемента:

1. «Законы» – обычаи, ритуалы, уголовные традиции.
2. Стратификацию – расслоение преступников, осужденных на различные когорты, категории, виды.
3. Средства коммуникации – жаргон, клички, татуировки, тайнопись, фольклор, жесты, граффити, символы, язык одежды, игры¹¹⁷.

Классификация, предложенная Д.А. Корецким и В.В. Тулегеновым¹¹⁸, на наш взгляд, весьма громоздкая и очень запутанная. Более того, по нашему мнению, она не охватывает такого важного и играющего далеко не последнюю роль в преступной среде элемента, как потребности, интересы и ценности преступников. В этой связи наиболее предпочтительной нам видится классификация, предложенная О.В. Старковым. Однако предлагаем дополнить ее, включив в нее как основу потребности, интересы и ценности осужденных.

В этой связи, на наш взгляд, субкультура осужденных включает в себя следующие элементы: собственные законы, средства коммуникации – язык, жаргон, жесты, одежду, татуировки; стратификацию – кастовое разделение; интересы, потребности и ценности осужденных.

Криминальную субкультуру составляют такие самостоятельные субкультуры, как субкультура представителей профессиональной преступности; субкультура представителей организованных форм преступности; пенитенциарная субкультура.

Исходя из всего многообразия форм классификаций криминальной субкультуры, предлагаемых разными учеными, на наш взгляд, необходимо выделить функции криминальной субкультуры.

¹¹⁷ Старков О.В. Криминальная субкультура. С. 23.

¹¹⁸ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 33.

Внутренние функции:

а) охранительная (препятствует проникновению различных чужеродных идей и взглядов в её содержание);

б) обеспечивающая (обеспечивает поддержание и воспроизводство присущих ей ценностей посредством идеологии, философии, неформальных норм и традиций, материально – с помощью «общака»);

в) регулятивная (регулирует поведение своих членов с помощью свойственных данной субкультуре правил, норм поведения, причем с весьма жёсткими санкциями);

г) приспособленческая (в определенных случаях жёсткие требования и санкции субкультуры смягчаются).

Внешние функции:

а) идеологическая (развитие и совершенствование идеи о преступном сообществе, своеобразном братстве, взаимовыручке, защите и т.п.);

б) кадровая (вовлечение в орбиту субкультуры новых членов, их обучение и формирование у них схожих взглядов на окружающую действительность);

в) коммуникативная (установление и поддержание связей с одной стороны с осужденными, особенно из числа отрицательно характеризующихся, а также с преступными группами в условиях свободы, а с другой, с отдельными лицами органов власти);

г) доминирующая политическая (постоянная нацеленность на борьбу за власть в сообществе, в группе, за влияние на поведение большинства членов этих формирований).

Итак, вышеизложенное позволяет нам констатировать, что жизнь осужденного в условиях изоляции так же, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Однако воздействие внешних факторов имеет ограниченный, дозированный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении, что обуславливает

необходимость выявления круга потребностей, интересов и ценностей осужденных, уяснения их устойчивости, степени их влияния на поведение в условиях изоляции.

§ 3. Атрибутивные элементы субкультуры осужденных и их влияние на криминогенную обстановку в пенитенциарных учреждениях

Как отмечалось выше, любая субкультура имеет свои, характерные для нее признаки. Субкультура осужденных обладает своими, причем в ряде случаев ярко выраженными формами проявления¹¹⁹: статус, язык, взаимоотношения, как с администрацией, так и между собой, обязательства друг перед другом, поддержка, ответственность перед сообществом, татуировки и т.д. Особенно наглядно это проявляется в татуировках.

Татуировка как знаковый символ отражает один из срезов социального общения в среде подобных. Важным представляется применение градации символов к аббревиатуре преступников. Э. Фромм пишет, что в действительности индивид переносит свой рассудок на тот или иной избранный символ и принимает преступную философию за свою собственную. Он зависит от своих идолов, не способен отказаться от поклонения и становится их рабом, потому что вложил в них свой ум. Поэтому, когда татуировка наносится осознанно, она связана с внутренними переживаниями¹²⁰.

Татуировки относятся к невербальным средствам криминогенного общения осужденных. Склонность осужденных к татуировкам как способу криминогенного общения известна давно. У лиц, находящихся в СИЗО и других местах лишения свободы, специфические татуировки, отражающие уголовную тематику, встречаются значительно чаще, чем у граждан в условиях свободы. На возникновение и распространение данного явления влияют сложившиеся тюремные традиции, общая психологическая атмосфера в среде

¹¹⁹ См. об этом: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты): учебное пособие: в 2 частях. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. Ч. 1; Денисович В.В. К вопросу о криминологической характеристике регулятивных и атрибутивных элементов тюремной субкультуры в местах лишения свободы для женщин // Юридическая теория и практика. 2008. № 2; Голощапов Е.В. Вербальные средства коммуникации наркотической субкультуры // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1 (19).

¹²⁰ См.: Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 185.

осужденных, пенитенциарная субкультура, доминирующая группа осужденных особенно из числа отрицательной направленности.

На самом же деле для большинства преступников татуировка – это своеобразный знак его принадлежности к особой группе, сообществу преступников, верности их законам, возможность продемонстрировать свое место в них, а также такие качества, как мужество, смелость, силу, безразличие к боли, страданиям и т.д. В нашей стране наносят татуировки различные категории граждан и по разным мотивам. Результатами нашего исследования установлено, что более 70 % из них приобрели свои «украшения» в местах лишения свободы, остальные – в компаниях, местах прохождения военной службы, микрогруппах и даже в офисах (Приложение 2).

Известно, что мода на татуировки в преступной среде сохранялась примерно до середины 80-х годов прошлого века. В настоящее время мода на ярко выраженные татуировки, отражающие уголовную тематику, резко падает: «В последнее время татуировки наносят себе по большей части несовершеннолетние заключенные, причем, зачастую не зная, какой смысл они несут. Кроме того, значительная часть молодежи на воле наносит «импортные» украшательские татуировки, вовсе не относящиеся к криминальной субкультуре»¹²¹. Это признают и некоторые «преступные авторитеты». Несовершеннолетние правонарушители прибегают к нанесению татуировок впервые на свободе, в следственном изоляторе, пересыльной тюрьме, колонии, больнице ИУ и в других местах.

Весьма важно отметить отсутствие зависимости между возрастом осужденных и количеством осужденных, имеющих татуировки. Исследованием установлено, что в возрастной группе от 20 до 25 лет имеют татуировки 78,9 %, от 25 до 30 лет – 76,3 %, от 30 до 35 лет – 74,2 %, от 35 до 40 лет – 62,7 %, от 40 до 45 лет – 79,5 %, от 45 до 50 лет – 75,1 %.

А.Г. Бронников дал подробную классификацию функциональных особенностей татуировок: сигнально-обособительные, стратификационно-

¹²¹ См.: Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. С. 9.

информативные, личностно-установочные, тюремно-атрибутивные, сексуально-эротические, юмористические, декоративно-художественные, сентиментальные и др.¹²². За каждой из татуировок стоит соответствующая социально-ролевая функция ее обладателя. Интерпретация изображения зависит от места и формы его расположения на теле.

Мотивы нанесения татуировок изучались различными исследователями¹²³, но наиболее полно, на наш взгляд, мотивы нанесения татуировок в условиях изоляции отразили Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак. По их мнению, таковыми являются:

а) неписанные законы, традиции принятия в преступную среду, личное самоутверждение в определенной преступной группировке, желание показать свою «масть»;

б) тщеславие, бравада друг перед другом, хвастовство, стремление продемонстрировать свою выносливость, исключительность, необычность и превосходство над окружающими;

в) подражание более опытным преступникам, имеющим татуировки;

г) своеобразное украшение – знак памяти о пребывании в местах лишения свободы;

д) живучесть обычаев и традиций нанесения татуировок, дань «моде»; выражение протеста правоохрнительным органам и закону; безделье и скука¹²⁴.

Хотя пенитенциарная субкультура за последнее время претерпела серьезные изменения, многие ее элементы оказались весьма устойчивыми. На наш взгляд, это необходимо отнести, прежде всего, к татуировкам как демонстративному способу проявления себя, своих качеств в сообществе. Таким образом, с большой долей уверенности татуировки можно отнести

¹²² См.: Бронников А.Г. Татуировки осужденных и их криминалистическое значение. М., 1980. С. 4-8. См. также: Ельски А. Татуировка. Минск: МЕТ, 1997; Искусство татуировки / Составитель В.Д. Косулин. СПб.: ООО «Золотой век», 2001; Егоров Р.И. Дао татуировки. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

¹²³ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). С. 139.

¹²⁴ Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. С. 317.

к обязательному атрибуту преступного мира, что позволяет сделать вполне определенный вывод о том, что потребность в татуировках, отражающих уголовную тематику, устойчиво сохраняется в местах лишения свободы.

Вместе с тем проведенное нами исследование показывает, что в последние годы их распространенность демонстрирует незначительную тенденцию к сокращению. Это обусловлено тем, что многие из татуировок несут определенную смысловую нагрузку: с одной стороны, они могут указывать на больных, отвергнутых, предавших интересы группы и т.д., с другой стороны, их используют в своей работе правоохранительные органы. Те, кому они нанесены принудительно, насильно, стремятся избавиться от них, другие, осознавая возможные последствия, не наносят их.

Согласно результатам, полученным в ходе нашего исследования, среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, 185 человек имеют татуировки, что составляет 92,5 % от общего количества исследованных осужденных. Причем установлено, что из них 62 осужденных впервые отбывают наказание в местах лишения свободы, а остальные 123 осужденных неоднократно отбывали наказание в местах лишения свободы, что составляет 31 и 61,5 % соответственно (см. табл.1).

Вместе с тем, по результатам нашего исследования, в ходе которого изучена всего 891 татуировка, выведены количественные показатели татуировок у осужденных (табл. 2).

Таблица 2

Количество татуировок	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Количество осужденных	11	16	22	23	33	40	36	3	1

Различают декоративно-бытовые, блатные, уголовные татуировки. Декоративно-бытовая татуировка связана с интеллектуальными, возрастными и религиозными особенностями личности, блатная характеризует неустойчивость

психики и интересов ее владельца и обусловлена стремлением подражать лидеру. Уголовная татуировка наносится, как правило, в местах лишения свободы, в колониях-поселениях. Она может иметь различную тематическую направленность, например, обозначать «специализацию» («воровская масть», наркоманы, осужденные по определенной статье), роль и статус татуированного в преступном мире.

Необходимо особо отметить, что в условиях изоляции татуировки могут наноситься как добровольно, так и насильно. Так, насильственные способы нанесения татуировок применяются при своеобразном «клеймении» отверженных, активистов, пассивных гомосексуалистов в целях расправы над ними, их отвергания сообществом, и как следствие – презрение не только к ним, но и таким формам поведения в среде осужденных. Рисунки и надписи в этом случае зачастую носят циничный, оскорбительный характер.

Содержание татуировок у осужденных также подвержено влиянию моды. При этом одни символы весьма устойчивы, другие сменяются, как правило, отражая интересы новых идей, взглядов той или иной преступной группы. Практика также показывает, что с увеличением числа судимостей растет процент татуированных, а также количество татуировок на теле преступника.

Множественные татуировки на теле осужденного, несут хотя и косвенный, но признак неблагоприятного прогноза его ресоциализации. Лица, наносящие или дополняющие татуировки перед освобождением из исправительных учреждений, как правило, криминально деформированы. Во многих случаях такие татуировки имеют прогностическое значение. Кстати, отсутствие татуировки у лиц, находящихся в колонии, в преступной среде воспринималось как что-то нетипичное для сообщества, чужеродное. Приобретая в местах лишения свободы татуировки, осужденный как бы идентифицируется с той или иной группой, ее традициями, обычаями, нормами и правилами поведения.

Таким образом, татуировки в условиях изоляции служат признаком криминогенной деформации и являются:

- атрибутом принятия норм референтной группы;
- формой солидарности с сообществом или с отдельной неформальной группой;
- способом самоутверждения в среде осужденных;
- средством приспособления и причастности к сообществу или к отдельной группе осужденных;
- показателем неформального статуса личности в сообществе или в группе.

Изучение татуировок у осужденных позволяет выявить среди них активных представителей пенитенциарной субкультуры. Для этого необходимо регулярно проводить осмотры осужденных медицинскими работниками и сотрудниками режимных служб с момента поступления их в колонию, вести учет вновь прибывших осужденных, имеющих татуировки, с фиксацией их содержания, с занесением их в медицинскую карту и в личное дело. В целях профилактики нанесения осужденными татуировок необходимо систематически проводить режимные мероприятия, которые бы исключали возможность нанесения осужденными татуировок, и разъяснять с помощью средств массовой информации пагубность татуировок и вред здоровью от их нанесения.

Особую роль в среде осужденных при общении играют *клички*. Известно, что клички бытуют и в других социальных группах, например, в школе, студенческой среде, в армии, среди наркоманов и бомжей, у представителей организованной и профессиональной преступности и даже у работников правоохранительных органов. Поэтому клички свойственны значительному кругу неформальных образований. По определению, кличка – это конспиративное или шутовское, насмешливое прозвище¹²⁵.

В условиях изоляции тому или иному осужденному присваиваются клички, практически по любому поводу: «В местах лишения свободы издавна

¹²⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990. 921 с. С. 272.

принято присваивать клички лицам, обладающим какими-либо выраженными физическими недостатками, особенной наружностью или своеобразным характером. В пенитенциарных учреждениях кличками клеймят и осужденных, которые плохо приспосабливаются к условиям жизни в колонии. Кроме того, прозвища иногда являются производными от имени или фамилии лица»¹²⁶.

В ходе нашего исследования установлено, что имеют кличку 193 осужденных, что составляет 96,5 %, остальные 7 осужденных (3,5 %) кличек не имеют.

Данные о наличии у осужденных кличек и их происхождение, полученные в результате нашего исследования, приведены в табл. 3.

Таблица 3

Данные о наличии кличек и их происхождение	Количество осужденных
Не имеют кличек	7 осужденных (3,5 %)
Имеют одну кличку	185 осужденных (92,5 %)
Имеют две клички	6 осужденных (3 %)
Имеют три клички	2 осужденных (1 %)
Всего	200 осужденных
Установлено происхождение	203 клички
В зависимости от статуса личности	203 клички
Элитные клички	нет
Престижные клички	46 (22,7 %)
Нейтральные клички	135 (66,5 %)
Клички – оскорбления	13 (6,4 %)
Позорные клички	9 (4,4 %)
Всего	203 клички
<i>По происхождению</i>	
Производные от ФИО	38 (18,7 %)

¹²⁶ Анисимков В.М.: Тюрма и ее законы. С. 82.

Отражающие психологические особенности личности	66 (32,5 %)
Отражающие физические особенности личности	73 (36 %)
Отражающие биографические особенности личности	26 (12,8 %)

Безусловно, некоторые положения указанной классификации были предложены исследователями проблемы в ранее опубликованных работах. Так, например, В.Ф. Пирожков отмечал: «В кличках отражены:

- 1) характерологические особенности и особенности поведения;
- 2) физические особенности;
- 3) трансформированные фамилии и имена;
- 4) статус в социуме (преступной группе, шайке, банде);
- 5) специфика преступной деятельности и места совершения преступлений;
- 6) противоположные наличествующим качествам;
- 7) социально-региональное происхождение, национальность;
- 8) прежняя допреступная деятельность;
- 9) заимствования из иностранной литературы»¹²⁷.

Присвоение кличек происходит исходя из различных обстоятельств, иногда они формируются в течение длительного периода, а иногда тот или иной поступок осужденного становится поводом для присвоения ему клички. В условиях свободы такие клички являются оскорбительными, а в условиях изоляции это своеобразная норма, то есть вполне естественное явление в отношениях между преступниками.

Вместе с тем в местах лишения свободы клички, прозвища отражают и примитивность отношений, складывающихся между преступниками, узость их кругозора, замкнутость в социальных связях. Поэтому правонарушители в исправительных учреждениях невольно следуют этому установлению.

¹²⁷ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). С. 86.

Принадлежность к какой либо расе, национальность, вероисповедание лица, отбывающего наказание, являются основанием для присвоения ему весьма определенной клички.

Безусловно, с психологической точки зрения, для дающего или присваивающего кличку это своеобразная констатация, попытка поиска в других осужденных, хотя и подобных ему, отличительных черт, не присущих ему. Неслучайно большинству осужденных полученные клички не нравятся, они стремятся от них избавиться. Более того, обидные, унижительные, издевательские, оскорбительные клички даже провоцируют среди осужденных конфликты, нередко имеющие преступные последствия.

Таким образом, кличка в преступном сообществе выполняет определенную функцию: с одной стороны, скрывает юридически значимые данные о личности (фамилия, имя, отчество), с другой, характеризует его статус в сообществе – от унижительного, презируемого, до уважаемого, авторитетного. Исходя из этого, использование кличек в сообществе содержит определенные информационные сведения о личности, которые влияют на отношение к такому осужденному со стороны сообщества.

Изложенное указывает на то, что профилактике присвоения обидных кличек необходимо уделять определенное внимание, хотя бы на уровне формирования толерантных отношений между осужденными, а при необходимости – пресечение попыток дать такую кличку путем применения мер дисциплинарного воздействия.

Практика показывает, что в примитивных сообществах, группах определенное значение в общении приобретает **жаргон**, то есть, термин, слово, которое в рамках группы, сообщества имеет определенный языковой смысл.

В толковом словаре под жаргоном понимается речь какой-либо социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая

значительное количество слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных¹²⁸.

С начала XVIII века начал складываться специальный воровской язык, сленг – блатная «феня». Язык выполнял функцию определенной кодировки ценностей, интересов, понятий, делая разговор между «специалистами» непонятным для окружающих, прежде всего для представителей правоохранительных органов. Естественно, в правоохранительных органах всегда уделялось определенное внимание изучению «блатной музыки», «фени», что в свою очередь вынуждало преступников к необходимости их изменения. Отсюда язык видоизменялся, модернизировался, хотя отдельные выражения имели устойчивый смысл и сохранились до наших дней. Более того, владение словарным жаргоном как бы указывает на своеобразное умение преступника общаться в среде сообщества на более высоком «интеллектуальном» уровне. Отсюда неслучайно в их среде бытует мнение, что «истинный арестант» в совершенстве должен владеть криминальным жаргоном.

Определить точно, когда появился криминальный жаргон, и кто является его создателями, весьма трудно, так как исследований на эту тему немного. Но, как справедливо заметил Ганс Гросс, «возник воровской язык с того момента, как первый профессиональный мошенник вступил в беседу с себе подобным»¹²⁹.

По данным С.Я. Лебедева, «жаргон российского преступного мира окончательно оформился к концу XVIII – началу XIX в. Его основу в значительной степени составлял тайный язык офеней – бродячих торговцев-коробейников, таким образом они засекречивали общение между собой для обмана покупателей при продаже товара»¹³⁰.

Эта гипотеза о том, что в основе воровского жаргона лежит офенский язык, является самой распространенной. Язык преступников как замкнутой

¹²⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 185.

¹²⁹ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 406.

¹³⁰ Лебедев С. Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. С. 16.

социальной группы принято называть *уголовным жаргоном*. Поэтому не случайно жаргон является особой словесной системой, базирующейся на фонетике и грамматике общенационального языка и имеющей существенные диалектные и социально-групповые различия¹³¹.

Таким образом, жаргон, как клички и татуировки, является своеобразным атрибутом пенитенциарной субкультуры: «Среди традиционных атрибутов современной уголовной среды следует назвать жаргон и татуировки, хотя они и претерпели существенные изменения»¹³².

Анализ исследований показывает, что за последнее время, как уголовный жаргон, так и уголовные татуировки действительно изменились. Но если популярность уголовных татуировок снижается, то уголовный жаргон более устойчив, и, более того, активно распространяется в других социальных группах. По мнению Л.И. Фроловой, ярким примером эмансипации криминальной субкультуры является языковая ситуация в стране. Язык – носитель норм и ценностей культуры – на сегодняшний день весь оказался пронизан уголовным жаргоном¹³³.

Популярность используемых преступниками слов и выражений, по всей видимости, обусловлена тем обстоятельством, что для обывателя они представляются более значимыми, метким отображением основных характеристик предмета, вещи, явления, их оценки, своеобразным языком, нередко предназначенным для зашифровки мысли. С таким утверждением согласны и другие авторы. Так, по мнению О.П. Дубягиной, «основным языком общения является криминальный «язык» – жаргон, который должен отвечать следующим требованиям: быть не только очень емким, отражать специфику

¹³¹ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). С. 147.

¹³² Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. С. 35.

¹³³ См.: Фролова Л.И. Социально-психологические механизмы экспансии криминальной субкультуры // Преступность и культура: Сборник статей / Под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1999. С. 40.

криминальной деятельности, но и оставаться непонятным для окружающих законопослушных граждан»¹³⁴.

Эти языки действительно условные, потому что прежде чем принять то или иное слово, воры действительно улавливаются в их значении. Они действительно тайные, так как во многих случаях употребляются для сохранения тайны разговора. Чтобы не привлечь внимания, в разговоре используются обычные слова, но по значению они подбираются так, чтобы речь имела иной смысл для посторонних и не привлекала внимания своей зашифрованностью. Слова в них заменяются только самые необходимые, самые нужные. Такой своеобразный язык редко выходит за пределы группы и используется, как правило, непродолжительное время.

По мнению С.Я. Лебедева, «... жаргон выступает сейчас больше как средство самоутверждения, адаптации и самовыражения, а не сокрытия различных элементов противоправного образа жизни, хотя второй при этом также реализуется»¹³⁵.

Жаргон, как правило, вырабатывается стихийно. Он непонятен для не посвященных в определенные отношения лиц, и в среде преступников нередко используется в своих целях. Как показало исследование, большинство осужденных знают и употребляют до нескольких десятков слов, с помощью которых они не только общаются, но и маскируют цели и мотивы своего поведения, констатируют различные явления в колонии. На наш взгляд, тяга к жаргону объясняется следующими мотивами: владение жаргоном дает возможность осужденному повысить свой статус, утвердиться в уголовной среде, почувствовать превосходство над другими. В данном случае знание и использование жаргонных слов имеет в местах лишения свободы определенное значение. Они являются своеобразной визитной карточкой, по которой

¹³⁴ Дубягина О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды. С. 20.

¹³⁵ Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. С. 35.

отличают молодого, неопытного преступника, от закоренелого, опытного («бывалого»).

Таким образом, жаргонные слова выполняют своеобразную роль как способ общения, сокрытия от других передаваемой информации, а их знание в определенных случаях оказывает влияние на статус осужденного.

Одним из характерных признаков субкультуры осужденных является их **стратификация** – разделение на группы, касты. Данный элемент пенитенциарной субкультуры наблюдается как в воспитательных колониях для несовершеннолетних, так и в исправительных колониях для взрослых преступников.

Как отмечает В.В. Шемякина, иерархическое распределение, как малолетних преступников, так и взрослых осужденных происходит благодаря ритуалу «прописки». В одних случаях «прописка» служит неким развлечением, в других – проверкой волевых и интеллектуальных качеств личности, смекалки, знаний традиций и обычаев субкультуры осужденных, в третьих – поводом причинения страданий другим. Качество «прописки» зависит от особенностей пенитенциарной субкультуры различных регионов страны¹³⁶.

Проведенным нами исследованием установлено, что в настоящее время «прописка» является ритуалом, свойственным только лишь следственным изоляторам и воспитательным колониям. Причем практически все опрошенные осужденные, считают, что это «беспредел». Никому не дано права «загонять» другого в какую-либо касту. Определению статуса осужденного в исправительных колониях способствуют его поступки, поведение, отношение к наказанию, стремление находиться в привилегированной касте, а также

¹³⁶ См.: Шемякина В.В. Криминологическое значение тюремной субкультуры в местах лишения свободы для несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22. С. 127. См. также: Телегина, Е.Г. Криминальная субкультура лиц женского пола и ее специфика // Сб. научн. трудов «Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации (юридические аспекты)». Саратов: ООО «Изд. Центр «Наука», 2008.

избранный в преступной среде образ жизни. Вместе с тем все опрошенные осужденные утверждают, что за образ жизни «не спрашивают».

Несмотря на то, что представителями профессиональной преступности ведется непрекращающаяся борьба с проявлением так называемого «беспредела», прописка существовала, существует и, наверное, будет существовать. Данное явление наблюдалось даже в дореволюционный период: «... неправомерными атрибутами были традиционные развлечения арестантов: «охота на клопов», «соревнование вшей», «репетиции судов», игры в «кости», «ложки», «жгуты». Многие из этих игр связаны с причинением физической боли и издевательствами»¹³⁷.

Итак, на наш взгляд, необходимо отметить, что «прописка» не является основой стратификации, а используется с целью узнать человека либо научить молодого или впервые попавшего в условия изоляции преступника определенным навыкам, чтобы по прибытии в колонию он не совершил поступков, порицаемых сообществом осужденных, которые будут способствовать снижению его статуса в преступной среде.

Нельзя не согласиться с В.М. Анисимковым, что пенитенциарная субкультура продуцирует деление осужденных на неформальные категории, отличающиеся друг от друга по степени привилегированности, в связи с чем расслоение осужденных на «авторитетов», «нейтральных» и «отверженных» следует признать процессом естественным¹³⁸, со всеми вытекающими из данного процесса последствиями.

Вместе с тем хотим отметить, что деление, на наш взгляд, обусловлено жадой, потребностью борьбы за человеческие ценности. Последние в местах лишения свободы ограничены. Учитывая это обстоятельство, а также уровень правосознания осужденных, подчеркнем, что такая борьба носит жесткий

¹³⁷ Анисимков В.М. Тюрма и ее законы. С. 6.

¹³⁸ Анисимков В.М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России. С. 22–23. См. также: Шайхисламова О.Р. Классификация осужденных к лишению свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 2. – С. 53–55.

характер, где одним из способов победить, доминировать является объединение, в основе которого, по нашему мнению, могут быть заложены различные факторы: землячество, совместные взгляды, убеждения, интересы, прошлая преступная деятельность и т.д.

Считаем, что условно сообщество осужденных можно разделить на три категории: 1) положительно характеризующиеся осужденные; 2) осужденные с нейтральной ориентацией поведения; 3) осужденные с отрицательной направленностью поведения. Разумеется, такое деление осужденных носит общий характер, хотя, бесспорно, оно в определенной степени отражает их отношение не только к наказанию, но и, безусловно, ко многим различным ценностям сообщества преступников. В рамках нашего исследования именно отношение к ценностям среды имеет весьма существенное значение, поскольку оно оказывает сильное влияние на поведение осужденного и в целом как бы отражает суть субкультуры сообщества преступников. Вместе с тем необходимо заметить, что в юридической литературе встречаются и другие подходы к разделению среды осужденных¹³⁹.

По мнению Н.П. Барабанова, касты криминального мира иерархически имеют следующую структуру:

1) «блатные» – это привилегированная элита, представители которой находятся друг с другом в крайне напряженных, конфликтных отношениях;

2) «мужики» – самая многочисленная каста, представители которой составляют до 80 % от общего количества осужденных (как правило, это люди, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному миру);

3) «отверженные» – низшая прослойка осужденных¹⁴⁰.

¹³⁹ См.: Сундуrow Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980. С. 59. По этой проблеме также писали другие авторы. См.: Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: Велби, 2008; Дементьев С.И., Дьяченко Р.А., Трахов А.И. Уголовное наказание: содержание виды, назначение и исполнение. Краснодар, 2000.

¹⁴⁰ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 33.

Е.А. Антонян полагает, что все осужденные в структуре межличностных отношений подразделяются на следующие неформальные (неофициальные) категории (касты): особо устойчиво-привилегированные лица, относящиеся к высшему слою («воры», «козырные фрайера», «фрайера», «свояки», «путевые»); устойчиво-привилегированные – средний слой («мужики», «паханы»); неустойчиво-привилегированные – промежуточный слой («шестерки», «громоотводы», «пристяжь»); устойчиво-непривилегированные – низший слой («обиженные» разных «мастей»)¹⁴¹.

Согласно результатам, полученным в ходе проведенного нами исследования, касты осужденных имеют следующее иерархическое распределение:

1) «блатные», «положенцы», «смотрящие» – осужденные, занимающие престижное положение, пользующиеся в силу этого многочисленными неформальными привилегиями; «порядочные арестанты» – осужденные, стремящиеся к лидерству;

2) «мужики» – большая прослойка осужденных, которые в основном трудятся на предприятии исправительного учреждения. Эти осужденные зачастую используются лидерами преступной среды для оказания противодействия администрации учреждения, путем подстрекательства к массовому невыходу на работу, отказу от приема пищи и т.д.;

3) «красные» («козлы», «суки») – осужденные, являющиеся своеобразными приспособленцами. В одних случаях для достижения определенных целей они содействуют администрации учреждения, например, передавая какую-либо информацию, в других – могут также открыто противодействовать ей, в том числе создавая конфликты, как с осужденными, так и с администрацией учреждения и т.п.

4) «шерсть» – разрозненная группа осужденных, которая представляет собой определенную «нечисть» в криминальном сообществе. К ним относятся

¹⁴¹ См.: Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 32.

«фуфлыжники», «крысы» – осужденные, которых «выкинули в шерсть» за порицаемые в среде осужденных поступки, например, невозвращение долга или проигрыша в карты, невыполнение взятых на себя обязательств, кража продуктов питания или иных вещей у других осужденных и т.д.; «хозбыки» – осужденные, которые работают в жилой зоне исправительного учреждения (электрики, сантехники, рабочие в столовой, клубе, библиотеке и т.п.), рабочие строительной бригады – осужденные, которые используются на работах при реконструкции зданий, сооружений и ограждений, в том числе из армированной колючей ленты, установке и ремонте режимных изделий (спальных мест в камерах штрафного изолятора, решеток, дверей, камерных замков и т.д.).

5) «отверженные», «опущенные» («петухи», «пинчи»), которые делятся на рабочих (пассивные гомосексуалисты) и нерабочих – низшая в криминальной иерархии каста осужденных.

Мы согласны с мнением А.Н. Олейника в том, что существование многочисленных каст и категорий заключенных препятствует институализации конфликтов¹⁴².

Таким образом, в заключение параграфа необходимо отметить, что татуировки, клички, жаргон, стратификация являются своеобразными атрибутами субкультуры осужденных, содержащихся в условиях изоляции. Владение ими, их использование является весьма значимой ценностью в общении друг с другом, с группой как для самоутверждения в среде подобных, так и для сокрытия замыслов и действий от посторонних, неугодных для микрогруппы лиц.

¹⁴² См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. С. 129.

§ 4. Потребности, интересы, ценности осужденных и их роль в формировании субкультуры

Известно, что для того, чтобы понять поведение человека, в том числе и осужденного, необходимо начинать с мотивов поведения, а не с поисков причин соответствующих действий. Бесспорно, эти поиски не представляли бы особого труда, если поведение того или иного лица определялось только каким-нибудь одним мотивом. Многочисленными экспериментами установлено, что поведение людей чаще определяется влиянием целого комплекса мотивов¹⁴³. В психологии в качестве общего механизма возникновения мотива рассматривается реализация потребностей в ходе поисковой активности и тем самым превращение ее объектов в мотивы «предметы потребности»¹⁴⁴. «Поэтому вполне естественно, что предметом криминологического анализа могут быть мотивы не только криминального, но докриминального и посткриминального поведения»¹⁴⁵. Иными словами, можно сказать, что мотив – «лишь результат отражения в психике потребностей организма, вызванных внешними или внутренними объективными явлениями»¹⁴⁶.

Известно, что потребности у человека, осужденного различные. Путь, предшествующий осуждению и последующему помещению в места лишения свободы, в определенной мере оказал влияние на формирование личности осужденного, и, естественно, повлиял на видоизменение, оценку многих потребностей, интересов и ценностей. Поэтому вполне понятно, что в местах лишения свободы у осужденного неизбежно появляется ощущение того или иного недостатка в чем-либо. Причем, как показывает исследование, в

¹⁴³ Аберкромби Н. Социологический словарь. С. 318.

¹⁴⁴ См.: Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского / сост. Л.А. Карпенко. М., 1985. С. 189–190. См. также: Популярный юридический энциклопедический словарь / ред. кол.: О.Е. Кутафин, В.А. Туманов, И.В. Шмаров и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2001.

¹⁴⁵ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 139.

¹⁴⁶ См.: Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: введение в психологию активности. М., 1989. С. 152.

различные моменты времени у осужденных могут появляться различные потребности.

Вместе с тем, исходя из сущности человека, на поведение осужденных продолжают оказывать влияние базовые, основные потребности. Очень важно, что потребности всегда определены, конкретны именно в момент возникновения. Не случайно в свое время Гегель подметил, что «...потребность является определенной»¹⁴⁷. Поэтому для одних потребностей их определенность «запрограммирована» различными наследственными задатками, силой привычки (например, потребность в курении табака, употреблении чая), для других – многообразием воздействия окружающей среды. Из чего следует, что они социализированы.

Поэтому, что вполне закономерно, весьма важно выяснить, какие потребности, и каким образом в условиях изоляции должны удовлетворять осужденные, как они видоизменяются, исходя из условий содержания. Проблема удовлетворения потребностей осужденными в местах лишения свободы практически не имеет однозначного решения. Это вызвано в первую очередь тем, что именно посредством ограничения удовлетворения потребностей государство осуществляет воздействие на психологию осужденных, заставляет тем самым их и испытывать неудобства, и даже страдать, а, следовательно, исходя из условий, оценивать, хотя и по-своему, испытываемые трудности при удовлетворении своих потребностей.

Можно заметить, что в зависимости от круга потребностей того или иного осужденного у него проявляется соответствующее отношение к воздействию на него со стороны окружающей его действительности: администрации, осужденных, условий содержания и т.д. Отсюда вполне объяснимо, что к воздействию одних лиц, явлений, предметов он остается

¹⁴⁷ См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия природы. Т. 2. М., 1975. С. 506.

индифферентным, а на воздействие других факторов, обусловленных его нынешним положением, он реагирует по-другому¹⁴⁸.

Каждый осужденный испытывает воздействие сообщества весьма продолжительное время. Поэтому вполне естественно, что в условиях, в которых они находятся, сложившаяся система отношений как бы вытесняет из его сознания те потребности, которые он часто ощущал на свободе.

Потребности, имевшие место до осуждения, как бы «затухают» в силу того, что, во-первых, многие из них осужденный просто не в состоянии удовлетворять в условиях изоляции, во-вторых, они не имеют ценности в среде преступников, а отдельные из них вообще становятся порицаемыми в сообществе в условиях изоляции.

А.И. Канунник считает, что это объясняется условиями отбывания наказания¹⁴⁹. В основном система ценностей и интересов сообщества осужденных ориентирована прежде всего на удовлетворение тех потребностей, которые не только связаны с их положением, но и не удалены в будущее, в перспективу, носят срочный, во многом спонтанный, потребительский, но весьма реальный характер. Поэтому удовлетворение осужденным многих своих потребностей всегда подкрепляется практикой существующих взаимоотношений в его сообществе и вполне естественно во многом зависит непосредственно от поведения, усвоения и выполнения им неформальных норм сообщества. Как следствие этого, многие осужденные вынуждены корректировать свое поведение, ориентировать его не только на удовлетворение жизненно значимых потребностей, но и таких, которые не противоречили бы неформальным нормам сообщества.

В таких условиях удовлетворение потребностей во многом носит обобщенный, групповой характер: в еде, курении, информации, защите и т.д., то есть различных сферах жизни. Поэтому ограниченные наказанием

¹⁴⁸ Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. С. 217.

¹⁴⁹ Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. С. 219.

возможности удовлетворения потребностей являются фактором, влияющим на взаимоотношения между осужденными, на поддержку друг друга и на консолидацию. Отдельные виды потребностей, например, в наркотиках, спиртных напитках, других одурманивающих веществах, являются мощным объединяющим фактором. Таким образом, по нашему мнению, потребность выполняет определенную функцию при консолидации осужденных, отражает их субкультуру.

В настоящее время известно большое количество самых различных классификаций потребностей человека, приведенных в литературе. Мы не будем останавливаться на сравнительном анализе всех существующих классификаций потребностей. Исходя из целей и задач нашего исследования, остановимся лишь на отдельных из них, имеющих, по нашему мнению, определяющее значение применительно к характеристике поведения осужденных в условиях изоляции.

Проблема влияния биологических потребностей на организм человека представляет для нас немалый интерес, поскольку в условиях изоляции названные потребности оказывают значительное влияние на протекание психических процессов у осужденных, на их поведение, на личность в целом. А раз так, то по способам удовлетворения осужденными потребностей можно в определенной мере судить об их отношении к наказанию.

К биологическим потребностям относят такие потребности, как сон, пища, тепло, сексуальные потребности, самозащита. Естественно, указанные потребности имеют большое значение вообще в жизни человека, а в условиях изоляции от общества особенно, поскольку удовлетворение многих из них регулируется нормами права. История хранит немало примеров, когда государство ограничивало удовлетворение именно этих потребностей у преступников, содержащихся в местах лишения свободы.

Известно, что сон – жизненно важная потребность любого живого организма, в том числе и человека. Сон необходим для нормального функционирования организма, восстановления его сил, энергии. Поэтому

плохой сон или недосыпание отрицательно влияет на человека, в основном на его психическую и физическую активность.

В исправительных учреждениях сон осужденных, а точнее его продолжительность, регулируется Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (2005 г.)¹⁵⁰. Для удовлетворения указанной потребности осужденным в колониях создаются определенные условия: каждому предоставляется отдельное спальное место в специально оборудованном помещении (общежитии) казарменного типа; на сон отводится строго определенное время, как правило, с 22.00 до 06.00 часов. Однако удовлетворить эту потребность в необходимой мере каждому осужденному, исходя из особенностей психики, его психического и физического состояния в таких условиях весьма проблематично. Это связано с тем, что в колонии, в условиях пребывания лица в неблагоприятной окружающей среде и при его изоляции имеется немало факторов, препятствующих нормальному, здоровому сну. Прежде всего, как показывает практика, они обусловлены самим фактом наказания и помещением осужденного в исправительное учреждение, а также условиями, в которых он содержится, включая и субкультуру осужденных.

Особенно остро проблема удовлетворения потребности в нормальном сне стоит у осужденных, страдающих различными недугами: храпом, вскриками во сне, недержанием мочи и т.п. Приспособиться к сообществу в общем спальном помещении, где, как правило, находятся различные по возрасту, характеру и другим признакам осужденные, непросто, а порой и вообще невозможно. В ходе проведенного нами опроса установлено, что более 60 % осужденных испытывают трудности в удовлетворении своей потребности в сне. Это связано с тем, что соблюдать необходимую тишину и гигиену названным категориям осужденных нелегко, ибо они опасаются вызвать своими действиями во время сна недоброжелательное или даже презрительное

¹⁵⁰ См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста РФ от 03.ноября 2005 г. № 205 (с изм. и доп. от 12 февраля 2009 г. № 39) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 15.

отношение сообщества. Особенно остро такое презрение сообщества осужденных проявляется в воспитательных колониях для несовершеннолетних, что выражается в насмешках, различных издевательствах, присвоении унижительных кличек (исходя из физиологических недостатков осужденных).

Более того, практика также показывает, что значительная концентрация осужденных в одном спальном помещении создает и другие неблагоприятные условия: осужденные мешают друг другу, например, при пользовании умывальником, при выходе в туалет, на построение, на работу, в столовую. По данным нашего исследования, это проявляется при совместном размещении в одном спальном помещении осужденных, различных по своему неформальному статусу, в том числе имеющих самый низший в преступной среде статус. Указанные обстоятельства у отдельных осужденных нередко выливаются в открытое проявление недовольства, порождают конфликтные ситуации между ними.

Следующей жизненно важной потребностью для осужденных в местах лишения свободы является пища. В ходе проведенного нами исследования практически все осужденные высказали мнение о необходимости расширения рациона питания и повышения калорийности пищи. Наличие ограниченных возможностей в удовлетворении потребностей в питании вынуждает осужденных прибегать к противозаконным действиям или различным ухищрениям с целью любым путем добыть продукты.

Этому, кстати, в сегодняшних условиях в немалой степени способствуют и проблемы с организацией питания осужденных, поскольку его нормы в большинстве трудно выдерживать. Нередко производится замена продуктов питания на равноценные по калорийности и биологической ценности.

Таким образом, объяснимо, что осужденные в таких условиях стремятся подкупить сотрудников администрации для передачи им продуктов питания, особенно тех, которые доставляются в посылках и передачах, а также через комнату длительных свиданий, где санитарными службами в летний период вводятся дополнительные ограничения, распространяющиеся на

скоропортящиеся продукты, продукты имеющие небольшой срок хранения, либо должны храниться при низкой температуре. Вполне естественно, что продукты питания в условиях их дефицита приобретают и особую ценность.

Наличие у осужденных постоянной и острой потребности в полноценном питании отражается и на характере неформальных отношений в группах. Осужденные, имеющие доступ к продовольствию или способные его доставать, как правило, пользуются определенным уважением в среде сообщества. С ними пытаются наладить и поддерживать отношения даже «авторитеты» неформальных групп осужденных.

В этой связи понятно, почему кража продуктов питания друг у друга рассматривается в среде осужденных как наиболее тяжкое нарушение неформальных норм. Поэтому наказания в сообществе преступников за такие действия носят очень жестокий характер, вплоть до отвержения лидера преступной среды, публичного признания его изгоем.

Итак, с одной стороны, биологическая потребность осужденного в пище, с другой – дозированное и регулируемое ее потребление придают продуктам питания в условиях изоляции особую значимость и большую ценность.

Наряду с этими потребностями осужденных важное значение имеет удовлетворение половых потребностей, которые так или иначе оказывают определенное влияние на их поведение в условиях мест лишения свободы, где содержатся лица одного пола, многие из которых к тому же длительное время не имеют половых контактов.

Исследование показало, что в зависимости от возраста, темперамента и других качеств сексуальные потребности у разных преступников проявляются по-разному.

Наиболее остро такая проблема стоит перед молодыми осужденными, включая и несовершеннолетних. Как следствие этого, у многих осужденных молодежного возраста вырабатываются устойчивые извращенные потребности, направленные на самоудовлетворение или на совокупление с лицами одного пола (гомосексуальные контакты). Анализ практики показывает, что это

связано с тем, что содержание однополых преступников исключает для многих из них возможность удовлетворять присущие человеку половые потребности с лицами противоположного пола.

В ходе проведенного нами в различных регионах России исследования отмечено, что указанные половые перверсии в большей степени проявляются в исправительных учреждениях, где содержится большое количество осужденных, отдельная часть которых наиболее морально запущена, имеет низкий образовательный уровень. Многие из таких лиц до осуждения проживали в отдаленных от культурных центров населенных пунктах. В связи с этим первые половые контакты у них происходили даже с различными видами домашних животных (ослицы, кобылицы и т.п.). В колониях некоторые из таких осужденных в общении между собой и с другими осужденными не стесняясь, рассказывают об этом и даже, что небезынтересно, делятся впечатлениями от таких извращенных половых контактов.

Таким образом, неудовлетворение половых потребностей многими осужденными тяжело переживается, поскольку испытывать это приходится долгие годы, что в конечном итоге отражается на их поведении. На этой почве у отдельных осужденных появляются даже изменения в психике, в области сексуальной направленности – они начинают заниматься гомосексуализмом, онанизмом, лесбиянством в женских колониях, у них вырабатываются устойчивые извращенные половые потребности, что усиливает деградацию личности, стимулирует девиантное поведение¹⁵¹.

Вместе с тем условия мест лишения свободы во многом препятствуют реализации познавательных потребностей, при помощи которых может расширяться кругозор осужденных, раскроются их способности и талант. Крайне заметно это влияет на осужденных, возраст которых в наибольшей

¹⁵¹ См. также об этом: Лепехина Е.В. Девиантное поведение и особенности субкультуры отдельных видов социальных девиаций // Российский следователь. 2007. № 21; Федосеева А.А. Криминальная субкультура в этиологии девиантного поведения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3.

степени предрасположен к познавательной деятельности. Как правило, это лица молодежного возраста, так как именно в этом возрасте человек оканчивает учебу в школе, приобретает специальность, наиболее активно интересуется театром, музыкой и другими ценностями культуры, формируется как личность, определяется его жизненная позиция, направленность поведения, видение окружающей действительности и ее оценка. Удовлетворяемые в таком возрасте познавательные потребности развиваются, закрепляются и приобретают форму социально значимых ценностей. В конечном итоге эти ценности оказывают определенное влияние на дальнейшее поведение лица.

Лишение свободы, особенно длительное, притупляет многие познавательные потребности, в связи с чем, осужденные вынуждены усваивать ситуативно значимые ценности, в своем большинстве искаженные или даже извращенные, которые с годами, закрепляясь в их сознании, вырабатывают у них устойчивую привычку, направленную на их удовлетворение даже после освобождения. На наш взгляд, этим во многом объясняются неудачи в деле исправления преступников и, в конечном итоге, весьма высокий рецидив совершения освобожденными лицами новых преступлений.

Наличие ориентировочных потребностей позволяет человеку ориентироваться как в природной, так и в социальной среде, что включает в себя чувственное и эмоциональное её восприятие. Именно эмоциональные потребности как бы вплетаются в жизнедеятельность осужденного, воздействуют на характер его взаимоотношений и поведение. Это обусловлено тем, что жизнедеятельность человека постоянно связана с определенной степенью нервно-психического напряжения, а в условиях изоляции такое напряжение достигает весьма высокой степени, которая вызывается наличием ограниченного набора ценностей, вариантов возможного поведения, и тем самым созданием для осужденного критической ситуации. Поэтому вполне естественно, что осужденный, находящийся в местах лишения свободы, попавший в экстремальные условия, будет изыскивать возможности уйти от критического состояния, вызывающего переживания.

Таким образом, в условиях изоляции осужденный, стремясь выйти из состояния переживания, порождающего такие потребности, как необходимость в защите, сочувствии, понимании, признании в сообществе себе подобных, вынужден принимать установки, нормы и правила поведения данной среды. В результате этого многие ценности сообщества преступников он вынужден усваивать, так как их правильное усвоение помогает ему избегать многих конфликтов со средой и тем самым снять стрессовые ситуации. Поэтому длительное пребывание в условиях изоляции не проходит для осужденного бесследно. Однородная в социально-нравственном отношении среда неизбежно прививает ему нормы пенитенциарной субкультуры, а также многие негативные установки и формы поведения.

Известно, что потребности осужденных, как и других социальных групп, тесно связаны с их интересами¹⁵². В отличие от потребностей, интерес направлен не столько на предмет удовлетворения, сколько на те социальные институты, учреждения, нормы взаимоотношений в обществе, социальной группе, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей. Отсюда вполне объяснимо, что в понятии «интерес» присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной группы с другой группой.

Вместе с тем выделение интереса, его самостоятельное изучение у лиц, лишенных свободы, имеет большое значение, ибо только посредством их усвоения можно наиболее верно и полно проанализировать и объяснить многие поступки и действия осужденных, их стремления и идеалы.

Анализируя интересы осужденных в местах лишения свободы, необходимо отметить и то, что многие преступники попадают туда далеко не случайно. Их образ жизни, поведение, личностные установки в конечном итоге определяют их дальнейший жизненный путь, в том числе и склонности к

¹⁵² См. об этом более подробно: Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986; Самсин А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей. М.: Высш. шк., 1987.

совершению преступления. Поэтому у такой категории осужденных сложились весьма устойчивые антиобщественные интересы. Более того, у многих из них такие интересы проявились в молодежном возрасте: интересы к преступным традициям, обычаям, стремление к лидерству в преступной среде или хотя бы в ближайшем окружении. Поэтому не случайно у многих осужденных интересы совпадают, что предполагает их объединение. Интерес реализуется, как правило, в познании, в передаче информации друг другу: как общаться с тем или иным лицом, как вести себя в определенных условиях и т.д. Таким образом, многие интересы осужденных, способы их удовлетворения являются важным компонентом субкультуры сообщества.

В этой связи многие потребности, интересы, ценности сообщества осужденных в условиях изоляции следует рассматривать как своеобразную основу, безусловно, оказывающую сильное влияние на формирование особой культуры в среде осужденных, проявляющейся в форме пенитенциарной субкультуры.

Однако известно, что именно существующая в обществе культура как совокупность ценностей нередко является причиной борьбы интересов различных групп общества. К сожалению, подобные отношения проявляются и в местах лишения свободы, хотя и в специфической, но нередко, как показывает практика, в более жесткой форме.

В данном случае весьма справедливо подметил Дэвид Майерс: «Один из распространенных критериев, по которым могут различаться культуры, основан на том обстоятельстве, что система ценностей, принятая в том или ином обществе, ставит на первое место либо индивидуальный самоконтроль и личные достижения, либо обязательства общественной солидарности»¹⁵³. Последнее весьма наглядно проявляется в учреждениях тотального (закрытого) типа, в том числе и в исправительных учреждениях, что в конечном итоге предопределяет стратификацию среды осужденных по различным основаниям, в том числе и по ценностям.

¹⁵³ См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб, 1997. С. 249.

Анализируя интересы осужденных, важно подчеркнуть, что у многих из них в условиях изоляции духовные, политические и экономические интересы имеют весьма специфические формы осознания. Однако, отражая общие закономерности своего проявления в обществе, наиболее наглядными они становятся при рассмотрении интересов осужденных через существующую в обществе культуру.

Культура в широком смысле слова рассматривается как срез эпохи и как уклад общественной жизни в целом. Культура – это творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания¹⁵⁴. В более узком смысле слова принято говорить о материальной, духовной, политической культуре.

Исправление осужденного в местах лишения свободы предполагает привитие ему определенного уровня культуры. В данном случае как бы сталкиваются две противоположные культуры: одна – общепризнанная большинством людей и отражающая традиции, обычаи и ценности общества, другая – сформированная на примитивном уровне, исходя из искаженных ценностей, имеющая временный, ситуативный характер и свойственная лишь незначительной части людей, причем осознанно противопоставивших себя обществу. Поэтому формирование необходимых для этого качеств теснейшим образом связано с интересами самой личности, его влечением к усвоению ценностей культуры общества. Поэтому рассматривать интересы осужденных, на наш взгляд, удобнее через призму их политической, духовной и материальной культуры.

Политическая культура предполагает наличие у личности таких качеств, как патриотизм, гражданственность, любовь к Родине. Конечно, в сегодняшней действительности говорить об этих качествах у осужденных почему-то кажется делом неуместным и даже вызывающим насмешку. Безусловно, причин этому немало, однако их анализ выходит за рамки нашего исследования. Для нас важно уяснить, в какой степени осужденные проявляют интерес к политике вообще и к политическим событиям в жизни страны в частности, ибо

¹⁵⁴ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М., 1998. С. 225.

указанные установки личности весьма наглядно показывают её личностные качества, по которым в некоторой степени можно судить о возможном поведении осужденного, включая и преступное.

По мнению А.И. Канунника, почти 70 % осужденных в той или иной степени интересуются происходящими в стране политическими событиями. Правда, лишь 10–15 % из числа интересующихся проявляют повышенный интерес к политике, как правило, это лица, которые до осуждения занимали руководящие должности, занимались бизнесом, коммерческой деятельностью¹⁵⁵.

Они осуждены в основном за преступления в экономической сфере или за должностные преступления. Эти лица неплохо ориентируются в политических вопросах, нередко стремятся вызвать на диалог представителей администрации. Такое поведение и личностные качества делают их авторитетными в среде осужденных. Кстати, исследование среды осужденных показывает, что именно из этой категории преступников появляются и представители «новой волны» преступников. Видимо, их интерес и познания в политике не случайны. Имея определенное влияние на многих осужденных, эти лица нередко устанавливают формы поведения в сообществе, пытаются навязывать свои нормы и в конечном итоге оказывают влияние на отдельные элементы субкультуры сообщества. После освобождения они стремятся как можно активнее заняться политической деятельностью: стать если не депутатами, то хотя бы помощниками депутатов или пробиться в другие значимые службы управления. Несомненно, такие решения принимаются ими далеко не случайно, ибо дают им возможность более надежно защищать себя, свое окружение, легализовать имеющиеся денежные средства или криминальный бизнес.

В ходе проведенного нами исследования выявлено, что происходящими в стране политическими событиями интересуются 13,5 % осужденных из числа опрошенных (Приложение 2).

¹⁵⁵ Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. С. 254.

Что касается других категорий – а таких осужденных большинство, то для них интерес к политике в большей степени ограничивается сферой споров, скандалов и интриг, происходящих в высших эшелонах власти. Несомненно, такой односторонний интерес весьма серьезно отражается не только на политической культуре осужденных, но и нередко служит для них своеобразным средством оправдания своих преступных действий, особенно связанных с хищениями, вымогательством, взятками и т.п. Более того, они полагают, что их отношения более откровенные, порядочные. Поэтому культура отношений в сообществе, по их мнению, более значимая и более достойная уважения, особенно со стороны себе подобных. И привить им в условиях изоляции многие общечеловеческие ценности, противопоставить их ценностям субкультуры осужденных и повысить их культурный уровень – дело во многом безнадежное, ибо субкультура среды осужденных, как и любая другая культура, предполагает наличие своих реальных в данных условиях ценностей. А субкультура сообщества преступников весьма разительно отличается от общепринятой в обществе культуры.

Поэтому не случайно многие осужденные становятся индивидуалистами. Для них основным принципом поведения становится сохранение и обеспечение собственного «я» в замкнутом сообществе, где вполне естественно проявляется с их стороны противопоставление себя коллективу, обществу. Прав был в свое время Г. П. Францев, констатируя, что «непомерное выпячивание своего «я» в противовес коллективу, обществу или чувство приниженности, неполноценности – это две стороны одной и той же медали – мироощущения одиночки, отщепенца, человека, отбившегося в той или иной степени от коллектива, зараженного индивидуализмом. Во всех этих случаях налицо забвение своей действительной роли в обществе и долга перед обществом, голое «лгейство», заслоняющее действительные социальные связи, индивидуума с обществом, с коллективом»¹⁵⁶. И если они примыкают к той или иной группе в колонии, то в этом случае ими больше движет инстинкт

¹⁵⁶ См.: Францев Г.П. Философия и социология. М., 1971. С. 633.

самосохранения, самоутверждения именно в этой среде. Исходя из такого ощущения окружающей действительности, формируется своя микрокультура, появляются свои ценности, что в конечном итоге вливается в субкультуру осужденных.

Итак, из изложенного можно сделать вывод, что в целом интерес осужденных в местах лишения свободы к политической культуре весьма невысок. И не только потому, что они не участвуют в общественно-политической жизни страны. В своем большинстве они отрицательно настроены по отношению к правительству, органам государственной власти. Почти половина из них считает (хотя и отчасти) повинными в их сегодняшнем положении именно указанные структуры.

Так или иначе, у большинства осужденных сформировалась своя, весьма искаженная система взглядов на политическую жизнь в нашем обществе. Поэтому вполне естественно, что после отбывания наказания, у этих лиц отсутствуют такие качества, как уважение не только к государственным и политическим деятелям, но и просто к людям, к их достоинству. В результате у них нет желания подчинить свое мнение решениям большинства, а личные интересы – общественным.

Известно, что все эти условия просто необходимы для личности, для гражданина, ибо их наличие дает возможность не только избежать противоречий с социальной системой, ее требованиями, которые непременно будут предъявляться лицу после его освобождения из мест лишения свободы, но и самоутвердиться в обществе законным путем¹⁵⁷.

В настоящее время, на наш взгляд, не менее важное значение приобретает анализ материальных интересов осужденных. В принципе, актуальными эти проблемы были и в предшествующие годы. В этой связи не только у осужденных, но и у большинства граждан в сознании произошел определенный поворот. Все активнее начинает действовать принцип частного интереса,

¹⁵⁷ Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью. С. 257.

причем во многих, в том числе государственных сферах. Поэтому конкуренция между отдельными социальными группами, отдельными личностями, борьба за сферы влияния с использованием зачастую самых жестоких приемов, утверждение власти денег, наконец, попытки подчинения государственной и национальной политики личным амбициям отдельных личностей стали отрицательными тенденциями переходного периода в развитии интересов у некоторых граждан.

Иными словами, в условиях изоляции происходит смещение антиобщественных интересов для одних осужденных, и их закрепление – для других. Они начинают ориентировать свое поведение на усвоение ценностей сообщества, его субкультуры: изучают жаргонные слова, выражения; делают татуировки, обучаются игре в карты «под интерес», усваивают походку и другие элементы субкультуры сообщества. Социологами подмечено, что «воздействие культуры также сказывается на том, какие роли играют люди. Приучаясь играть ту или иную роль, люди часто усваивают соответствующее поведение, как свойственное лично им (интерпретируют его). Действие становится убеждением»¹⁵⁸.

Итак, условия мест лишения свободы, с одной стороны, весьма существенно ограничивают многие интересы осужденных, а с другой – объективно, в силу воздействия свойственных изоляции факторов, формируют у осужденных, во-первых, систему интересов, во многом отражающую их нравственный уровень, взгляды и оценки ими окружающей действительности, во-вторых, непроизвольно отражают субкультуру среды, в которой проходит их жизнь.

Потребности, интересы неразрывно связаны с ценностями, присущими осужденным. В этой связи, не уяснив смысла и содержания основных ценностей осужденных, процесса их формирования и влияния на поведение, в том числе и противоправное, на наш взгляд, невозможно строить систему

¹⁵⁸ Майерс Д. Социальная психология. С. 225.

воздействия и применять ее на осужденных, особенно при ориентировании их на правомерное поведение.

Конечно, значение ценностей может быть обусловлено не только определенными свойствами предмета, но и другими факторами: суждениями или оценками авторитетной группы или ее лидерами, а в ряде случаев просто потребностью лица. Естественно, что конкретное значение предмета, явления, деятельности возникает в тот момент, когда лицо находится с ними в определенной связи, когда, например, предмет вовлекается в процесс, направленный на удовлетворение какой-нибудь потребности. В этой ситуации и уясняется качественное значение предмета, явления или иного фактора. Уясняются его положительные или отрицательные свойства, существенные или не столь существенные с точки зрения потребности. В социальной психологии это определяется как способ дифференциации объектов по их значимости – ценностные ориентации¹⁵⁹. Они формируются в процессе усвоения социального опыта и, как следствие, обнаруживаются в целях, идеях, идеалах, убеждениях, интересах, а также других проявлениях личности.

Ценностная ориентация неотделима от социальных ценностей. Поэтому если ценность представляет собой определенный продукт человеческой деятельности, его сознания, то ценностная ориентация – это осознанный выбор ценностей.

Деградация личности, недостатки в воспитании предопределили отсутствие у осужденных многих социальных ценностей, которыми бы они дорожили, берегли их, и которые в свою очередь побуждали бы их к социально значимым и не порицаемым обществом поступкам. Отсутствие у большинства из них таких базовых ценностей, как семья, дети, друзья, интересная работа, многих духовных ценностей во многом и предопределило возникновение у них негативных потребностей.

Иными словами, к негативным последствиям изоляции относятся «...выключение осужденного из обычной жизни общества; ослабление или

¹⁵⁹ Краткий психологический словарь. С. 389

разрешение социально-полезных связей; формирование антисоциальных связей; своеобразное привыкание к режиму и обстановке мест лишения свободы, связанные с этим трудности социальной адаптации после лишения свободы, вызванные длительным заключением психические нарушения; распространение и навязывание преступниками друг другу обычаев, традиций, бытующих в их среде»¹⁶⁰.

Исходя из своих личностных установок, удовлетворять такие потребности они пытались различным путем, включая и совершение преступлений. Кстати, этим объясняется и весьма высокий уровень рецидива в преступном поведении многих осужденных.

Рассматривая преступное поведение рецидивистов, можно увидеть, что здесь участвуют все структуры личности преступника: одни могут быть выражены очень ярко, другие слабо или очень слабо. Например, при совершении преступления, сопряженного с насилием, в исправительном учреждении особые навыки и умения чаще всего не нужны и такие преступления (ИУ) обычно бывают достаточно примитивными. Однако надо учитывать, что в основании подобного преступления лежат отношения между осужденными. Тот, кто совершает преступление в условиях ИУ, как правило, проявляет определенные умения и навыки строить отношения с другими людьми и реагировать на внешние воздействия. Хочет того человек или нет, но попав в исправительное учреждение, он ни в коем случае не способен стать другой личностью в смысле полного освобождения от всего, что способствовало порождению его преступного поведения, даже если он искренне осуждает его. Прежний жизненный опыт, прежние представления и ориентации сознательно или бессознательно останутся с ним. Но, они могут и никак не проявляться.

¹⁶⁰ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 225. См. также: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2004.

Важно связать мотивы преступного поведения в местах лишения свободы с подструктурами личности осужденного. Изучая мотивы пенитенциарного преступления, ни в коем случае не следует ограничиваться выявлением того, что сам человек думает о причине своего поступка и считать именно это причиной. Дело в том, что осужденные в качестве причины обычно называют только внешние, лежащие на поверхности стимулы (например, причиной могут назвать оскорбление другим осужденным). Это не объясняет, почему данный индивид ответил на оскорбление насилием, а другой в аналогичной ситуации этого не сделал¹⁶¹.

По данным нашего исследования, у 80 % рецидивистов молодежного возраста отсутствуют социально значимые ценности, которые бы сдерживали их отрицательное поведение. На наш взгляд, это объясняется тем, что их жизненный путь еще не столь продолжителен, и за прожитый отрезок времени они не смогли усвоить или создать для себя ценности, закрепить в сознании и использовать их как источники удовлетворения своих потребностей. Видимо, неадекватная оценка ими своего жизненного пути, условий, в которых они находились, вызывает у них ощущение ущемленности, протест, озлобленность, которые иногда вымещаются на их жертвах.

Вместе с тем при анализе ценностей осужденных и их влияния на поведение преступников, на наш взгляд, представляет определенный интерес поведение лиц, которые впервые совершили преступления в зрелом возрасте, т. е. тех, чей возраст старше 40 лет.

Здесь мы наблюдаем противоположную картину: почти 90 % из них сожалеют не только о содеянном, но в большей степени об утрате тех ценностей, которыми они пользовались до наказания. Вполне понятно, что многие из них стремятся быстрее освободиться из мест заключения. Кстати, у этих лиц наблюдается весьма незначительный рецидив.

¹⁶¹ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 23 – 24.

Такое поведение лиц анализируемой категории также во многом объяснимо. В частности, в его основе, на наш взгляд, лежат два фундаментальных аспекта: жизненный опыт и ценности, усвоенные ими в процессе социализации. Иными словами, возраст 40 лет и старше составляет, по меньшей мере, две трети активной человеческой жизни. За это время вполне сформировались и укоренились многие личностные качества, люди утвердились в семье, в группе, в коллективе и т.д. Таким образом, их жизненный путь в условиях свободы передвижения, общения, выбора объектов интересов и ценностей повлиял на формирование личности. В этой связи, содержание таких осужденных в условиях изоляции неизбежно влечет для них отрыв от наиболее значимых ценностей, особенно таких, как семья, дом, свобода действий и т.д. Их утрата не только переживается осужденными, но и в условиях изоляции такие ценности обретают другое содержание, поскольку условия отбывания наказания постоянно воздействуют на сознание осужденных.

В результате отдельные ценности утрачивают свою прежнюю значимость, другие, наоборот, приобретают большую значимость, и потребность в них усиливается. Такие ценности в структуре личности начинают доминировать, нередко прочно закрепляясь в сознании. Для лиц, отбывших наказание, эти ценности становятся своеобразным сдерживающим фактором в преступном поведении, так как они познали через систему ограничения истинную цену и значимость ряда ценностей.

Вместе с тем исследование показало, что отсутствие возможности по своему желанию и усмотрению удовлетворять названные ценности наиболее остро переживается большинством осужденных. Поэтому названный перечень ценностей – далеко не исчерпывающий хотя бы потому, что каждый человек индивидуален и для удовлетворения своих потребностей ему необходимо очень многое.

Сколько точно? На этот вопрос даже с позиций науки ответить очень трудно, да и, видимо, бесперспективно. На наш взгляд, в таком случае удобнее

всего использовать в качестве примера литературные персонажи. В частности, в рассказе «Крыжовник» устами одного из героев А.П. Чехов заметил, что «...человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего духа»¹⁶².

Итак, исходя из анализа значимости отдельных ценностей для лиц, лишенных свободы, можно сделать вывод о том, что наказание оказывает различное воздействие на каждого осужденного, вызывает различные по глубине переживания и страдания, обусловленные, прежде всего ценностной системой личности.

Ценностные ориентации осужденных, исходя из условий содержания, являются также важной составляющей не только в структуре поведения, но и в субкультуре осужденных. В процессе взаимоотношений между осужденными определяются не только понятия и формы общения, но и вырабатывается своя система отношений, включающая жаргонные слова, правила поведения, татуировки и т.д. Все это и многое другое весьма значимо для преступников в условиях изоляции, приобретает особую важность, поскольку помогает обезопасить себя и быть своим, то есть частью сообщества.

Бесспорно, ценности осужденных имеют и некоторый относительный характер. Они обуславливаются обстоятельствами условий мест отбывания наказания и временем, а также интересами, ценностными ориентациями сообщества. Поэтому известно, что в основе формирования у осужденных системы ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий общественный образ, образец, стереотип: пройдя сложный путь апробации и утверждения в сообществе, такой эталон приобретает форму правила, нормы, в некоторых случаях даже идеала и тем самым становится своеобразным регулятором неформального уклада их жизни и взаимоотношений.

¹⁶² См.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 10. М., «Наука», 1986.

Образцы, стандарты, ценности осужденных вырабатываются и функционируют в обществе осужденных весьма продолжительное время и, так или иначе, формируют свою систему оценок, необходимых и значимых именно в их среде. Господствующие в такой среде оценки ограничивают, а в необходимых случаях даже препятствуют появлению и распространению иных взглядов, оценок, например, связанных с отказом воровских традиций. Причем пресечение инакомыслия и не свойственных сообществу взглядов носит очень жесткий характер. По мнению Н. Смелзера, «... жизнь в таких условиях создает крепкие связи между обитателями подобных учреждений. Их язык, ритуалы и опыт становятся страстно защищаемой культурой»¹⁶³.

На наш взгляд, социальная среда осужденных формирует свои группы ценностей, которые отражают ее субкультуру, исходя, прежде всего, из их реального жизненного, в том числе и преступного опыта, а также условий отбывания наказания. Бесспорно, интересы и потребности в этой среде играют далеко не последнюю роль, ибо ограниченные возможности удовлетворения потребностей, схожесть и даже совпадение многих интересов, суждений, оценок способствуют их консолидации в группы, микрогруппы, сообщества, и как следствие – формированию системы ценностей, свойственных субкультуре осужденных.

¹⁶³ См.: Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1994. С. 173.

§5. Роль и место лидеров неформальных групп осужденных в системе субкультуры осужденных

В конце XX – начале XXI веков в России в местах лишения свободы и за их пределами стремительно возрастала активность криминальных лидеров, пытающихся распространять «воровские традиции», организовывать и координировать противоправные действия осужденных¹⁶⁴.

Негативное влияние лидеров криминальной среды в условиях социальной изоляции исследовали ряд авторов: ««Проповедниками» антиобщественных взглядов в ИТУ, как показывает практика, являются лица с глубоко укоренившимися антиобщественными взглядами и привычками. Они активно распространяют среди других осужденных, особенно молодых и еще не приобщившихся к их мировоззрению, свои представления о товариществе, долге, справедливости, честности, прививают им чувство недоверия к администрации ИТУ»¹⁶⁵.

За последние годы состояние дел в местах лишения свободы в России продолжает оставаться сложным. По-прежнему, в ряде учреждений не снижается напряженность в отношениях между осужденными и администрацией, нередко имеют место групповые формы открытого проявления недовольства осужденных, их неповиновения и т.п. Эти и другие противоправные действия неизбежно дестабилизируют нормальную деятельность исправительных учреждений, приводят к нарушению прав отдельных осужденных. Изучение данной проблемы показало наличие как общих, так и частных причин, сложившегося в уголовно-исполнительной системе положения дел.

¹⁶⁴ Дубягина О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды. С. 3. См. также: Шемякина В.В. Криминальная субкультура как криминологическое явление // Междунар. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых «Проблемы современного российского права». Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2009.

¹⁶⁵ См.: Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. С. 12–13. См. также: Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы: монография / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. Рязань, 2002.

К общим причинам необходимо, прежде всего, отнести:

1) последствия процесса демократизации уголовно-исполнительной системы. В результате этого расширены возможности осужденных приобретать предметы первой необходимости, вести телефонные переговоры с родственниками и иными лицами, осуществлять выезды за пределы исправительного учреждения и т.д. Вместе с тем возможности реализовать эти права имеются лишь у определенной части осужденных, а именно у лиц, имеющих денежные средства на своих лицевых счетах, а также у лиц, обладающих высоким неформальным статусом в среде осужденных. В определенной мере этот процесс отражает современное состояние явлений, происходящих в обществе. Как следствие этого многие из нововведений в законодательстве резко усилили процесс стратификации осужденных: появились ярко выраженные «авторитеты» преступного сообщества, с одной стороны, а с другой – лица, у которых возможности реализовать эти права либо ограничены, либо вообще не доступны. Именно последние, как показывает практика, часто попадают в зависимость к первым;

2) высокий уровень безработицы в исправительных учреждениях. Он, как показала практика, очень повлиял на многие процессы среди осужденных, включая их консолидацию, а также и на некоторые отношения с персоналом колонии. В результате появились осужденные, которые с помощью материальных и других возможностей способны в сложившихся отношениях влиять на поведение не только многих осужденных, особенно молодежного возраста, насаждать среди них нормы и правила тюремной субкультуры, навязать им традиции и обычаи преступной среды, но и даже влиять на отдельные отношения с администрацией;

3) ухудшение контингента осужденных. В настоящее время в исправительных учреждениях в основном содержатся лица молодежного возраста, осужденные за насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления, причем многие из которых совершены в соучастии. Исходя из возраста, уязвимой психики, жизненного опыта, ценностных ориентаций, многие

из таких лиц предрасположены к консолидации, осознавая, что в условиях изоляции такие формы поведения просто необходимы, поскольку, находясь в окружении себе подобных нужно достойно существовать. Поэтому не случайно они стремятся объединяться в различные группы. К тому же условия колонии способствуют этому. В таких условиях консолидация и стратификация среды – своеобразное отражение и следствие субкультуры осужденных.

В результате концентрации в местах лишения свободы лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, неоднократно судимых, доля лиц, состоящих на различных видах профилактического учета, от общего количества спецконтингента увеличилась с 10,3 % до 12,2 %. На 1 января 2013 года на профилактических учетах состояло 71 155 осужденных (2011 год – 66 179)¹⁶⁶.

Несмотря на общее снижение численности осужденных, находящихся в исправительных колониях в 2013 году почти вдвое увеличились темпы роста количества лиц, осужденных при особо опасном рецидиве преступлений. Основная масса осужденных (84,8 %) отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Соответственно до 13,1 % возросла доля лиц, состоящих на различных видах профилактического учета. На 1 января 2014 года на профилактических учетах состояло 72 872 осужденных, из них 2 171 (3,0 %) – лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности¹⁶⁷.

На протяжении последних трех лет сохраняется устойчивая тенденция к увеличению числа осужденных, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений: из 527 405 осужденных, отбывающих наказание в ИУ, 182 761 человек (34,7 %) – осуждены за совершение тяжких преступлений, 242 911 (46,1 %) – за совершение особо тяжких преступлений. В

¹⁶⁶ О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году.

¹⁶⁷ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

связи, с чем возросла и доля лиц, состоящих на различных видах профилактического учета: с 14,2 % в 2014 году до 15,3 % по итогам 2015 года. По состоянию на 01 января 2016 года на профилактических учетах состояло 80 844 осужденных¹⁶⁸.

В результате проводимой реформы уголовно-исполнительной системы, гуманизации уголовного законодательства, лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, стали отличаться повышенной криминогенной опасностью¹⁶⁹.

На фоне указанных причин имеются и другие, частного порядка. Так, во многих колониях изменился состав сотрудников исправительных учреждений. В основном сейчас трудятся молодые сотрудники, не имеющие большого опыта работы с осужденными, причем в столь сложных условиях. Они первоначально не смогли оценить возможность возрождения и модификации воровских и тюремных законов и, следовательно, влияние субкультуры осужденных на пенитенциарную преступность.

К недостаткам исполнения наказания относится и то, что не всегда удастся избежать отрицательного влияния на осужденного со стороны его окружения, которое в какой-то степени может усугублять нравственную деформацию личности, затруднить достижение целей наказания. Закреплению, а иногда развитию антиобщественных черт личности у осужденного прежде всего способствуют лица, которые после применения к ним уголовного наказания не отказались от преступных намерений. Криминализация среды осужденных имеет прогрессирующие тенденции в тех исправительных учреждениях, где криминальной идеологией нейтрализован воспитательный процесс, профессиональный авторитет персонала. Объективно оценивая криминальную ситуацию в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует констатировать, что содержащиеся в них лидеры уголовно-преступной

¹⁶⁸ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2015 году.

¹⁶⁹ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 4.

среды, «воры в законе» направляют свои усилия на консолидацию противоправной деятельности, подкуп должностных лиц правоохранительных и государственных органов исполнительной и законодательной власти¹⁷⁰.

Академик В.Н. Кудрявцев справедливо пишет: «Наибольшую активность в сращивании с указанными структурами проявляют представители организованной преступности. Это и понятно: им важно взять под контроль ключевые посты в государственном и местном самоуправлении, правоохранительных органах, средствах массовой информации, что обеспечивает им и высокие доходы, и безопасность»¹⁷¹.

Всего в 2012 году за неслужебные связи к различным видам ответственности привлечены 108 сотрудников, что на 1,9 % больше, чем в 2011 году, из них число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, осталось на том же уровне – 40¹⁷².

Количество сотрудников отделов безопасности, вступивших в неслужебные связи с осужденными, увеличилось в 2013 году на 2,5 % (с 159 до 163). Всего за неслужебные связи привлечены к ответственности 112 сотрудников отделов безопасности, что на 3,7 % больше показателя 2012 года, при этом число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, сократилось на 17,5 % (с 40 до 33)¹⁷³.

Определенные качественные изменения наблюдаются и в причинах объединения осужденных в неформальные группы, которые в настоящее время образуются преимущественно по характеру поведения в ИУ, отношению к уголовным традициям. Уголовные традиции в последнее время находят все большее распространение среди осужденных, особенно молодежного возраста. Увеличилось количество группировок и лидеров групп отрицательной направленности поведения, а также лиц, их поддерживающих. Насаждение

¹⁷⁰ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 29.

¹⁷¹ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 30.

¹⁷² О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году.

¹⁷³ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

в местах лишения свободы криминальных норм и правил поведения приводит к обострению межличностных отношений среди спецконтингента, развитию преступной активности его отрицательной части¹⁷⁴. Поэтому элементы субкультуры осужденных становятся более категоричными и строгими. Такие последствия неизбежны. Например, отвергание осужденного носит не только насильственный характер, но и связано с унижением его чести и достоинства впоследствии на протяжении всего срока отбывания наказания. Роль изгоя – месть, расправа, наказание со стороны сообщества за отступление или нарушение норм его субкультуры¹⁷⁵.

Наметившаяся в последнее время тенденция к повышению уровня консолидации отрицательно характеризующихся осужденных связана с рядом обстоятельств.

Во-первых, в связи с увеличением лимита наполняемости осужденных в пенитенциарных учреждениях создались предпосылки ослабления социального контроля за поведением осужденных, что привело к возникновению таких отрицательных социально-психологических явлений, как межгрупповая дифференциация и стратификация, субкультура и др.

Во-вторых, криминогенная обстановка в стране по-прежнему остается на высоком уровне, что неизбежно сказалось и на криминогенности в среде осужденных. Высокий уровень криминогенной напряженности в исправительных учреждениях сохраняется вследствие того, что традиции и обычаи, существующие в наиболее криминализированных группировках

¹⁷⁴ См.: Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы: монография / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. Рязань, 2002. С. 56.

¹⁷⁵ По этой проблеме также писали другие авторы. См.: Канунник А.И. Личность осужденных, не адаптированных к условиям отбывания наказания в исправительно-трудовых колониях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; Солодовников С.А. Преступный образ жизни и криминальная субкультура // Закон и право. 2000. № 2; Кривцова Т.Н. К проблеме отвержения некоторых категорий осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 2; Зосименко А.В. Психические расстройства у осужденных, перенесших сексуальное насилие и имеющих низкий статус в уголовной субкультуре // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрова», 2009. Вып. 6.

осужденных, создают для других осужденных проблемы независимого поведения в период отбывания наказания в виде лишения свободы¹⁷⁶.

Как отмечал С.В. Познышев, арестант никогда не остается один, он находится в атмосфере циничных выходок и разговоров, безвозвратно растворяется в среде арестантов. Отдельные личности скрываются от воспитательного воздействия, поработаются группой, подчиняются тем грубым обычаям и традициям, которые складываются в арестантской среде, и утрачивают добрые черты своей индивидуальности; духовными же вождями сплоченных арестантских групп обыкновенно бывают худшие, а не лучшие. Слишком трудно в грубой арестантской среде сохранить чувство собственного достоинства¹⁷⁷. Естественно, в местах лишения свободы концентрируются осужденные с большой криминальной запущенностью, которые не только усваивают ранее не известную для них субкультуру, предопределенную сообществом, культивируемую и навязываемую лидерами неформальных групп осужденных, но и привносят в нее новые элементы, исходя из их преступного опыта. В-третьих, повышение уровня консолидации осужденных произошло отчасти и оттого, что после активной борьбы с группировками воровской направленности, примерно до начала 90-х годов, с их обычаями, традициями эта работа в последние годы практически не осуществлялась.

Сложные экономические отношения, в которых находится сейчас УИС, ограниченные возможности администрации трудоустроить всех осужденных, желающих трудиться, сложности в их материально-бытовом обеспечении, неизбежно оказывают сильное влияние на систему ценностей в условиях изоляции, способы удовлетворения ограниченных потребностей и, соответственно, на поведение осужденных, их взаимоотношения, как между собой, так и с администрацией.

¹⁷⁶ Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных. С. 29.

¹⁷⁷ См.: Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 158

Исправительное учреждение – это место, где находится значительное количество людей, и, естественно, как во всяком социальном образовании, в нем среди обитателей формируются свои ценности¹⁷⁸. Более того, такое образование неизбежно начинает требовать от его членов считаться со сформировавшимися в этой среде нормами, традициями¹⁷⁹. Поэтому не случайно многие требования группы в условиях изоляции становятся в большинстве случаев обязательными для выполнения тем или иным ее членом. В результате у каждого осужденного хотя и имеются свои взгляды и оценка того или иного явления как в колонии, так и непосредственно в среде осужденных, но в целом они, особенно по принципиальным вопросам, не должны рассогласовываться с мнением сообщества. В связи с этим каждый осужденный неизбежно вынужден усваивать именно те ценности, которые весьма значимы в данной социальной среде.

Вместе с тем необходимо констатировать: именно различие потребностей, интересов и ценностей с такой же силой обуславливает противоречия в сообществе осужденных, порождает конфликты и как следствие этого – стратификацию среды осужденных.

Прежде всего, сложившуюся ситуацию стремятся использовать лидеры групп отрицательной направленности поведения. Они подкупают многих осужденных своей «помощью», например, приобретают отдельным осужденным одежду, в том числе и спортивную, сигареты, другие предметы и продукты, обладание которыми в закрытом учреждении с ограниченным набором ценностей и возможностями их удовлетворения влияет на статус осужденного в сообществе. Иными словами, лидеры групп как бы поддерживают статус нужных им осужденных. В результате такие осужденные неизбежно становятся зависимыми от своих покровителей.

¹⁷⁸ Более подробно об этом см.: Хохряков Г.Ф. Социальная среда, личность и правосознание осужденных: автореф. дис ... д-ра. юрид. наук. М., 1987; Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы: проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991.

¹⁷⁹ Анисимков В.М.: Тюрьма и ее законы. С. 82.

Кстати, названные проблемы отчасти обусловили и создание авторитетными в преступной среде лицами так называемого «общака», т. е. своеобразной кассы для оказания различной помощи «нуждающимся» осужденным. В целях подчинения своему влиянию как можно большего числа осужденных и сбора средств «авторитеты» используют играющих в карты, которые вносят в «каассу» определенную сумму выигрыша. Кроме того, они ставят в материальную зависимость тех осужденных, которые не могут выплатить проигранную сумму. Анализ практики показывает, что в результате создания «общаков» в несколько раз увеличилось количество перебросов через систему ограждения колонии и других способов доставки запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений.

Проведенным исследованием были получены следующие данные: в 2010 году пополняли «общак» 72 % осужденных, в 2014 году – 84 %. При этом весьма важно отметить, что наибольшее количество осужденных, пополняющих «общак», выявлено в исправительных учреждениях УФСИН по Ставропольскому краю и УФСИН по Республике Крым и г. Севастополю.

Более того, концентрация денежных средств у отдельных осужденных и трудности, которые испытывают сейчас исправительные учреждения, в ряде случаев позволили «авторитетам» устанавливать доверительные отношения с администрацией и дали возможность порой даже оказывать ей некоторую помощь по улучшению условий содержания осужденных в колонии. В результате этого в ряде колоний стали проявляться своеобразные компромиссные соглашения между авторитетами и администрацией учреждения по отдельным вопросам.

В частности, из «общака» или из других источников под видом, например, спонсорской помощи со стороны якобы коммерческих организаций, родственников осужденных или даже непосредственно за «счет собственных средств» отдельных осужденных или групп для их нужд приобретаются телевизионные приемники, радиоприемники, иная аппаратура, книги, лекарства, осуществляется ремонт помещений, в которых они проживают и т.п.

Отчасти, на такие действия администрацию в определенной мере подталкивают некоторые нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ¹⁸⁰, в котором, например в ч. 3 ст. 94, прямо указывается, что осужденные и группы осужденных могут приобретать телевизионные приемники и радиоприемники за счет собственных средств через торговую сеть, либо получать их от родственников и иных лиц. Далее, в ч. 5 ст. 95 этого же документа, также содержится норма, которая предусматривает возможность передавать осужденному с его согласия литературу в библиотеку исправительного учреждения. В таких случаях эти «собственные средства» и их происхождение вряд ли будут интересовать администрацию по вполне понятным причинам. Поэтому количественная и качественная характеристики товара в данном случае особого значения не имеют, правда, за исключением отдельных видов литературы.

Под видом помощи исправительному учреждению «авторитеты» стремятся поставлять в колонии для осужденных и некоторые виды продовольственных товаров и предметов первой необходимости (что примечательно, даже по более низким ценам), организуют концерты с приглашением известных артистов и т.д. Действительно, в ряде случаев такие осужденные проявляют большую активность, предпринимают меры по улучшению условий содержания осужденных, осуществляют даже строительство помещений для отправления религиозных культов и т.п. Администрация в таких случаях, как принято, не проявляет особого интереса к стоимости, количеству, а порой, к сожалению, и к качеству товара или содержанию услуг. Разумеется, эта «забота» не может не отразиться на положении таких осужденных в колонии. Поэтому не случайно они пользуются как у сообщества, так и у администрации определенным уважением, что в дальнейшем позволяет им распространять и фактически

¹⁸⁰ См., например: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Н.И. Брезгин, А.А. Зубков, А.И. Зубков [и др.]; под ред. А.И. Зубкова. 4-е изд., перераб. М.: Норма, 2008;

навязывать основной массе осужденных свои нормы и правила поведения, и, соответственно, влиять на формирование субкультуры. В преступном мире право насаждать ценности, нормы, традиции, формировать их приобретает, как правило, сильный, пользующийся авторитетом, опытный и знающий сложившиеся отношения в сообществе осужденный. Именно на базе усвоения, аккумуляции и практического применения ценностей преступной среды проявляется стратификация осужденных, проявляются лидеры, активные члены групп отрицательной направленности поведения, что в конечном итоге объективно предполагает дальнейшее воспроизводство и распространение этими лицами субкультуры сообщества осужденных.

Как правило, «лидеры», «авторитеты», имея влияние на других осужденных, принуждают отдельных из них к совершению различных действий, например, приобретению для них продуктов питания или вещей, изготовлению различных предметов (с учетом производства в колонии), передаче или сбору денег на различные общие нужды (нередко под благовидным предлогом на лечение, на помощь родственникам, на устройство после освобождения того или иного осужденного, ремонт помещений и т.д.).

К сожалению, администрация учреждений, осознавая создавшиеся условия, просто не может не учитывать помощь таких «меценатов» и, как традиционно принято, стремится в ряде случаев поощрять их действия возможными для себя способами: прежде всего, облегчить им условия отбывания наказания или (если возможно) освободить от него ранее определенного судом срока отбывания наказания. Такие отношения носят вполне естественный характер и во многом обусловлены природой и логикой человеческого бытия. Отсюда многие социальные процессы в закрытых учреждениях, а именно: снисходительное отношение администрации к отдельным осужденным; стратификация среды осужденных; противодействие администрации со стороны групп осужденных, наконец, формирование устойчивой субкультуры сообщества, и т.п. – во многом носят объективный, закономерный характер и обусловлены интересами, ценностями и

потребностями человека, оказавшегося в экстремальной ситуации, в данном случае осужденного, и условиями его содержания, т. е. такими условиями, где возможности удовлетворения потребностей очень ограничены или отдельные из них вообще невозможны.

Кстати, подобные отношения наблюдаются и в других социальных группах, сообществах, которые даже и не связаны с изоляцией. Эти отношения как элементы проявления субкультуры заметны даже по внешним признакам, например, по одежде осужденных (она существенно отличается, прежде всего, своим качеством), по условиям размещения этих осужденных в спальном помещении, по виду их трудовой деятельности (места работы и специальности), которой они заняты и т.п.

Практика показывает, что в местах лишения свободы одежда в некоторой степени указывает на неформальный статус осужденного: чем выше статус, тем с большей аккуратностью подогнана одежда, нередко выполнена с элементами незаметной, на первый взгляд, отделки. В то же время она особенно не отличается от одежды других осужденных с тем, чтобы этого не смогли заметить представители администрации. Нередко такая одежда дополняется одеждой из гражданского обихода – шарфами, рубашками, свитерами и т.п., как правило, темных цветов. Конечно, такую одежду осужденные тщательно скрывают, поскольку она запрещена к использованию в местах лишения свободы. Вместе с тем отдельные категории осужденных, особенно те, у которых самый низкий неформальный статус в колонии, как правило, носят именно ту одежду, которая выдана в колонии. Более того, у многих из них такая одежда в неприглядном состоянии: грязная и, как правило, не по размеру.

Анализ мнения сотрудников показывает, что администрация ИУ не всегда предъявляет необходимые требования к отдельным осужденным, а именно – к лидерам и членам групп осужденных отрицательной направленности поведения, в том числе и к лицам, нарушающим режим содержания, о чем указывалось выше. В частности, сотрудники колонии часто не принимают должных мер воздействия к ним не только за мелкие нарушения

с их стороны, например, за незаконное хранение продуктов питания, за наличие одежды гражданского образца (как показателя высокого неформального статуса среди осужденных), но и в ряде случаев на вполне очевидные, порой демонстративные нарушения требований режима с их стороны или со стороны активных членов возглавляемой ими неформальной группы.

Известно, что нарушителями режима отбывания наказания совершается больше половины всех преступлений, зарегистрированных в исправительных учреждениях. В общей и специальной литературе неоднократно рассматривались различные подходы и методики при характеристике злостных нарушителей режима. При этом за основу их классификации брались лица, систематически нарушающие установленный порядок отбывания наказания.

Подобное явление легко объяснимо и вполне закономерно. Массе осужденных надо постоянно демонстрировать свою силу, превосходство над большинством осужденных, в том числе и посредством насильственных преступлений, причинением вреда здоровью, мужеложством и даже убийством.

Вместе с тем необходимо отметить, что когда отношения администрации к осужденным, особенно к некоторым из ее отрицательной части, приобретают избирательный характер, то есть когда администрация «поощряет» одних осужденных и предъявляет очень жесткие требования к другим (кстати, порой не без усилий отдельных осужденных из числа положительно характеризующихся), то это порой приводит не только к усилению напряженности между отрицательно настроенной частью осужденных и ее основной массой, но даже и к массовым беспорядкам как одной из крайних форм разрешения возникшего противоречия.

Более того, практика так же показывает, что в отдельных учреждениях имеются даже своеобразные соглашения, связанные с обязательством лидеров неформальных групп не допускать из колонии побегов осужденных. Кстати, побеги не всегда поощряются большинством осужденных, поскольку последствия таких действий, хотя и временно, но отражаются на условиях их содержания в виде, например, усиления режима отбывания наказания,

увеличения числа проверок осужденных, обысков, прекращения на определенное время или ограничения свиданий, непредоставление выездов осужденных за пределы исправительного учреждения и т.п. (правда, в каждом случае побега имеются свои причины и особенности, обусловленные прежде всего личностью осужденного, совершающего побег, его мотивами и целями, поэтому и отношение сообщества может быть различным).

В течение 11 месяцев 2015 года в территориальных органах ФСИН России зарегистрировано 175 случаев самовольного оставления осужденными мест отбывания наказания (АППГ – 195).

Основными причинами, побудившими осужденных самовольно оставить места лишения свободы, явились:

- нежелание отбывать наказание – 32,2 %;
- употребление спиртного и наркотических средств – 25,4 %;
- желание увидеть родственников и семейные проблемы – 17,6 %;
- конфликт с администрацией – 6,3 %;
- конфликт с другими осужденными – 4,9 %;
- изменение вида режима – 2,9 %;
- иные причины – 10,7 %¹⁸¹.

Вместе с тем отдельные лидеры неформальных групп осужденных в знак проявляемой к ним лояльности порой даже обещают администрации не допускать со стороны осужденных совершения в колонии тяжких или особо тяжких преступлений. Сделать это администрации ИУ собственными усилиями и возможностями в столь сложных условиях трудно, поскольку большинство таких преступлений связано с противоречиями и конфликтами между отдельными группами (семьями) осужденных и отдельными осужденными.

Так, в июле 2013 года в ЛИУ – 33 ГУФСИН России по Кемеровской области осужденный, трудоустроенный санитаром, в стоматологическом

¹⁸¹ О необходимости повышения эффективности профилактической работы по предупреждению и пресечению побегов и уклонений от отбывания наказания: обзорное письмо ФСИН России от 22 декабря 2015 г. № 02-81642.

кабинете нанес заточенной металлической пластиной медсестре порез в области подбородка. Одна из причин происшествия – конфликт осужденного, относящегося к группе осужденных с низким социальным статусом, с другими осужденными этой группы¹⁸².

Такие соглашения в совокупности с проводимыми оперативно-профилактическими мероприятиями могут дать временный положительный результат. Однако в дальнейшем данное обстоятельство лидеры используют для укрепления своего влияния среди спецконтингента, распространения и навязывания в среде осужденных тюремных законов и традиций. С этой же целью они могут создавать конфликтные ситуации искусственно.

Основной задачей неформальных лидеров является установление и поддержание порядка, отвечающего их окружению: «Поскольку в местах лишения свободы существует обостренный спрос на справедливость, пусть и понимаемый по-своему, поскольку права заключенных постоянно попираются, поставляя пищу для возмущения, то существует потребность в защите нарушенной справедливости. Лидеры сообщества берут на себя эту важную роль»¹⁸³. В связи с этим в колонии происходят конфликты, нередко переходящие в драки и преступления.

Анализ материалов практики также свидетельствует, что часть средств «общака» «авторитетами» направляется порой и на другие цели, например, для активизации работы некоторых представителей правозащитных организаций по отстаиванию нужд осужденных, для поддержки с их стороны притязаний осужденных на более комфортные условия их содержания в колонии. Под предлогом защиты прав человека в условиях изоляции они нередко на одном-двух негативных фактах, выявленных в деятельности администрации, стремятся показать закономерность ее противозаконного отношения к осужденным, что порой приводит к усилению напряженности между осужденными и персоналом учреждения, дискредитации последнего.

¹⁸² О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

¹⁸³ Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы: проблемы, дискуссии, предложения. С. 72.

Для активизации решения этих задач во многих учреждениях на руководящие должности стали выдвигаться молодые сотрудники, поскольку прежние в определенной мере исчерпали свой профессиональный потенциал и не в состоянии перейти от метода компромиссов с осужденными к общим единым требованиям в отношении всех категорий осужденных. Однако такой резкий переход от своеобразной вседозволенности до строгого соблюдения правопорядка в колонии не проходит безболезненно. Вследствие этого во многих таких колониях нередко возникают кризисные ситуации – в виде групповых неповиновений, голодовок и т.д. Причем такие действия часто провоцируются, как правило, лидерами тех групп и группировок, ранее участвовавших в соглашательских отношениях.

Несмотря на многообразие форм преступных проявлений, совершаемых неформальными группами осужденных, «авторитетами» и иными лидерами преступной среды, практика применения мер уголовно-правового воздействия в отношении данной категории осужденных практически отсутствует. Анализ мнения сотрудников свидетельствует о том, что «авторитеты», как правило, привлекаются к ответственности только за те преступления, которые администрации ИУ невозможно скрыть. За другие противоправные действия к таким нарушителям применяются меры дисциплинарного воздействия.

Подобная правоприменительная практика, во-первых, уменьшает степень правовой защищенности других осужденных от преступных посягательств со стороны «авторитетов», во-вторых, порождает уверенность в безнаказанности или незначительной ответственности за совершенные правонарушения лидеров неформальных групп осужденных, в-третьих, противоречит смыслу уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающего возможность более жесткого правового воздействия на лиц, злостно нарушающих правила поведения осужденных в колонии.

Исправительное учреждение как орган, исполняющий наказание в виде лишения свободы, необходимо рассматривать в качестве сложной специфической организации с наличием формальных (администрация) и

неформальных (группы или иные объединения осужденных) подсистем. Структуру такой системы определить не сложно, хотя она существенно отличается от других систем, например, биологических или технических. Ее можно определить прежде всего путем анализа функционирования колонии. Так, в формальную систему (структуру) входят необходимое количество сотрудников администрации, наделенных определенными правами и обязанностями; необходимые средства для выполнения сотрудниками своих обязанностей; правовая регламентация их действий и т.д. Фактически, основным назначением формальной структуры исправительного учреждения является реализация наказания, которая включает в себя осуществление целенаправленного воздействия на осужденных, причем формами, методами и средствами, строго определенными законом.

Формальная система в своей деятельности для решения поставленных перед ней задач стремится к максимуму эффективности. Для этого она обеспечивает охрану, осуществляет надзор за осужденными, обеспечивает их питанием, жильем, другими необходимыми для жизнедеятельности условиями. В свою очередь она требует от осужденных строгого соблюдения и выполнения ими возложенных на них законом обязанностей, например, исполнять требования администрации, вежливо относиться к персоналу и т.д.

Иными словами, можно сказать, что осужденные обязаны вести себя в строгом соответствии с предписаниями, установленными формальной системой. Неисполнение осужденными возложенных на них обязанностей, а также невыполнение законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, влекут установленную законом ответственность (ч. 6 ст. 11 УИК РФ)¹⁸⁴.

И действительно, практика показывает, что добиться неукоснительного выполнения осужденными всех требований, предъявляемых администрацией,

¹⁸⁴ См. об этом: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, В.В. Геранин, Л.П. Дубровицкий и др.; науч. ред. А.С. Михлин. М.: Норма, 2008.

невозможно. Об этом наглядно свидетельствуют факты, констатирующие стабильность нарушений осужденными установленного в колонии порядка отбывания наказания.

Это обстоятельство дает основания утверждать, что неформальная система стремится, используя самые различные возможности, по-своему обеспечить реализацию своих потребностей, ценностей и интересов в колонии. В ряде случаев для достижения таких целей осужденные даже пытаются оказывать определенное противодействие выполнению стоящих перед формальной системой задач. В принципе, в этом явлении нет ничего сенсационного. Исследования социологов показывают, что цели индивида и организации, неформальной и формальной систем не всегда совпадают. «Существование формальных и неформальных систем коммуникации часто является проявлением такого конфликта между индивидом и организацией»¹⁸⁵.

В регулировании отношений индивида с другими членами общества, социальными группами и обществом в целом неформальные нормы занимают значительное место, так как официальные нормы среди осужденных, отбывающих тюремное заключение, не являются основополагающими. С другой стороны, преобладание в системе отношений осужденных именно неформальных норм связано с весьма ограниченным количеством норм права, регулирующих отношения осужденных между собой. Такое положение дел предоставляет широкие возможности для неформального нормотворчества. Малые группы осужденных и их члены при осуществлении своей деятельности подчиняются трем системам неформальных норм: а) нормам, выработанным самой группой; б) нормам, формируемым и разделяемым категориями осужденных; в) нормам, обязательным для всех осужденных¹⁸⁶.

В зависимости от положения членов группы в системе неформальной классификации в сферу влияния норм поведения, установленных малой

¹⁸⁵ См.: Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникация в организациях. М., 1980. С.22.

¹⁸⁶ Блохин Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах. С. 13.

группой, могут попадать и иные осужденные, не входящие в группу. Так, группа отрицательной направленности, состоящая из осужденных, полностью идентифицирующих себя с преступным миром, устанавливает нормы поведения не только для своих членов, но и для других осужденных. Группы из осужденных, отвергнутых сообществом, не принимают участия в формировании и культивировании норм для сообщества осужденных.

Следовательно, возможностью негативного влияния, распространения и навязывания норм и правил поведения, традиций и обычаев субкультуры осужденных в большей степени обладают лидеры неформальных групп осужденных отрицательной направленности поведения.

Известно, что даже в обычной жизни люди далеко не всегда занимают одинаковое с другими положение в неформальной структуре¹⁸⁷. Поэтому в самом факте неравномерности (неравноправности) того или иного осужденного, как и в любых других неформальных образованиях, нет ничего сенсационного или неожиданного. «Если в формальной группе контроль за поведением членов осуществляется через посредство зафиксированных норм и правил, а также санкций, применяемых на их основе, то в неформальной группе – с помощью неформальных норм и традиций, сущность которых зависит от уровня сплоченности групп, степени ее закрытости для членов других социальных систем. На неосознанной неформальной основе возникают правила поведения, нарушения которых часто наказываются строже, чем в любой формальной организации»¹⁸⁸.

Практика деятельности исправительных колоний показывает, что осужденные (в основном, конечно, с отрицательной направленностью поведения) используют любые средства для того, чтобы принудить лицо соблюдать установленные ими принципы и нормы поведения. В связи с чем Т. Шибутани отмечает, что «...как бы ни был скромнен его социальный статус,

¹⁸⁷ См.: Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб, 1999. С. 143.

¹⁸⁸ См.: Антипина Г.С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп. М., 1982. С. 51.

человек борется за то, чтобы поддержать свой личный статус, свою репутацию среди товарищей»¹⁸⁹.

Репутация – весьма важный критерий, который в конечном итоге и определяет статус осужденного в сложной социальной иерархии неформальной среды. Не случайно, что большинство осужденных стремится во что бы то ни стало дорожить своей репутацией, сознавая, что в кругу преступников, где особенно остро проявляются конъюнктивные чувства, они будут наиболее полно ощущать безопасность и иметь даже превосходство над другими.

Отсюда в среде осужденных с большей значимостью, чем в других социальных группах, одни пользуются большим уважением, другие, наоборот, становятся презируемыми.

В данном случае «личность пользуется большим или меньшим уважением и авторитетом, принимается или отвергается различными группами в зависимости от того, какое место занимают ее качества на шкале ценностей, принятых в данной социальной группе»¹⁹⁰.

Итак, в местах лишения свободы осужденный испытывает воздействие не только со стороны администрации учреждения, но непосредственно от среды неформальных групп осужденных. Если способы воздействия администрации ему более или менее известны, например, он в некоторой степени знает, что за невыполнение требований порядка отбывания наказания его могут наказать исходя из норм закона (ст. 115–117 УИК РФ)¹⁹¹, то меры воздействия преступной среды могут быть самыми непредсказуемыми и жестокими. В этой связи сохранение личной безопасности, собственного достоинства в понимаемом им смысле – для него очень сложная проблема.

¹⁸⁹ См.: Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д., 1999. С. 344. См. также: Парыгин Б.Д. Социальная психология: учебное пособие. СПб.: СПбГУП, 2003.

¹⁹⁰ См.: Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива: учебное пособие. М., 1978. С. 84. См. также: Перекрестова О.М. Криминальная субкультура и ее влияние на личность // Межвуз. сб. науч. трудов «Личность, речь и юридическая практика». Вып. 9. Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2006; Парыгин Б.Д. Социальная психология Истоки и перспективы. СПб.: СПбГУП, 2010;

¹⁹¹ См. об этом: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. И. Селиверстова. М.: Проспект, 2011.

Как правило, каждый человек стремится обезопасить свое существование в любой среде. Поэтому вполне закономерно помещение осужденного в исправительное учреждение, в необычную для него обстановку, что непременно потребует от него быстрой переориентации, изменения форм поведения, приспособления к ней, ибо всегда «...переход из одних групп в другие требует от личности постоянного приспособления (адаптации) к изменяющимся условиям среды»¹⁹².

Известно, что вхождение человека в систему межличностных отношений, приспособление к ним – дело нелегкое вообще, а в условиях изоляции – в особенности, поскольку эти условия имеют свою, присущую местам лишения свободы, специфичность.

Она, в частности, связана, во-первых, с принудительным помещением лица в среду преступников одного и того же с ним пола и, во-вторых, также с принудительным, но уже со стороны преступников, приобщением к образцам поведения и ценностям их среды.

Принудительное помещение осужденного в условия мест лишения свободы регулируется законом, призванным исключить всякое унижение и насилие над личностью. Вместе с тем полностью исключить противоречия между осужденными, в том числе и насильственные действия вряд ли возможно. Столкновения взглядов и интересов в условиях изоляции неизбежны. Поэтому такие «обострения противоречий между осужденными и их группами характеризуются противоборством и открытым столкновением, разрешающимся с помощью индивидуального или группового, физического или психического насилия»¹⁹³.

Подводя итог, необходимо констатировать, что возможностью негативного влияния, распространения и фактического навязывания норм и правил поведения, традиций и обычаев субкультуры сообщества осужденных

¹⁹² См.: Адаптация осужденных к среде ИТУ: учебное пособие / под ред. В.И. Селиванова. Рязань, 1981. С. 6.

¹⁹³ Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы. С. 87–88.

в большей степени обладают лидеры неформальных групп осужденных отрицательной направленности поведения, которые используют любые средства для того, чтобы принудить других осужденных соблюдать установленные или навязываемые ими принципы и нормы поведения.

ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПО БОРЬБЕ С ВЛИЯНИЕМ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

§ 1. Предупреждение и профилактика негативных функций пенитенциарной субкультуры в исправительных учреждениях

По мнению ряда ученых, нейтрализацию негативного влияния пенитенциарной субкультуры и предупреждение правонарушений, связанных с ней, необходимо рассматривать в трех направлениях – общесоциальном, специальном, индивидуальном¹⁹⁴.

Общесоциальное направление – это профилактическая деятельность, проводимая в рамках государства, специальное направление – профилактическая деятельность в отношении всех лиц, содержащихся в пенитенциарном учреждении, индивидуальное направление – профилактическая деятельность в отношении отдельного индивидуума, содержащегося в пенитенциарном учреждении¹⁹⁵. В этом параграфе нами будут рассмотрены специальное и индивидуальное направления.

Любая система только тогда будет нормально и поступательно функционировать, когда выявлены и определены недостатки в ее деятельности, и, исходя из них, научно определены направления или пути ее совершенствования.

Специальное направление как профилактическая деятельность органов, исполняющих наказания в отношении осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, условно делится на два вида.

¹⁹⁴ См., например: Денисович, В. В. Способы нейтрализации регулятивных и атрибутивных элементов криминальной субкультуры и предупреждение правонарушений в местах лишения свободы // Проблемы современного российского права: матер. междунар. научно-практ. конф. Челябинск: Полиграф-Мастер. 2007. Ч. 1; Кожевников Т.С. Криминальная субкультура в местах лишения свободы: сущность и меры профилактики // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2.

¹⁹⁵ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 183.

1. Комплекс мероприятий по повышению эффективности деятельности администрации исправительных учреждений, направленных на нейтрализацию субкультуры осужденных.

2. Комплекс мероприятий по нейтрализации атрибутивных элементов субкультуры осужденных.

В комплекс мероприятий по нейтрализации субкультуры осужденных входит также и индивидуальное направление (профилактическая деятельность в отношении отдельного осужденного, содержащегося в исправительном учреждении).

Во-первых, необходимо изменить систему оценки деятельности исправительных учреждений. В системе оценки приоритет должен быть отдан созданию условий и порядка отбывания наказания осужденными. Посредством изменения условий содержания для отдельных категорий осужденных в местах лишения свободы в рамках одного вида режима просматривается устойчивая тенденция разобщения массы осужденных, организации и осуществления в отношении них дифференцированного воспитательно-профилактического воздействия. Известно, что все стороны жизни осужденных в местах лишения свободы урегулированы нормами права и тем самым представляют собой определенный порядок, включающий в себя прием осужденных в исправительное учреждение, взаимоотношения осужденных между собой и с сотрудниками, прием пищи, приобретение ими продуктов питания, предметов первой необходимости, посылок, передач, бандеролей, переписки, предоставления свиданий, применения мер поощрения и взыскания, организацию внутреннего распорядка и т.д. Правильное решение названных вопросов имеет большое значение в деятельности пенитенциарных учреждений.

Е.А. Антонян справедливо полагает, что необходимо постепенно переходить от системы барачков, которые представляют собой исправительные колонии (наиболее распространенный вид исправительных учреждений в России) к тюрьмам с камерами, отвечающим международным гуманистическим

требованиям отбывания наказания в виде лишения свободы. Отсюда и решение многих психологических проблем¹⁹⁶.

Во-вторых, необходимо устранить недостатки в подборе кадров на службу в органах уголовно-исполнительной системы. В исправительных учреждениях в основном сейчас трудятся молодые сотрудники, не имеющие большого опыта работы с осужденными, причем в столь сложных условиях. Они первоначально не сумели оценить возможность возрождения и модификации воровских и тюремных законов, неформальных норм поведения и их негативного влияния на пенитенциарную преступность.

В этой связи следует констатировать, что продолжают иметь место факты нарушений законности и предательства интересов службы со стороны сотрудников. В 2013 году 163 сотрудника отделов безопасности вступили в неслужебные связи с осужденными. Причем, что вызывает определенную обеспокоенность, не единичны случаи, когда за попытку проноса запрещенных предметов задерживались сотрудники, недавно поступившие на службу¹⁹⁷.

Такие факты свидетельствуют о недостаточном изучении кандидатов, принимаемых на службу, ослаблении психолого-воспитательной работы с сотрудниками, отсутствии института наставничества и целенаправленных действий по профилактике правонарушений среди сотрудников исправительных учреждений.

На наш взгляд, на должности инспектора отдела безопасности, оперативного работника, начальника отряда, необходимо принимать лиц, имеющих не только профильное образование, но и способных по морально-волевым качествам работать с преступниками. В частности, способных не только объяснять осужденным необходимость правильного поведения в колонии, в обществе среди людей, но и умеющих убеждать осужденных

¹⁹⁶ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 36 – 37.

¹⁹⁷ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

в бесперспективности следованию, преклонению, культивированию традиций субкультуры сообщества.

В данном случае, необходимо повышать и профессиональный уровень таких сотрудников, прежде всего за счет формирования у них правильного представления о субкультуре осужденных и ее негативном воздействии. Многим сотрудникам пенитенциарных учреждений свойственно неправильное представление о месте такой субкультуры в деле исправления осужденных. В результате основная задача администрации исправительного учреждения – создание видимости внешнего порядка и благополучия в колонии, в связи с чем имеют место и фиктивные показатели нарушений осужденных в виде межличностных конфликтов, драк, нанесения татуировок и т.п., несмотря на то, что без нейтрализации отрицательных элементов пенитенциарной субкультуры невозможно исправить преступника, ибо условия содержания осужденных, применяемые к ним средства воздействия, а также особенности субкультуры сообщества преступников, вряд ли способны даже создать предпосылки, направленные на перестройку нравственного облика их личности. Более чем полувековая практика деятельности исправительных учреждений это подтверждает весьма наглядно. В этой связи предлагается в учебных центрах территориальных органов ФСИН внедрять преподавание таких дисциплин, как криминопенология, пенитенциарная психология, которые формировали бы у практических работников системные знания о субкультуре осужденных, а исходя из этого, отрабатывались и конкретные мероприятия по предупреждению негативного влияния пенитенциарной субкультуры на поведение осужденных в местах лишения свободы. В этом случае несложно представить, какой огромный пласт кадровой проблемы необходимо перевернуть и преодолеть на пути к правопорядку.

Невозможно не согласиться с мнением Е.А. Антонян в том, что уже сегодня надо вести речь о подготовке нового поколения сотрудников исправительных учреждений, которые будут иметь психоаналитическую подготовку и другие навыки для работы с осужденными в условиях изоляции.

Также, по ее мнению, большие опасения сегодня вызывает рост числа должностных преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений¹⁹⁸.

Проведенным исследованием были установлены случаи, когда в учреждениях уголовно-исполнительной системы проходили службу сотрудники, в отношении которых ранее возбуждались уголовные дела, а также, когда действующий сотрудник был осужден условно, но продолжал проходить службу в исправительном учреждении.

Предупреждение правонарушений, связанных с проявлением субкультуры осужденных. Работа по нейтрализации лидеров и активных членов группировок осужденных отрицательной направленности поведения как основных хранителей пенитенциарной субкультуры в исправительных учреждениях проводится по-разному. Необходимо отметить, что работа по нейтрализации негативного влияния лидеров преступной среды требует комплексного использования сил и средств, новых форм борьбы с противоправными проявлениями со стороны осужденных этой категории.

На наш взгляд, одним из основных условий нейтрализации противоправной деятельности уголовных «авторитетов» является их изоляция от основной массы осужденных и, как следствие, лишение возможности влиять на осужденных, паразитировать в колонии за счет других.

Как показывает исследование, на практике имеют место факты иного отношения к лидерам, «авторитетам» со стороны администрации. Нередко администрация разрешает им не только определять спальные места, например, в углу, на нижнем спальном месте (если двухъярусная кровать), но и занимать отдельные спальные помещения, подбирать себе «приближенных» по интересам. Взамен такой «услуги» эти лица приобретают теле- и радиоприемники, делают ремонт помещений и т.п., даже дают администрации своеобразные обещания поддерживать порядок в помещениях и соблюдать

¹⁹⁸ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 37.

требования режима. Однако проводимые выборочные внезапные проверки, обыски показывают наличие у таких осужденных запрещенных к использованию в колонии предметов, продуктов питания, одежды неустановленного образца, средств мобильной связи, спиртных напитков и даже наркотических средств и психотропных веществ. Кстати, практика также показывает, что меры воздействия к таким осужденным, как правило, весьма мягкие. Изложенное указывает на то, что одним из направлений борьбы с субкультурой осужденных является требование единого подхода ко всем осужденным.

Также, по нашему мнению, эффективными мерами, снижающими авторитет лидера преступной среды, являются создание неблагоприятного мнения о деятельности «авторитета» среди окружения, а также условий для отступления данного лица от принятых в преступной среде неформальных правил поведения.

Вместе с тем необходимо активизировать работу и по дальнейшей дифференциации с целью последующего раздельного содержания осужденных, соблюдая при этом своеобразный принцип – данная мера должна обязательно снижать уровень общения и связей между различными категориями осужденных. В данном случае прав П.Г. Пономарев, отмечая, что микросоциальные условия могут выступать объективной детерминантой поведения преступника в период отбывания наказания и либо «очеловечивать» личность, создавая прочную основу для применения различных средств воздействия, либо, напротив, вызывать озлобление и вести к деградации личности, создавая почву для внутреннего напряжения и противодействия режимным и иным законным требованиям персонала учреждений¹⁹⁹.

В этой связи, начиная с первых дней пребывания в исправительном учреждении, а именно с карантинного помещения, необходимо выявлять и

¹⁹⁹ См.: Пономарев П.Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. Рязань, 1994. С. 15. См. также: Булгаков О.В. Влияние микросоциальной среды и преступной субкультуры осужденных на достижение целей наказания // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 5.

изолировать лидеров преступной среды или лиц, склонных доминировать в среде осужденных, от основной массы осужденных путем перевода их в единые помещения камерного типа. Такие меры будут существенным средством стабилизации обстановки в колонии, а главное – обособлением, локализацией лиц, пытающихся противодействовать законным требованиям администрации и доминировать в среде осужденных.

Установление генезиса противоречий связано с выявлением мотивов, причин и условий, способствующих возникновению конфликтов и групповых эксцессов в среде осужденных, что тем самым позволяет с позиций психологии и управления правильно проводить организационные, экономические, социально-психологические и другие профилактические и предупредительные мероприятия.

Исходя из всего многообразия причин конфликтов и групповых эксцессов, на наш взгляд, можно выделить несколько основных из них.

1. Недостатки администрации в организации исполнения наказания.

2. Неправильное, с позиции управления, комплектование отрядов и бригад осужденных, их размещение в жилой зоне, на производстве и в других местах, ошибки подбора актива осужденных, наделение их некоторыми контролирующими полномочиями, а с другой стороны – попустительство в случаях их неправомерного поведения.

3. Наличие в пенитенциарных учреждениях негативных социально-психологических явлений, в виде неизбежной стратификации среды осужденных, появление в ней традиций и обычаев, подозрительность и недоверие друг к другу, осторожность в общении между собой, формирование в среде различных групп и группировок осужденных, особенно с отрицательной направленностью поведения. Как правило, такой процесс связан с притеснением и унижением других, более слабых осужденных.

4. Особенности условий отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях: психологическое и физическое пребывание в среде преступников при ограниченности контактов с внешним миром,

информационная истощенность, «публичность» поведения, ограниченность межличностного общения по интересам. Это вызывает отрицательное эмоциональное состояние, приводящее к истощению нервной системы. Также следует отметить ограниченные возможности удовлетворения материальных и физиологических потребностей, а для отдельных осужденных – удовлетворение квазипотребностей, включая, пользование запрещенными предметами, ценность которых в условиях изоляции очень значима.

5. Индивидуально-психологические особенности личности. У значительного количества лиц, принудительно содержащихся в условиях изоляции, проявляется завышенная самооценка собственной личности, что приводит к конфликтам с другими осужденными, стремлению отстаивать свои интересы, взгляды, убеждения.

Профилактика конфликтов и групповых эксцессов во многом зависит от знания сотрудниками социально-психологических процессов, происходящих в среде осужденных (особенности взаимоотношений между собой, стратификации среды, появления различных групп); постоянного анализа и устранения недостатков в воздействии на осужденных; отработки действий сотрудников ИУ на случаи возникновения конфликтов и групповых эксцессов²⁰⁰.

К числу отрицательных социально-психологических тенденций в колонии среди осужденных относится их стремление к консолидации. Сегодня в колониях, как общего, так и строгого режимов содержатся осужденные с различной, но в основном весьма высокой степенью общественной опасности, что объективно уже предполагает консолидацию преступников, обмен между ними преступным опытом, стремление доминировать над другими, и как следствие происходит подчинение последних как личным, так и групповым интересам узкого круга лиц. В таких условиях конфликтность в среде осужденных – явление отчасти вполне закономерное и даже неизбежное.

²⁰⁰ Об этом более подробно см.: Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

Особенности уровня групповой и межгрупповой консолидации в ИУ могут ослабляться или усиливаться, и поэтому они требуют особого внимания сотрудников.

Так, практика показывает, что значительная концентрация осуждённых неизбежно обуславливает стратификацию сообщества на группы, группировки, другие формы неформальных образований. Как следствие происходит борьба за лидерство, за авторитет и влияние в их среде. Этот процесс нередко сопровождается насилием над отдельными осуждёнными, всевозможными так называемыми «разборками», совершением преступлений.

Видимо, с учётом этих и других негативных проявлений в законодательстве закреплена норма, предусматривающая право осуждённых на личную безопасность (ст. 13 УИК РФ)²⁰¹. Необходимость наличия в законодательстве такой нормы обусловлена личной незащищённостью осуждённых со стороны агрессивно ведущих себя лиц, стремлением отдельных групп осуждённых установить безраздельную власть над другими, распространённостью в ИТУ таких преступлений, как убийство, причинение телесных повреждений, хулиганство, гомосексуальных насилий²⁰². Известно, что уровень преступности в местах лишения свободы²⁰³ в настоящее время продолжает оставаться высоким, хотя по отдельным видам и наметилась некоторая тенденция к снижению.

При решении проблемы частного предупреждения мы должны исходить, прежде всего, из того, насколько предупредительные возможности мест лишения свободы способны оградить граждан, в том числе и самих осуждённых, персонал колоний от возможных посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство. Мы согласны с мнением М.А. Громова и В.И. Селиверстова, которые определяют безопасность в ИК как состояние

²⁰¹ См. об этом: Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Контракт, 2011.

²⁰² Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу Российской Федерации. М., 1994. С.17. См. также: Наташев А.Е. Советское исправительно-трудовое законодательство (основы теории и практики). М.: ВНИИ МВД СССР, 1975.

²⁰³ См. об этом: Громов В.Г. Пенитенциарная преступность // Современное право. 2007. № 9.

защищенности персонала, осужденных, иных граждан, причастных к деятельности ИК, достигаемое в целях обеспечения неприкосновенности их жизни и здоровья, нормального труда и отдыха, а также нормального функционирования ИК в целом²⁰⁴.

В данном случае не приходится вести речь о предупреждении отдельных преступлений, в основном небольшой и средней степени тяжести, совершение которых в местах лишения свободы, как показывает практика, является почти обыденным делом: например, оскорбления, хулиганства, умышленные причинения лёгкого вреда здоровью, побои, вымогательства и т.д. Во-первых, названные виды преступлений, по мнению практиков, не представляют большой общественной опасности, во-вторых, они носят весьма распространённый характер. Видимо поэтому, (хотя, бесспорно имеются и другие основания у практиков) их предупреждению особое внимание не уделяется, поскольку названные преступления во многом отражают состояние субкультуры осуждённых, их установки, а также взаимоотношения преступников друг с другом²⁰⁵.

Именно поэтому, на наш взгляд, основным условием в решении задачи частного предупреждения в местах лишения свободы должно быть разделение массы осуждённых на категории, исходя, прежде всего, из их поведения и степени общественной опасности. Только посредством такой работы можно с большей эффективностью исключить проявление в их среде консолидации и, как следствие, борьбу за лидерство и стратификацию. Помимо этого, нужны и другие организационные, технические и иные предупредительные мероприятия. Конечно, это сложная работа. Однако, так или иначе, но необходимо отметить, что практически полностью в условиях изоляции

²⁰⁴ См.: Громов М.А., Селиверстов В.И. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности работников ИТУ. Рязань, 1991. С. 7.

²⁰⁵ Также по этой проблеме писали другие авторы. См.: Урусов А.А. Влияние тюремной субкультуры на пенитенциарную преступность // Матер. научно-практ. конф. «Международные юридические чтения». Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та. 2007. Ч. 4; Талакин К.В. Противодействие преступности в местах лишения свободы и криминальная субкультура // Сб. науч. тр. «Юбилейные чтения, посвященные 120-летию со дня рождения А. С. Макаренко». Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-та ФСИН России, 2008;

частная превенция возлагается на органы и учреждения уголовно-исполнительной системы. В этой связи, не создав необходимых для выполнения поставленной цели условий, решать эту проблему в настоящем крайне сложно. Конечно, нужно отдельные вопросы частного предупреждения решать на законодательном уровне. Например, установить более строгие условия содержания для наиболее опасных категорий преступников, например, злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, осуждённых, проявляющих агрессивность, имеющих садистские наклонности и т.д. Правда, практика показывает, что посредством таких мер можно только сократить численность некоторых преступных проявлений, а не исключить их полностью.

Для решения этой проблемы необходима продуманная, цивилизованная система размещения и расположения осужденных в помещениях. Несомненно, в них должно размещаться значительно меньшее количество осужденных. Конечно, сегодня эту проблему в силу отсутствия экономических возможностей решать крайне сложно. Однако, так или иначе, даже постепенное снижение количества общающихся между собой лиц даст возможность создать необходимые условия для отдыха, в том числе и сна, и как следствие снизить конфликты в среде осужденных, ослабить их желание объединяться в группы отрицательной направленности, да и вообще будет препятствовать консолидации преступников особенно по антиобщественным интересам. Более того, у администрации колонии в таких условиях будет больше возможностей не только контролировать поведение осуждённых, но и выявлять их отрицательные намерения.

В конечном итоге появится больше возможностей решать проблемы частной превенции как цели наказания²⁰⁶. Поэтому, рассуждая о предупреждении правонарушений со стороны осуждённых, одним из

²⁰⁶ Об этом также см.: Южанин В.Е. Реализация наказания в виде лишения свободы: монография. Рязань, Ин-т права и экономики МВД России, 1995; Громов В.Г. Цели и принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Юристъ-правоведь. Научно-теоретический и информационно-методический журнал. 2001. № 2.

перспективных направлений в профилактике правонарушений в местах лишения свободы мы считаем уменьшение их численности в отряде, и, соответственно, улучшение условий их содержания, прежде всего исходя из численности осужденных.

При размещении осужденных необходимо учитывать и их психологическую совместимость. В частности, практика давно указывает на то, что осужденных, страдающих различными недугами, престарелых, имеющих инвалидность, необходимо размещать отдельно от других категорий, особенно лиц молодежного возраста с отрицательной направленностью поведения. Такое размещение не только будет исключать отрицательное влияние со стороны этой части осужденных, но и создаст для них наиболее удобные возможности и условия проведения досуга и отдыха, а также установления неформальных отношений с окружающими, исходя из личностных интересов и возможных симпатий.

В таких условиях вполне очевидно напрашивается основной выход – разобщение среды осужденных, сведение к минимуму возможности их общения между собой и поддержания ими устойчивых связей друг с другом.

В качестве негативных факторов, способствующих росту совершения в исправительных учреждениях насильственных преступлений, следует выделить недостатки и упущения в работе администрации ИУ.

К ним относятся: 1) искусственное сокрытие фактов насильственных преступлений от учета или представление их в виде нарушений требований режима, что неизбежно, в результате, порождает реакцию ответных агрессивных проявлений негативно настроенной части осужденных; 2) недостаточный профессионализм сотрудников колонии в разрешении групповых конфликтов, возникающих среди осужденных; 3) неумение или в ряде случаев нежелание защищать отдельных осужденных, например, «отвергнутых», что способствует созданию атмосферы незащищенности таких

лиц, боязни, опасения основной массы осужденных быть в их положении²⁰⁷; 4) стремление добиться соблюдения установленного в колонии порядка отбывания наказания посредством компромисса, поощрения неправильных действий одних осужденных в отношении других.

Изучение мотивов совершения мужеложства показывает, что это преступление совершается осужденными в значительной мере не только в связи с потребностью в сексуальном удовлетворении, которое в закрытых учреждениях, где содержатся лица одного пола, проявляется весьма часто, но и отражает субкультуру осужденных. Мужеложство в активной форме, скорее всего, следует рассматривать также и как своеобразный акт, способ, с помощью которого наиболее морально запущенные и доминирующие в преступной среде лица стремятся повысить свой неформальный статус, расширить авторитет в своей среде. С другой стороны, такая форма мужеложства – это своеобразный способ расправы, месть в отношении неугодных им лиц.

В целях недопущения принудительной деперсонализации, учитывая роль сексуальных мотивов при совершении некоторых преступлений в ИУ, следует систематически проводить не только разъяснительную работу по половому воспитанию осужденных, а лиц, склонных к таким действиям, ставить на профилактический учет, но и преследовать склонных к таким актам в административном и уголовном порядке.

Необходимо также отметить, что профилактика совершения правонарушений в пенитенциарных учреждениях, с одной стороны, ведется, не всегда целенаправленно, с другой – не удается добиться оптимального сочетания мероприятий общей и индивидуальной профилактики нарушений режима, а также необходимой индивидуально-профилактической работы с лицами, склонными к совершению преступлений. Препятствует повышению уровня борьбы с правонарушениями в местах лишения свободы также и

²⁰⁷ См.: Уваров И.А. Преступления, совершаемые с особой жестокостью в исправительных учреждениях (правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997. С. 17.

несвоевременная постановка на оперативный либо профилактический учет лиц, склонных к нарушениям режима и совершению преступлений.

В результате просчетов в организации профилактической работы с лицами, состоящими на различных видах профилактического учета, количество преступлений, совершенных данной категорией осужденных, возросло в 2012 году на 23,4 % (с 47 до 58)²⁰⁸, в 2013 году на 29,3 % (с 58 до 75), с 8 до 12 увеличилось количество побегов²⁰⁹. В 2015 году также отмечен рост преступлений по сравнению с показателями 2014 года на 66,7 % (с 90 до 150)²¹⁰.

Для предупреждения совершения правонарушений очень важно усилить надзор за осужденными в ночное время, установить контроль над наиболее уязвимыми местами, где могут совершаться правонарушения: туалеты, бытовые комнаты, подвалы, чердаки и т.п. В связи с тем, что определенное число правонарушений совершается осужденными во время их содержания в карантинном помещении: устанавливаются связи, производится передача информации осужденным в отряды, – следует в каждой колонии критически подойти к организации содержания в этих местах осужденных, больше внимания уделять изучению их личности, предусмотреть меры по усилению контроля над ними.

Конечно, полностью исключить проблему сексуальной напряженности в условиях изолированного содержания однополых осужденных не представляется возможным. Однако проводить в этом направлении определенную работу необходимо. На наш взгляд, осужденным, имеющим семьи, необходимо предоставлять свидания как можно чаще, например, не менее двух-трех раз в месяц, поскольку известно, что сам брак в значительной мере выступает как средство для достижения объекта сексуального влечения. Для осужденных это не только возможность

²⁰⁸ О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году.

²⁰⁹ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году.

²¹⁰ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2015 году.

удовлетворять свои сексуальные потребности, но и сохранить семейные взаимоотношения, что немаловажно для достижения целей наказания.

Что касается остальных категорий осужденных, то, видимо, социологам, психологам и сексопатологам нужно вести с ними серьезную работу, особенно с теми, кто склонен к различным половым извращениям. Ведь освобождаясь из колоний, они несут свои извращенные установки в здоровую среду, особенно большое влияние при этом будет направлено на несовершеннолетних как на самую уязвимую в этом плане категорию, нередко заражая их при этом различными венерическими заболеваниями. На наш взгляд, необходимо совершенствование мер уголовно-правового характера, которые должны быть направлены, прежде всего, на борьбу с удовлетворением осужденными половых потребностей, связанным с насилием над личностью в исправительных колониях.

Профилактическая деятельность исправительных учреждений по нейтрализации атрибутивных элементов пенитенциарной субкультуры и правонарушений, связанных с ними. Нанесение татуировок, как указывалось ранее, представляет собой отрицательное явление, поскольку их содержание, как правило, аморально и безнравственно. Нанося татуировки, осужденный, как бы стремится противопоставить себя законопослушному обществу, попирает его духовные ценности, пытается таким способом показать свою индивидуальность и даже исключительность. Более того, согласно канонам основных мировых религий, нанесение татуировок рассматривается как грех. Татуировка на уголовную тематику является своеобразным ярлыком, меткой принадлежности к криминальному миру, отделенному ей как невидимой стеной от законопослушного общества.

В этой связи нанесение татуировок – своеобразное противопоставление требованиям общества на исправление. Поэтому запрет на нанесение татуировок в учреждениях уголовно-исполнительной системы оправдан с различных точек зрения: легализация этого явления в местах лишения свободы опасна, во-первых, с медицинской точки зрения (из-за возможности

заражения СПИДом, другими опасными для здоровья заболеваниями, особенно при нанесении татуировок кустарным способом), а во-вторых, – и это, пожалуй, главное – означала бы молчаливое одобрение пенитенциарной субкультуры. Более того, необходимо учитывать, что татуировки обладают определенным антисоциальным содержанием, и, как правило, для большинства осужденных символизируют стратификацию, т. е. принадлежность к той или иной группе. Изложенное указывает на необходимость более активной работы администрации пенитенциарных учреждений, направленной на борьбу с этим негативным явлением.

В частности, предлагается обязать оперативных и режимных работников, сотрудников отделов специального учета, а также медицинский персонал при осмотре осужденных, прибывших в исправительное учреждение, не только выявлять, но и более точно описывать татуировки с целью занесения полученных данных в личные дела, медицинские карточки и, по возможности, установления их содержания.

В дальнейшем в процессе отбывания наказания осужденных, склонных к нанесению татуировок, периодически подвергать освидетельствованию на предмет нанесения новых татуировок. Также при освобождении, переводе осужденного в другое учреждение проводить детальное освидетельствование и описание татуировок. Вместе с тем необходимо рассматривать нанесение осужденным татуировок как злостное нарушение требований режима.

Такие меры в дальнейшем могут быть использованы при разработке и профилактике более опасных правонарушений. При этом необходимо уделять особое внимание этой работе при проведении обыскных мероприятий, поиске и изъятии предметов, с помощью которых выполняются татуировки, ставить на профилактический учет лиц, способных наносить татуировки.

Как показывает практика, отсутствие знаний у большинства сотрудников о содержании татуировки обуславливает и соответствующее отношение к ним со стороны осужденных. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо проводить с лицами, проходящими службу в подразделениях уголовно-исполнительной

системы, занятия по таким элементам пенитенциарной и криминальной субкультуры.

Подобные мероприятия, по нашему мнению, необходимо проводить и в отношении такого атрибутивного элемента пенитенциарной субкультуры, как кличка. Хотя, безусловно, клички обладают меньшим негативным последствием, чем татуировки. Но в условиях изоляции, тем более там, где содержатся однополое лица, клички, несут в ряде случаев определенный субкультурный смысл, нередко унижающий человеческое достоинство, например, в виде женских имен в отношении пассивных гомосексуалистов. В целях искоренения присвоения кличек необходимо:

- 1) проводить правовое, трудовое, физическое и нравственное воспитание осуждённых; где особое место должно отводиться получению осужденными трудовой специальности или повышению трудовой квалификации;
- 2) эстетическое, культурное и религиозное воспитание осуждённых;
- 3) режимное, психолого-педагогическое и медицинское воздействие в отношении отдельных осуждённых;
- 4) формировать у осужденных друг к другу толерантное, терпимое отношение.

§ 2. Профилактическая деятельность структур гражданского общества по нейтрализации влияния элементов пенитенциарной субкультуры

Как было отмечено, общесоциальное направление профилактики – это целенаправленная деятельность определенных структур, проводимая в рамках государства. Исходя из этого, существенное место в нейтрализации негативного влияния пенитенциарной субкультуры решающая роль принадлежит государству, так как у него не только имеются средства воздействия на те или иные негативные явления, но и вырабатывается политика такой деятельности, адресованная многим институтам общества. Поэтому все усилия государства в этом направлении будут тщетными и безуспешными, если они не будут опираться на поддержку различных институтов гражданского общества.

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ)²¹¹. Политика государства оказывает существенное влияние на формирование и развитие общественных отношений, правовой системы, различных отраслей законодательства, правовых норм, человеческого сознания²¹².

С.И. Ожегов характеризует политику как деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемую их интересами и целями²¹³.

Известно, что большое место в социальной политике занимает политика в сфере борьбы с преступностью. И.В. Шмаров полагает, что политика в сфере

²¹¹ См. об этом: Борисов А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). С комментариями Конституционного суда РФ. М.: Книжный мир, 2009.

²¹² См.: Громов В.Г. Уголовно-исполнительная политика // Современное право. 2006. № 5. С. 25.

²¹³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: 1986. С. 448.

борьбы с преступностью направляет деятельность государства, органов представительной власти и управления по профилактике преступлений и иных правонарушений, предупреждению их совершения, своевременному пересечению, реализации ответственности лиц, совершивших преступления, исполнению наказания в отношении осужденных и достижению его целей²¹⁴.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением И.В. Шмарова и В.И. Селиверстова в том, что политику в сфере борьбы с преступностью можно условно разделить на политику в сфере предупреждения преступности, уголовную и уголовно-исполнительную²¹⁵.

Как справедливо замечает В.И. Селиверстов, уголовно-исполнительная политика определяет цели и задачи, принципы и основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения наказания, исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений. Цели и принципы политики в сфере исполнения наказания реализуются в соответствующей отрасли права – уголовно-исполнительного права²¹⁶.

Безусловно, приоритет в этом деле, исходя из международных документов, конституционных принципов, уровня развития общества, принадлежит совершенствованию законодательной базы. Известно, что именно

²¹⁴ См.: Уголовно-исполнительное право / под ред. И.В. Шмарова. М., 1998. С. 4. См. также: Уголовно-исполнительное право: учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева, Н.Г. Иванова. М.: ЮНИТИ, 2010; Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина; ООО «Издательство–Элит», 2012.

²¹⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2001. С. 12-14. См. также об этом: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Академия права и управления Минюста РФ, 2005; Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник / Л.К. Айвар, Ф.С. Бражник, М.Г. Детков и др.; под ред. И.Л. Трунова. М.: Эксмо, 2005; Уголовно-исполнительное право России: учебник / А.П. Алешина, В.М. Анисимков, Н.В. Желоков и др.; под ред. П.Е. Конегера, М.С. Рыбака. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010.

²¹⁶ См.: Уголовно-исполнительное право / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2007. С. 5. См. также: Уголовно-исполнительное право России. Общая и особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: Юрайт, 2012; Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

закон отражает политику государства, в том числе и при обращении с преступниками в условиях изоляции.

В концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года²¹⁷, в уголовно-исполнительном законодательстве и практической деятельности приоритет отдается исправлению осужденных²¹⁸.

Поэтому, на наш взгляд, повышение эффективности деятельности исправительных учреждений по искоренению пенитенциарной субкультуры необходимо начинать с устранения расплывчатости ряда норм уголовно-исполнительного законодательства. В частности, необходимо переосмыслить и более реально подойти к определению понятия «исправление осужденных».

Одной из целей уголовного наказания является исправление осужденного (ст. 43 УК РФ). Цель – категория не уголовно-правовая, а философская. В философии под целью понимается предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. Цель исправления осужденного раскрывается в ст. 9 УИК РФ: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения»²¹⁹. В данном случае нетрудно заметить разницу между этим определением и определением понятия исправления, которое дается учеными. К сожалению, закон, давая столь сложное определение исправления, видимо, заранее обрекает его на формализованную декларативность.

²¹⁷ См.: Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (с изм. и доп. от 31 мая 2012 г., № 874-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544; 2012. № 21. Ст. 3213.

²¹⁸ См.: Крымов, А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 4.

²¹⁹ См.: Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под. ред. Ю.И. Калинина. М.: Илекса, 2007. С. 33.

В теории уголовного права выделяются два значения исправления²²⁰. Во-первых, оно рассматривается как специфический воспитательный процесс, протекающий в условиях исполнения наказания и применения мер исправительного воздействия; во-вторых, как результат определенного воздействия на лицо, совершившее преступление. Выделяются два вида исправления: моральное и юридическое. Под моральным исправлением понимается такое воздействие на осужденного, в результате которого он не совершает нового преступления не из страха перед законом, а потому что это противоречит его взглядам и убеждениям; под юридическим – несовершение осужденным нового преступления независимо от мотивов²²¹.

А. А. Палий под исправлением понимает формирование у осужденного такого правосознания и привычного поведения, которые сдерживают его от новых преступлений²²².

Д.А. Корецкий и В.В. Тулегенов под исправлением понимают комплекс мер, направленных на формирование законопослушного поведения, способных помочь реинтеграции в общество²²³.

Е.А. Антонян считает, что под исправлением осужденных необходимо понимать не только формирование у них поведения, соответствующего конституционным нормам, нормам морали и нравственности, поскольку те же

²²⁰ См. об этом: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996; Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I / под ред. А.И. Коробеева. Преступление и наказание. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008; Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А. В. Наумова. М.: Илекса, 2007.

²²¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2013. С. 174. По этой проблеме также писали другие авторы. См.: Бытко С.Ю. К вопросу об исправлении осужденных и возможностях его достижения // Профессиональные ресурсы социальной сферы: сб. науч. тр. Ч. II. Саратов, 2010; Исправление осужденных: монография / под науч. ред. Ю.М. Антоняна, А.В. Быкова. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014.

²²² См.: Палий А.А. Сущность и цели наказания в Российском уголовном праве и средства их достижения: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 10.

²²³ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 186.

конституционные нормы включают в себя не только уголовные, но и трудовые, семейные и др²²⁴.

Нам думается, что в границах общественной необходимости цель исправления будет вполне разумной и реальной, если органы уголовно-исполнительной системы будут ориентированы государством на то, чтобы лицо, отбывшее уголовное наказание, перестало быть общественно опасным и соблюдало основной закон страны – Конституцию Российской Федерации, а исходя из него, не нарушало бы охраняемые уголовным законом и другими законами отношения людей в обществе. Что необходимо, на наш взгляд, отразить в ст. 43 УК РФ (цели наказания).

*Итак, под **исправлением** мы понимаем совокупность мер направленных на изменение к лучшему отдельных привычек, навыков, взглядов осужденного, ориентирующих его выполнять принятые в обществе юридические обязанности и в соответствии с законом пользоваться предоставленными ему правами.*

Поэтому, когда речь идет о субкультуре осужденных, где также имеют место негативные привычки, взгляды осужденных, то вполне логично необходимо проводить соответствующую работу по их развенчанию, искоренению. Такая работа должна проводиться не только в рамках групповых занятий, но и практических бесед на индивидуальном уровне.

Элементы криминальной субкультуры, к сожалению, сегодня охватывают широкий спектр жизни общества – от «шансона», нередко культивирующего криминальный образ жизни, до проникновения во властные структуры лидеров преступной среды, которым зачастую стремятся подражать отдельные подростки. Общесоциальная профилактика заключается в устранении причин и условий навязывания гражданскому обществу элементов пенитенциарной субкультуры.

²²⁴ См.: Антонян Е.А. Режим в исправительных учреждениях и его роль в процессе исправления осужденных // Lex Russica. №1, 2011. С. 106.

Мы считаем, что в качестве основных общесоциальных мер по предупреждению распространения элементов такой субкультуры в обществе целесообразно выделять, по меньшей мере, пять комплексов мероприятий, проводимых на государственном уровне.

Первый – мероприятия, связанные с проведением в стране социально-экономических реформ, направленных на повышение уровня жизни населения, улучшение социальной защищенности граждан, что должно привести к устранению беспризорности, снижению уровня наркомании, токсикомании, проституции, уменьшение безработицы и других негативных явлений.

Второй комплекс мероприятий должен быть связан с формированием новой ментальности в обществе. В данном направлении приоритетная роль должна отводиться работникам культуры, науки, служителям церкви, которые, на основе традиционных ценностей, смогут создать принципиально новую ментальность, которая будет отвечать духу времени.

Третий комплекс мероприятий направлен на борьбу с пропагандой криминальной и пенитенциарной субкультуры в средствах массовой информации. Следует изменить общее направление работы современной социальной рекламы в России, а также той рекламы, которая направлена на профессиональное ориентирование не только взрослого населения, но в большинстве своем молодежи.

Современное бессодержательное так называемое «искусство» способствует более активной деградации личности. Некоторые сериалы, такие, например, как «Зона», «Бригада», «NEXT» с государственных телеканалов и других вещательных компаний стремятся внушать телезрителям уродливую для общества философию, где культивируют воровскую идеологию, декларируют некую справедливость «воровских» норм и обычаев, убеждая общество в том, что преступный мир по-своему справедлив, в том числе и по отношению ко многим гражданам, как бы указывая на то, что криминальное сообщество несет в себе положительные идеи и ценности.

Находясь под воздействием таких «образцов искусства», наиболее неустойчивые личности неизбежно впитывают в себя эту субкультуру, стремятся в ряде случаев подражать героям-преступникам. Невольно происходит деформация сознания, в результате чего у таких лиц формируется криминогенная мотивация, у человека возникает психологическая готовность совершить преступление.

Четвертый комплекс мероприятий должен быть направлен на разработку правовых основ нейтрализации криминальной субкультуры, исключающих возможность проникновения лидеров и авторитетов преступной среды в политику, экономику, культуру и т.д. В данном случае Федеральный закон «О противодействии коррупции» должен усилить требования, предъявляемые к лицам, претендующим на замещение вакантных должностей в органах власти и муниципального управления на предмет их связей с лицами с криминальным прошлым.

Пятый комплекс мероприятий направлен на борьбу с распространением криминальной идеологии в обществе и предполагает принятие широкого спектра общесоциальных мер, среди которых, на наш взгляд, необходимо выделить:

- а) снижение уровня преступности;
- б) преодоление поляризации населения по уровню доходов;
- в) развитие экономики;
- г) противодействие коррупции;
- д) повышение эффективности работы государственных органов;
- е) совершенствование уголовно-исполнительной системы.

Перечисленные выше, а также многие другие общесоциальные меры, безусловно, тесно связаны между собой и призваны противостоять явлениям, создающим предпосылки существования и негативного влияния криминальной идеологии в обществе. Высокий уровень преступности в стране, огромные масштабы коррупции и низкая эффективность работы государственных органов – главные факторы недоверия у многих граждан к правоохранительным

органам. Криминальная идеология выступает как средство морального оправдания различного рода преступлений и вместе с тем как своеобразная основа разложения государства и общества.

Анализ практики показывает, что все больше людей нарушают закон систематически, и, как следствие, у них возникает необходимость в нравственном обосновании своей противоправной деятельности. Расслоение людей в обществе по уровню доходов составляет благоприятную почву для возникновения противоречий в различных слоях населения. В этой связи в обществе проявляются элементы различных антиобщественных субкультур, включая криминальные и пенитенциарные.

На наш взгляд, необходимо во всех средствах массовой информации независимо от того, кто является их собственниками, установить более жесткий контроль за демонстрацией фильмов, отражающих насилие, жестокость, традиции и обычаи преступной среды, уголовной романтики и т.п.

Наряду с общесоциальными мерами, направленными на нейтрализацию пенитенциарной субкультуры и ее идеологии, необходимы также общепрофилактические меры психологического характера, направленные на устранение непосредственных причин и условий распространения этих негативных явлений. Приоритетное значение для противостояния криминальной идеологии должны иметь именно профилактические меры, поскольку, как показывает историческая практика, прямая борьба с какой-либо идеологией стимулирует повышение интереса к ней, в связи с чем, эффективность специальных мер находится под вопросом. Что же касается превентивных мер, то они хотя и действуют опосредованно, но обладают несомненной эффективностью.

В качестве основных психолого-профилактических мер предупреждения влияния криминальной идеологии в обществе можно назвать следующие:

— совершенствование и пропаганда в российском обществе антикриминальной идеологии — идеологии неукоснительного соблюдения законности и правопорядка в стране;

- повышение уровня правовой культуры населения;
- увеличение числа государственных программ, направленных на сохранение культурного потенциала и наследия страны.

Что же касается противодействия экспансии пенитенциарной субкультуры, то можно с уверенностью сказать, что основными эффективными способами по борьбе с субкультурой осужденных является искоренение различных форм организованной преступности и дальнейшее реформирование уголовно-исполнительной системы, которое должно включать в себя не только создание для осужденных более гуманных, цивилизованных условий отбывания наказания, но и систему социально востребованного исправления осужденных.

Такая гуманизация имеет прямое отношение к решению проблемы рецидивной преступности, поскольку традиционная для российского прошлого эскалация уголовной репрессии лишь закрепляет известные криминальные навыки лиц, нарушивших уголовный закон, изолирует их от общественного прогресса, лишает возможности социальной адаптации²²⁵.

Уголовно-исполнительная система России в настоящее время не отвечает требованиям общества. В частности, наличие пенитенциарной субкультуры в учреждениях уже указывает на большие просчеты в их деятельности, не касаясь значительного числа правонарушений, совершаемых осужденными.

Анализ практики показывает, что некоторые осужденные продолжают иметь доступ к различным предметам, запрещенным к обращению среди осужденных, например, к средствам мобильной связи, наркотикам, спиртным напиткам, колюще-режущим предметам, наличие которых в исправительных учреждениях способствует не только дестабилизации оперативной обстановки, совершению со стороны спецконтингента злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания и преступлений, но и оказывает влияние

²²⁵ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 5.

на многие процессы за пределами исправительных учреждений, о чем свидетельствуют даже средства массовой информации.

По сведениям МВД России, анализ раскрытых преступлений и имеющейся оперативной информации показывает, что число осужденных, совершающих мошенничество, неукоснительно растет. Если в 2011 году установлено 196 осужденных, совершивших мошенничество при помощи средств мобильной связи, и выявлено 766 эпизодов преступной деятельности, то за 2012 год установлено 245 осужденных и выявлено более 1 000 эпизодов²²⁶.

В заключение сделаем следующие выводы: осуществляемая в рамках государства деятельность по нейтрализации негативного влияния пенитенциарной субкультуры заключается в устранении причин и условий, обуславливающих ее существование и включает в себя комплексные мероприятия, направленные на проведение социально-экономических реформ в стране, формирование новой ментальности в обществе, борьбу с культивированием криминальной субкультуры в средствах массовой информации, разработку правовых основ нейтрализации пенитенциарной субкультуры, борьбу с распространением элементов криминальной идеологии в обществе.

Специальное направление по нейтрализации негативного влияния пенитенциарной субкультуры включает в себя мероприятия, позволяющие повысить эффективность работы персонала пенитенциарных учреждений в плане нейтрализации такой субкультуры. К ним следует отнести:

1) устранение расплывчатости отдельных норм уголовно-исполнительного законодательства, поскольку известно, что именно закон отражает политику государства, в том числе и при обращении с преступниками в условиях изоляции. Однако среда осужденных неоднородна, отсюда и меры воздействия в законе должны быть различными, включая и изменение условий

²²⁶ О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году.

содержания в сторону ужесточения, особенно к лидерам групп, носителям «воровских» традиций, обычаев;

2) изменение системы оценки деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Приоритетным направлением должно быть создание условий и порядка отбывания наказания осужденными с учетом их разделения на категории по признаку (критерию) их отношения к отбыванию наказания;

3) устранение недостатков в подборе кадров на службу в органах уголовно-исполнительной системы;

4) повышение профессионального уровня сотрудников УИС за счет формирования у них правильного представления о пенитенциарной субкультуре и ее негативном влиянии, в связи с чем, предлагается программы обучения в учебных центрах территориальных органов ФСИН дополнить такими дисциплинами, как криминопенология, пенитенциарная психология, спецкурсом о роли, влиянии и способах борьбы с проявлением пенитенциарной субкультуры в исправительных учреждениях.

Нейтрализация лидеров и активных членов группировок осужденных отрицательной направленности поведения включает в себя следующие мероприятия.

1. Выявление неформальных лидеров и их изоляция от основной массы осужденных. В этих целях необходимо разработать комплекс мер не только по их развенчанию, но и по принуждению к выполнению требований, предъявляемых ко всем осужденным (трудиться, выполнять общественные работы, например, по уборке и благоустройству территории колонии и т.д.).

2. Пресечение противоправной активности «авторитетов» в среде осужденных, развенчание культивируемых им ценностей, а также создание условий для отказа данными лицами от насаждения в преступной среде неформальных правил поведения.

3. Пресечение действий неформальных лидеров по управлению микрогруппами осужденных, включая разрешение различных конфликтов, возникающих между ними.

4. Более активная работа администрации по созданию одинаковых для всех осужденных условий и требований в рамках колонии.

5. Осуществлять комплектование бригад, смен, отрядов прежде всего с учетом не только личностей осужденных, но и их неформального авторитета (статуса), а также исходя из трудовых и коллективистских способностей того или иного осужденного.

6. Совершенствование и дальнейшее внедрение в практику принципа раздельного содержания осужденных с учетом уголовно-правовых, медико-социальных и ролевых характеристик.

7. Расширение использования различных форм контроля (включая технические) за поведением осужденных в различных условиях колонии (на производстве, во время досуга, сна, приема пищи и т.д.).

8. Постановка на оперативный или профилактический учет лиц, склонных к доминированию в среде осужденных, к нарушениям режима и совершению действий, связанных с культивированием и навязыванием пенитенциарной субкультуры другим осужденным.

9. Для вновь поступивших в колонию осужденных в карантинном помещении предусмотреть систему мер по контролю за их поведением (установление связей с отдельными осужденными, получение информации о поведении и т.п.).

В целях нейтрализации отдельных элементов пенитенциарной субкультуры, таких как нанесение татуировок, присвоение кличек, а также иных, связанных с этими действиями, правонарушений необходимо осуществлять следующие мероприятия:

1) для практического использования в колонии создать базу данных о татуировках, лицах их наносящих и имеющих татуировки;

2) в воспитательных целях более активно проводить работу по эстетическому, культурному и религиозному воспитанию осужденных с акцентом на формирование толерантных отношений между ними;

3) учитывать как злостное нарушение требований режима попытку или склонение того или иного осужденного придерживаться правил, отражающих субкультуру сообщества: прописку, пожертвование средств на общие нужды, отказ от общения с отдельными (отвергнутыми) осужденными и т.д.;

4) учитывая высокий процент лиц, в отношении которых применялись насильственные формы «отвергания» посредством акта мужеложства, ввести в практику обязательное уголовное преследование по ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», а также по ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера». Более того, статью 133 УК РФ необходимо дополнить частью третьей, в которой предусмотреть ответственность за такое понуждение: а) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору; б) соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Также, предлагается часть третью ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» изложить в следующей редакции:

«3. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его, сопряженные с действиями сексуального характера, как способ расправы, мести за отказ или невыполнение навязываемых осужденным либо группой осужденных неформальных правил поведения в месте лишения свободы либо в месте содержания под стражей, –

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет».

Часть третью ныне действующей редакции ст. 321 УК РФ считать частью четвертой, дополнив ее словами: «Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей ...» (далее по тексту).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание современных особенностей пенитенциарной субкультуры имеет большое значение для профилактики и нейтрализации многих негативных явлений, препятствующих достижению целей наказания. В результате проведенного исследования диссертант приходит к следующим выводам.

Хотя субкультура преступников в обществе обладает определенной преемственностью, вместе с тем, субкультура преступников дореволюционной России и советского периода исторически отличается от пенитенциарной субкультуры современного сообщества прежде всего своими масштабами, в сравнении с бытовавшими в то время в среде преступников традициями и обычаями, криминальной квалификацией лиц, отбывающих наказание, набором ценностей преступного сообщества и рядом других обстоятельств.

Субкультура в среде изолированных от общества преступников дореволюционной России во многом определялась экономическим состоянием страны, отношением общества к тем или иным ценностям, обнищанием деревни, с одной стороны, и появлением класса богатых – буржуазии, с другой, поэтому вполне закономерным выглядит стратификация в преступной среде, появление различных групп, образований, причем по признакам, имеющим значение именно в этой среде. Изменяются ценности в обществе и система экономических отношений – видоизменяются и элементы субкультуры у изолированных от общества преступников.

Видоизменение неформальных норм субкультуры осужденных в советский период было обусловлено изменением социально-политического климата в стране, в связи с чем, в сообществе преступников происходили массовые нарушения ранее установленных запретов и правил поведения.

Резкий поворот в политическом курсе страны в 90-х годах прошлого столетия, тяжелое экономическое положение, масштабные амнистии способствовали тому, что криминальная иерархия стала носить разрозненный

характер, что определялось рядом факторов. Такое состояние неизбежно отразилось на субкультуре осужденных в местах лишения свободы.

Рост преступности в обществе неизбежно способствовал пополнению исправительных учреждений новыми преступниками, совершившими в основном корыстно-насильственные и корыстные преступления. Происходило столкновение интересов, где доминирующим фактором стали материальные возможности преступников. В связи с этим, по мнению автора, формирование и культивирование элементов субкультуры стало прерогативой, как правило, достаточно обеспеченных осужденных. Именно они и стали активно распространять в местах лишения свободы свои воззрения на дозволенное и запретное.

Пенитенциарная субкультура хотя и была изменчива, но проявлялась весьма своеобразно и оказалась достаточно живучей. Более того, отдельные ее элементы нашли проявление и в обществе. Опираясь на относительно замкнутую систему взаимоотношений между подобными себе лицами, необходимость самоутверждения в таких отношениях, многие формы и способы такого поведения невольно оказывают влияние на систему ценностей и поведение отдельных неустойчивых групп населения.

Интенсивная криминализация общества в 90-е годы прошлого столетия обусловила появление социальных групп, руководствующихся криминальными ценностями, которые по ряду характеристик существенно отличаются от традиционных примитивных ценностей преступного мира прошлого. В частности, это привело к появлению новых элементов криминальной субкультуры, сращиванию представителей преступного мира с органами власти, которые не только существуют наряду с традиционной субкультурой профессиональных преступников, но и переплетаются, например, при осуществлении приватизации отдельных видов производства, рынков сбыта, территории и т.д.

Криминальная субкультура, как и многие социальные явления, не возникает из ничего, она подпитывается и культивируется, прежде всего,

из противоречий, имеющих место в системе общей культуры. Поэтому криминальная субкультура – это своеобразные отходы общественной культуры, не приемлющей жестокость, насилие, агрессию и т.д. Рассуждая о криминальной субкультуре, автор обращает внимание на то обстоятельство, что необходимо иметь в виду, прежде всего, не только уголовную направленность осужденного, но и условия, в которых она проявляется.

Криминальная субкультура рассматривается как некая система определенных ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, составляющих основу поведения и взаимоотношений лиц, совершивших или склонных к совершению преступлений, включая и осужденных в местах лишения свободы.

Такая субкультура, как и любое явление, порождается определенными причинами и условиями, которые, применительно к местам лишения свободы, на наш взгляд, необходимо классифицировать на внутренние и внешние. С различной степенью активности они проявляются внутри системы изоляции, и соответственно их можно отнести к внутренним детерминантам, поскольку обособляют и подпитывают криминальную субкультуру осужденных. Внешние причины относятся к факторам, функционирующим вне мест лишения свободы. Однако они существенно влияют не только на криминальную субкультуру, подпитывают ее, но и оказывают влияние на многие элементы субкультуры осужденных в условиях изоляции.

Пенитенциарная субкультура – динамичное явление, она видоизменяется вместе с изменением характера и структуры преступности. Так, в прошлом в преступном мире отдельные преступления – против малолетних, некоторые виды половых преступлений, презирались большинством сообщества осужденных. В современном сообществе эти составы преступлений на статус осужденного уже не влияют.

В настоящее время трансформация, изменение неформальных норм, переход сообщества осужденных к модели подчинения наиболее сильным преступникам – это своеобразный способ защиты слабого осужденного, его

выживания в среде подобных, приспособление в борьбе за лучшие условия существования в колонии. По мнению автора, на указанные процессы оказывают влияние и такие обстоятельства, как смягчение условий отбывания наказания к отдельным категориям осужденных причем во многом связанное с чисто механическим копированием некоторых международных стандартов в обращении с осужденными; ухудшение социально-нравственных характеристик осужденных, усиление их запущенности, что наглядно проявляется в категориях преступлений, способах их совершения; увеличение числа лиц, имеющих различные психические и другие заболевания, обусловленные чрезмерным употреблением наркотических средств, одурманивающих веществ, алкоголя; отсутствие у большинства осужденных профессионального образования, навыков к труду, а также эгоистические и устойчивые антиобщественные установки; большой процент трудовой незанятости осуждённых в ИУ.

Ввиду того, что пенитенциарная субкультура представляет результат слияния криминальных и некриминальных субкультур, то ее можно охарактеризовать как особый вид криминальной субкультуры, обусловленный, прежде всего, жесткими условиями изоляции, ограниченными возможностями удовлетворения многих потребностей, что неизбежно влечет видоизменение поведения, порождает потребность в защите, поддержке, где консолидация выступает вполне естественным и закономерным процессом. Субкультура выступает как следствие сложной системы взаимоотношений в сообществе и как его обязательный атрибут. Поэтому задача пенитенциарных учреждений – свести к минимуму негативные последствия таких процессов, исключить наиболее опасные для многих осужденных формы проявления субкультуры.

Существует устойчивая тенденция к стремлению отдельными осужденными регулировать жизнедеятельность отдельных лиц, группы, сообщества, приданию этим образованиям доминирующих качеств, как правило, криминализированных. Следовательно, отдельные неформальные отношения между осужденными обусловлены комплексом сложившихся

условий их жизнедеятельности в колонии и являются своеобразной основой воспроизводства устойчивых форм криминального поведения в будущем.

Субкультуру осужденных можно рассматривать как своеобразную систему, как результат компромисса между условиями, в которых вынужден находиться преступник, и необходимостью обеспечения им своей безопасности, с одной стороны, а также необходимостью самоутверждения, понимания, поддержки, особенно со стороны себе подобных, с другой. Между осужденными и государством проявляются строго определенные урегулированные нормами права отношения как к лицу, совершившему преступление, и за это он наказан и нуждается в принудительном воздействии как к преступнику со всеми вытекающими из этого факта обстоятельствами. Отсюда замкнутость, стремление к консолидации и противодействию, в том числе в различных групповых формах, вполне закономерно и присуще многим осужденным.

Консолидация, объединение осужденных предполагает выработку элементов поведения, которые их обособляют в сообществе с одной стороны, а с другой – являются мощным объединительным фактором. К ним автор относит: неформальные для образования правила, средства коммуникации – язык, жаргон, жесты, одежду, татуировки; общность интересов, потребностей и ценностей. Эти элементы составляют основу субкультуры осужденных, содержащихся в условиях изоляции. Владение ими, их использование является весьма значимым не только в общении друг с другом, с группой как для самоутверждения в среде подобных, но и для сокрытия замыслов и действий от других, неугодных для микрогруппы лиц, не разделяющих с ними взглядов.

Хотя пенитенциарная субкультура за последнее время претерпела серьезные изменения, многие ее элементы оказались весьма устойчивыми. Это необходимо отнести, прежде всего, к татуировкам как демонстративному способу проявления себя, своих качеств в сообществе. Приобретая в местах лишения свободы татуировки, осужденный как бы идентифицируется с той или

иной группой, ее традициями, обычаями, нормами и правилами поведения, наконец, преданностью к групповым идеалам.

Потребность в татуировках, отражающих уголовную тематику, устойчиво сохраняется в местах лишения свободы. Вместе с тем, исходя из исследования, автор констатирует, что в последние годы их популярность уменьшается. Это обусловлено тем, что многие из татуировок несут определенную смысловую нагрузку и могут быть использованы другими лицами для различных целей.

Весьма важно отметить отсутствие зависимости между возрастом осужденных и количеством осужденных, имеющих татуировки. Исследованием установлено, что в возрастной группе от 20 до 25 лет имеют татуировки 78,9 %, от 25 до 30 лет – 76,3 %, от 30 до 35 лет – 74,2 %, от 35 до 40 лет – 62,7 %, от 40 до 45 лет – 79,5 %, от 45 до 50 лет – 75,1 %.

Кличка в преступном сообществе, также исходя из исследования выполняет определенную функцию: с одной стороны, скрывает юридически значимые данные о личности (фамилия, имя, отчество), с другой, характеризует его статус в сообществе – от унижительного, презируемого, до уважаемого, авторитетного. Отсюда, использование кличек в сообществе содержит определенные информационные сведения о личности, которые влияют на отношение к такому осужденному со стороны сообщества. В ходе нашего исследования установлено, что имеют кличку 193 осужденных, что составляет 96,5 %, остальные 7 осужденных (3,5 %) кличек не имеют.

Следующий элемент субкультуры – жаргонные слова выполняют своеобразную роль как способ общения, сокрытия от посторонних передаваемой информации, а их знание в определенных случаях оказывает влияние на статус осужденного, так как они являются своеобразной визитной карточкой, по которой отличают «своего» от других. По владению жаргонными словами в сообществе отличают и молодого, неопытного преступника, от закоренелого, опытного («бывалого»).

Стратификация – неизбежно порождена противоречиями в среде осужденных, отбывающих наказание в условиях изоляции от общества, и

обусловлена различными интересами с их стороны: от обеспечения безопасности до удовлетворения многих ограниченных потребностей. Последние в местах лишения свободы имеют особую ценность. Учитывая это обстоятельство, а также уровень правосознания осужденных, подчеркнем, что такая борьба носит жесткий характер, где одним из способов обеспечить свою безопасность, доминировать является их объединение, в основе которого, могут быть заложены различные факторы: землячество, совместные взгляды, убеждения, обоюдные интересы, прошлая преступная деятельность и т.д.

На поведение осужденных в условиях изоляции от общества большое влияние оказывают такие элементы пенитенциарной субкультуры как интересы, потребности, ценности.

К биологическим потребностям относят такие, как сон, пища, тепло, сексуальные потребности, самозащита. Естественно, указанные потребности имеют большое значение вообще в жизни человека, а в условиях изоляции от общества особенно, поскольку удовлетворение многих из них регулируется нормами уголовно-исполнительного права. В этой связи удовлетворение многих названных потребностей очень жестко регулируется сообществом и, соответственно, отражает элементы субкультуры.

Так, исследованием установлено, что более 60 % осужденных испытывают трудности в удовлетворении своей потребности в сне. Это связано с тем, что соблюдать необходимую тишину и гигиену, в условиях казарменного размещения осужденных, для сна нелегко. Естественно, в таких условиях они опасаются вызвать своими действиями во время сна недоброжелательное или даже презрительное отношение сообщества. Исходя из традиций, они могут быть в статусе «отвергаемого».

Биологическая потребность осужденного в пище, с одной стороны, и дозированное и регулируемое ее потребление, с другой, придают продуктам питания в условиях изоляции особую значимость и большую ценность. В ходе проведенного нами исследования практически все осужденные высказали мнение о необходимости расширения рациона питания и повышения

калорийности пищи. Отсюда, к пище в целом или к отдельным видам продуктов в частности, особое отношение в среде осужденных. Так, очень жестоко, исходя из субкультуры, рассматривается кража продуктов; полученные в посылках, передачах, бандеролях или приобретенные в магазине продукты питания традиционно должны употребляться в составе группы, сообщества. Поддержка продуктами питания осужденных, содержащихся в ШИЗО, ПКТ, как членов своей группы, является и обязанностью и знаком преданности и солидарности.

Неудовлетворение половых потребностей многими осужденными тяжело переживается, поскольку испытывать это приходится долгие годы, что в конечном итоге отражается на их поведении. На этой почве у отдельных осужденных появляются даже изменения в психике, в области сексуальной направленности, у них вырабатываются устойчивые извращенные половые потребности, что усиливает деградацию личности, стимулирует девиантное поведение. Исходя из субкультуры, половое влечение очень сильно влияет на статус осужденного, особенно тех, кто склонен к пассивному гомосексуализму или другим развратным действиям. Традиционно такое поведение рассматривается сообществом как слабость, трусость, отсутствие мужских качеств и т.п. Исходя из этого, нормами субкультуры осужденных предусматривается отвержение такого осужденного со всеми унижающими его достоинство последствиями.

В условиях изоляции осужденный, стремясь выйти из состояния переживания, порождаемого неудовлетворением названных потребностей, вынужден прибегать к защите, сочувствию, пониманию, признанию в сообществе себе подобных со стороны других, как результат принимать установки, нормы и правила поведения данной группы, окружения. Невольно многие ценности сообщества преступников он вынужден усваивать, так как их правильное усвоение помогает ему избегать многих конфликтов со средой и тем самым снять стрессовые ситуации. Во многом однородная в социально-нравственном отношении среда неизбежно прививает ему нормы

пенитенциарной субкультуры и вместе с тем многие негативные установки и формы поведения.

В условиях изоляции происходит смещение антиобщественных интересов для одних осужденных, и их закрепление – для других. Они начинают ориентировать свое поведение на усвоение ценностей сообщества, его субкультуры: изучают жаргонные слова, выражения; делают татуировки, обучаются игре в карты «под интерес», усваивают походку и другие элементы субкультуры сообщества.

Условия мест лишения свободы, с одной стороны, весьма существенно ограничивают многие интересы осужденных, а с другой – объективно, в силу воздействия свойственных изоляции факторов, формируют у осужденных, во-первых, систему интересов, во многом отражающую их нравственный уровень, взгляды и оценки ими окружающей действительности, во-вторых, непроизвольно формируют и отражают субкультуру среды, в которой проходит их жизнь.

Социальная среда осужденных формирует свои группы ценностей, которые отражают ее субкультуру, исходя, прежде всего, из их реального жизненного, в том числе и преступного опыта, а также условий отбывания наказания. Бесспорно, интересы и потребности в этой среде играют далеко не последнюю роль, ибо ограниченные возможности удовлетворения потребностей, схожесть и даже совпадение многих интересов, суждений, оценок способствуют их консолидации в группы, микрогруппы, сообщества, и как следствие – формированию системы ценностей, свойственных субкультуре осужденных.

Необходимо констатировать, что возможностью негативного влияния, распространения и фактического навязывания норм и правил поведения, традиций и обычаев субкультуры сообщества осужденных в большей степени обладают лидеры неформальных групп осужденных отрицательной направленности поведения, которые используют любые средства для того,

чтобы принудить других осужденных соблюдать установленные или навязываемые ими принципы и нормы поведения.

Выявленные особенности и значимость отдельных элементов пенитенциарной субкультуры, их влияние на поведение осужденных в условиях изоляции и отношение к основным средствам исправления могут быть взяты за основу при разработке различных программ по предупреждению наиболее негативных форм проявления субкультуры осужденных.

Общесоциальное предупреждение распространения и навязывания элементов пенитенциарной субкультуры гражданскому обществу должно быть направлено, прежде всего, на достижение качественно иного состояния общества.

В комплексе превентивных мер общесоциального уровня можно выделить такие, как реализация мероприятий по стабилизации и развитию экономики, повышение уровня жизни населения, улучшение социальной защищенности граждан, уменьшение безработицы и других негативных явлений; создание принципиально новой ментальности, которая будет отвечать духу времени; борьба с пропагандой криминальной и пенитенциарной субкультуры в средствах массовой информации, изменение направления работы социальной рекламы, развитие программ по профессиональному ориентированию не только взрослого населения, но и в большинстве своем молодежи; разработка правовых основ нейтрализации криминальной субкультуры, исключающих возможность проникновения лидеров и авторитетов преступных сообществ в политику, экономику, культуру и т.д.; снижение уровня преступности в обществе, преодоление поляризации населения по уровню доходов, противодействие коррупции, повышение эффективности работы государственных органов.

Наряду с мероприятиями общесоциального направления по нейтрализации пенитенциарной субкультуры и ее идеологии, необходимо проводить также общепрофилактические меры психологического характера.

К психолого-профилактическим мерам предупреждения влияния криминальной идеологии стоит отнести следующие: совершенствование и пропаганда в российском обществе антикриминальной идеологии; повышение уровня правовой культуры населения; увеличение числа государственных программ, направленных на сохранение культурного потенциала и наследия страны; искоренение различных форм организованной преступности и дальнейшее реформирование уголовно-исполнительной системы, которое должно включать в себя не только создание для осужденных более гуманных, цивилизованных условий отбывания наказания, но и систему социально востребованного исправления осужденных.

В качестве специально-криминологических мер необходимо выделить мероприятия, которые будут направлены на повышение эффективности деятельности исправительных учреждений по искоренению уродливых форм пенитенциарной субкультуры, в число которых входят следующие: разобщение массы осужденных на категории исходя из их отношения к наказанию, к средствам исправления; применение мер воздействия к лицам, противодействующим законным требованиям администрации, навязывающим свои образцы поведения в колонии, стремящимся доминировать в сообществе.

Таким образом, мероприятия, направленные на нейтрализацию пенитенциарной субкультуры, и связанная с этим борьба с пенитенциарными правонарушениями являются неотъемлемой частью процесса реализации наказания в виде лишения свободы и, в конечном итоге, создания условий для их исправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г., № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Международное публичное право: сб. докум. ; в 2 т. – М.: БЕК, 1996. – Т. 1. С. 460–464.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в г. Вена 23 мая 1969 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 67–87.
4. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Европейские пенитенциарные правила (рекомендация № R (87) 3) // Тюремная библиотека. Вып. 2. – М., 1999. – 121 с.
6. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10 декабря 1984) // Ведомости ВС СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747.
7. Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
8. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН 30 августа 1955) // Советская юстиция. – 1992. – № 2. – С. 19.
9. Основные принципы обращения с заключенными, принятые 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник международных договоров. – Женева, 2002. – С. 325.

10. Свод принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме принят 9 декабря 1988 г. Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Правовые основы деятельности системы МВД России сб. норматив. докум. Т. 2. – М.: ИНФРА-М., 1996. – С. 147–157.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 30 декабря 2015 г., № 441-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2015. – № 52 (ч. I). – Ст. 7520.

12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 28 ноября 2015 г., № 358-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198; 2015. – № 48 (ч. I). – Ст. 6724.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 30 декабря 2015 г., № 441-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921; 2015. – № 52 (ч. I). – Ст. 7520.

14. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (с изм. и доп. от 2 апреля 2014 г., № 58-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316; СЗ РФ. – 2014. – № 14. – Ст. 1550.

15. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (с изм. и доп. от 31 мая 2012 г., № 874-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544; 2012. – № 21. – Ст. 3213.

16. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 (с изм. и доп. от 12 февраля 2009 г., № 39) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 47; 2009. – № 15.

17. О недостатках в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по профилактике и недопущению побегов из-под надзора в 2014 году: обзорное письмо ФСИН России от 15 декабря 2014 г. № 07-60999.

18. О недостатках в обеспечении режима и организации надзора за осужденными в 2013 году: обзорное письмо ФСИН России от 24 марта 2014 г. № 08-11588.

19. О недостатках в обеспечении режима и организации надзора за осужденными в 2015 году: обзорное письмо ФСИН России от 20 февраля 2016 г. № 03-9008.

20. О необходимости повышения эффективности профилактической работы по предупреждению и пресечению побегов и уклонений от отбывания наказания: обзорное письмо ФСИН России от 22 декабря 2015 г. № 02-81642.

21. О состоянии режима и надзора в ИК, ЛИУ, ЛПУ территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 2012 году: обзорное письмо ФСИН России от 28 марта 2013 г. № 07-8819.

Книги, монографии, учебники, курсы лекций.

22. Адаптация осужденных к среде ИТУ: учебное пособие [Текст] / под ред. В.И. Селиванова. – Рязань Изд-во РВИШ МВД СССР, 1981. – 94 с.

23. Александров, Ю.К. Очерки криминальной субкультуры [Текст] / Ю. К. Александров. – М.: Права человека, 2002. – 152 с.

24. Алтухов, С.А. Социально негативное поведение и меры борьбы с ним: учебное пособие [Текст] / С.А. Алтухов, Д.А. Корецкий, В.Н. Перекрестов. – Ростов н/Д: РВИШ МВД РФ, 1997. – 118 с.

25. Алферов, Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты) учебное пособие в 2 частях [Текст] / Ю.А. Алферов. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. – Ч. 1. – 130 с.

26. Анисимков, В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы [Текст] / В.М. Анисимков. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс»,

2003. – 204 с.

27. Анисимков, В.М. Традиции и обычаи преступного мира в местах лишения свободы: учебное пособие [Текст] / В.М. Анисимков. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. – 126 с.

28. Анисимков, В.М. Тюремная община: «вехи» истории [Текст] / В.М. Анисимков. – Саратов: Изд-во СГАП, 1993. – 69 с.

29. Анисимков, В.М. Тюрма и ее законы [Текст] / В.М. Анисимков. – Саратов: Изд-во СГАП, 1998. – 103 с.

30. Антипина, Г.С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп [Текст] / Г.С. Антипина. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 112 с.

31. Антонян, Ю.М. Жестокость в нашей жизни [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: ИНФРА-М, 1995. – 320 с.

32. Антонян, Ю.М. Личность преступника: криминологическое психологическое исследование [Текст] / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: НОРМА, 2010. – 368 с.

33. Антонян, Ю.М. Насилие среди осужденных учебное пособие [Текст] / Ю. М.: Антонян. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. – 116 с.

34. Антонян, Ю.М. Мотивация поведения осужденных: монография [Текст] / Ю.М. Антонян, Е.Н. Колышницына. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 143 с.

35. Антонян, Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. Неблагоприятное влияние на личность в микросреде: учебное пособие [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: РИО Акад. МВД СССР, 1975. – 160 с.

36. Бабаев, М.:М. Социальные последствия преступности: учебное пособие [Текст] / М.:М. Бабаев. – М., 1982. – 82 с.

37. Багреева, Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация [Текст] / Е.Г. Багреева. – М.: ВНИИ МВД РФ, 2001. – 164 с.

38. Барабанов, Н.П. Криминальная субкультура осужденных теоретический, криминологический, психологический аспекты,

функциональный механизм [Текст] / Н.П. Барабанов, А.В. Даудов, И.Б. Казак, В.Н. Савардунова. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2009. – 316 с.

39. Бородин, С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы [Текст] / С.В. Бородин / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

40. Бронников, А.Г. Татуировки осужденных и их криминалистическое значение. Методическая разработка [Текст] / А.Г. Бронников. – М.: Академия МВД, 1980. – 64 с.

41. Водолазский, Б.Ф., Вакутин, Ю.А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (прошлое и настоящее) [Текст] / Б.Ф. Водолазский, Ю.А. Вакутин. – Омск, 1979.

42. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: 1825–1870 гг. Т. 2 [Текст] / М.Н. Гернет. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 479 с.

43. Гримак, Л.П. Резервы человеческой психики: введение в психологию активности [Текст] / Л.П. Гримак; 2-е изд. доп. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.

44. Громов, В.Г. Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы: монография [Текст] / В.Г. Громов. – М.: Издательство «Новый индекс», 2008. – 336 с.

45. Громов, М.А., Селиверстов, В.И. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности работников ИТУ: учебное пособие [Текст] / М.А. Громов, В.И. Селиверстов. – Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. 92 с.

46. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринтное издание 1908 года [Текст] / Г. Гросс / под науч. ред. В. В. Крылова. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

47. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Текст] / А.И. Гуров. – М.: Юрид. лит-ра, 1990. – 442 с.

48. Дементьев, С.И. Уголовное наказание: содержание виды, назначение и исполнение [Текст] / С.И. Дементьев, Р.А. Дьяченко, А.И. Трахов. – Краснодар, 2000. – 201 с.

49. Детков, М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения

[Текст] / М.Г. Детков. – М.: Издательство «Интерправо», 1994. – 119 с.

50. Детков, М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов: монография [Текст] / М.Г. Детков. – М.: Изд-во РИПК работников ОВД, 1992. – 192 с.

51. Детков, М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России [Текст] / М.Г. Детков. – М.: Вердикт-М, 1999. – 448 с.

52. Дмитриев, Ю.А. Пенитенциарная психология [Текст] / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 681 с.

53. Долгова, А.И. Криминология [Текст] / А.И. Долгова. – М.: Юрист, 1997. – 512 с.

54. Долгова, А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество [Текст] / А.И. Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.

55. Дубинин, Н.П. Генетика, поведение, ответственность, о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения [Текст] / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М.: Политиздат, 1982. – 304 с.

56. Егоров, Р.И. Дао татуировки [Текст] / Р.И. Егоров. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 208 с.

57. Ельски, А. Татуировка [Текст] / пер. с польск. Д. А. Подберезского. – Минск: МЕТ, 1997. – 232 с.

58. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности [Текст] / А.Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 224 с.

59. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология: учебное пособие [Текст] / С.М. Иншаков. – М.: ИНФРА. М-НОРМА, 1997. – 374 с.

60. Искусство татуировки [Текст] / Составитель В.Д. Косулин. – СПб.: ООО «Золотой век», 2001. – 288 с.

61. Исправление осужденных: монография [Текст] / под науч. ред. Ю.М. Антоняна, А.В. Быкова. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. – 331 с.

62. Казак, Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы монография [Текст] / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. – 324 с.

63. Канунник, А.И. Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью: монография [Текст] / А.И. Канунник. – Пенза: Изд-во «Рузаевский печатник», 2005. – 305 с.

64. Кончаловский, А.С. Возвышающий обман [Текст] / А.С. Кончаловский. – М.: «Совершенно секретно», 1999. – 352 с.

65. Корецкий, Д.А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение [Текст] / Д.А. Корецкий, В.В. Тулегенов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 243 с.

66. Криминальная мотивация [Текст] / Ю.М.: Антонян, В.В. Гульдан, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, и др. / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

67. Криминология: учебник [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1995. – 512 с.

68. Криминология [Текст] / Г.Й. Шнайдер / под ред. Л.О. Иванова (Предисл.); пер. с немецкого Ю.А. Неподаева. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.

69. Криминология: учебник [Текст] / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2004. – 160 с.

70. Криминология: учебник для вузов [Текст] / под общ. ред. А.И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М – НОРМА, 2001. – 848 с.

71. Кудрявцев, В.Н. Преступность и нравы переходного общества монография [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002. – 238 с.

72. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2003. – 352 с.

73. Курганов, С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты [Текст] / С.И. Курганов. – М.:

Велби, 2008. – 105 с.

74. Кутякин, С.А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе: монография [Текст] / С.А. Кутякин. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2008. – 155 с.

75. Лебедев, С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность учебное пособие [Текст] / С.Я. Лебедев. – Омск: ВШМ МВД СССР, 1989. – 72 с.

76. Лебедев, С.Я., Уголовно-исполнительное право учебное пособие [Текст] / С.Я. Лебедев, Н.Г. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 271 с.

77. Майерс, Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 1997 – 688 с.

78. Максимов, С.В. Сибирь и каторга в 3 ч. [Текст] / С.В. Максимов. – СПб., 1900. – 492 с.

79. Малинин, В.Б. Уголовно-исполнительное право: учебник [Текст] / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 368 с.

80. Михлин, А.С. Осужденные. Кто они? Общая характеристика осужденных (по материалам переписи 1994 г.) [Текст] / А.С. Михлин; под ред. П.Г. Мищенко. – М.: ВНИИ МВД России, 1996. – 112 с.

81. Модестов, Н.С. Москва бандитская [Текст] / Н.С. Модестов. – М.: Центрполиграф, 1998. – 400 с.

82. Наташев, А.Е. Советское исправительно-трудовое законодательство (основы теории и практики) [Текст] / А.Е. Наташев. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1975. – 168 с.

83. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть курс лекций [Текст] / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.

84. Олейник, А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти [Текст] / А.Н. Олейник. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 418 с.

85. Парыгин, Б.Д. Социальная психология Истоки и перспективы [Текст] / Б.Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 533 с.

86. Парыгин, Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории [Текст] / Б.Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 1999. – 592 с.
87. Парыгин, Б.Д. Социальная психология: учебное пособие [Текст] / Б.Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 616 с.
88. Петровский, А.В., Социальная психология коллектива: учебное пособие [Текст] / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. – М.: «Просвещение», 1978. – 291 с.
89. Пикуль, В.С. Каторга [Текст] / В.С. Пикуль. – М.: Худ. лит., 1996. – 175 с.
90. Пирожков, В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) [Текст] / В.Ф. Пирожков. – Тверь, 1994. – 135 с.
91. Пирожков, В.Ф. Криминальная психология [Текст] / В.Ф. Пирожков. – М.: Ось-89, 2001. – 704 с.
92. Познышев, С.В. Основы пенитенциарной науки [Текст] / С.В. Познышев. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 371 с.
93. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I [Текст] / под ред. А.И. Коробеева. Преступление и наказание. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.
94. Полубинская, С.В. Цели уголовного наказания [Текст] / С.В. Полубинская. – М.: Наука, 1990. – 142 с.
95. Разинкин, В., Цветная масть: элита преступного мира [Текст] / В. Разинкин, А. Тарабрин. – М.: Вече-Аст, 1998. – 480 с.
96. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам [Текст] / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с.
97. Роджерс, Э., Агарвала-Роджерс, Р. Коммуникации в организациях [Текст] / Э. Роджерс, Р. Агарвала-Роджерс. – М.: Экономика, 1980. – 176 с.
98. Российский курс уголовно-исполнительного права в. 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник [Текст] / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина; ООО «Издательство—Элит», 2012. – 696 с.

99. Роулинсон, П. Российская организованная преступность. Новая угроза? [Текст] / П. Роулинсон. – М.: Крон-Пресс, 2000. – 288 с.
100. Самсин, А.И. Основы философии экономики учебное пособие [Текст] / А. И. Самсин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 271 с.
101. Самсин, А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей [Текст] / А.И. Самсин. – М.: Высш. шк., 1987. – 159 с.
102. Саркисов, Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Основные проблемы пенитенциарной криминологии [Текст] / Г.С. Саркисов, Г.Ф. Хохряков / отв. ред. А. Б. Сахаров. – Ереван, 1988. – 280 с.
103. Свирский, А.И. Погибшие люди [Текст] / А.И. Свирский. – С-Петербург, 1898. Т. 2.
104. Сексуальные девиации в пенитенциарной системе. Криминологическое исследование: монография [Текст] / А.А. Бакин [и др.]; Международный ун-т. Международная полицейская ассоциация. Международная коллегия адвокатов. – СПб.: Изд-во СПбГУВК, 2004. – 151 с.
105. Селиверстов, В.И. Уголовно-исполнительное право: учебник [Текст] / В.И. Селиверстов. – М.: Юриспруденция, 2007. – 392 с.
106. Смелзер, Н. Социология: перевод с английского [Текст] / Н. Смелзер. – М.: «Феникс», 1994. – 688 с.
107. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. – М.: Илекса, 2007. – 1040 с.
108. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] / А.И. Солженицын. – М.: Азбука, 2006. – 768 с.
109. Сочивко, Д.В. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения / Д.В. Сочивко, Н.А. Полянин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 268 с.
110. Старков, О.В. Криминальная субкультура: спецкурс [Текст] / О.В. Старков. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 240 с.
111. Старков, О.В. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ [Текст] / О.В. Старков, С.Ф. Милюков. – СПб.:

Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 461 с.

112. Сундуrow, Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности [Текст] / Ф.Р. Сундуrow. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. – 216 с.

113. Тарабрин, А.Г. Воры в законе и авторитеты [Текст] / А.Г. Тарабрин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 480 с.

114. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник [Текст] / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2013. – 496 с.

115. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие [Текст] / под ред. С.Я. Лебедева, Н.Г. Иванова. – М.: ЮНИТИ, 2010. – 248 с.

116. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник [Текст] / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М.: Юрайт, 2012. – 751 с.

117. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: учебник [Текст] / под общ. ред. Ю.И. Калинина. – Рязань: Академия права и управления Минюста РФ, 2005. – 708 с.

118. Уголовно-исполнительное право России: учебник [Текст] / А.П. Алешина, В.М. Анисимков, Н.В. Желоков и др. / под ред. П.Е. Конегера, М.С. Рыбака. – Саратов: Ай-Пи-Эр Медиа, 2010. – 624 с.

119. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник [Текст] / Л.К. Айвар, Ф.С. Бражник, М.Г. Детков и др.; под ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2005. – 768 с.

120. Уголовно-исполнительное право: учебник [Текст] / под ред. В.И. Селиверстова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма ИНФРА-М, 2012. – 544 с.

121. Фефелов, П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: основы общей теории [Текст] / П.А. Фефелов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 256 с.

122. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением [Текст] / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1889. – 514 с.

123. Францев, Г.П. Философия и социология [Текст] / Г.П. Францев. – М.: Наука, 1971. – 695 с.
124. Фромм, Э. Душа человека [Текст] / Э. Фромм. – М.: ООО «Издательство АСТ ЛТД», 1998. – 664 с.
125. Хохряков, Г.Ф. Парадоксы тюрьмы: проблемы дискуссии, предложения [Текст] / Г.Ф. Хохряков. – М.: Юрид. лит-ра, 1991. – 224 с.
126. Чалидзе, В. Уголовная Россия [Текст] / В. Чалидзе. – М.: Терра, 1990. – 395 с.
127. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 10 [Текст] / А. П. Чехов. – М.: «Наука», 1986.
128. Шаламов, В.Т. Воспоминания [Текст] / В.Т. Шаламов. – М.: ООО «Издательство Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 380 с.
129. Шаламов, В.Т. Очерки преступного мира [Текст] / В.Т. Шаламов. – М.: Левый берег, 1989. – 64 с.
130. Шибутани, Т. Социальная психология [Текст] / Т. Шибутани. – Ростов н/Д Феникс, 1999. – 539 с.
131. Шмаров, И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. Проблема социальной адаптации [Текст] / И.В. Шмаров. – М.: Юрид. лит., 1974. – 136 с.
132. Южанин, В.Е. Реализация наказания в виде лишения свободы монография [Текст] / В.Е. Южанин. – Рязань: Ин-т права и экономики МВД России, 1995. – 172 с.

Научные статьи

133. Абрамкин, В.Ф. Тюремная субкультура [Текст] / В.Ф. Абрамкин // Отечественные записки. – 2008. – Т. 41. – № 2. – С. 111–124.
134. Аксенов, М.М. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы [Текст] / М.М. Аксенов, А.В. Диденко, В.Я. Семке // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. – М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрави», 2009. – Вып. 6. – С. 189–204.

135. Анисимков, В.М. Криминальная субкультура: краткая история вопроса, ее влияние на формирование личности правонарушителя [Текст] / В.М. Анисимков, Е.В. Королева // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3. – С. 142-146.

136. Анисимков, В.М. Публичная власть и криминологическая характеристика «сообщества воров» в период передела России [Текст] / В.М. Анисимков // Матер. Междунар. научно-практ. семинара «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний». – Рязань, 2013. – С. 7–14.

137. Анисимков, В.М. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания [Текст] / В.М. Анисимков, Е.В. Королева // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 32–35.

138. Антонян, Е.А. Криминальная субкультура осужденных [Текст] / Е.А. Антонян // Философские науки. – 2010. – № 5. – С. 72–81.

139. Антонян, Е.А. Режим в исправительных учреждениях и его роль в процессе исправления осужденных [Текст] / Е.А. Антонян // Lex Russica. – 2011. – № 1. – С. 104–113.

140. Антонян, Е.А. Субкультура осужденных [Текст] / Е.А. Антонян // Матер. научно-практ. конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний». – Рязань: Изд-во Акад. ФСИН России, 2009. – С. 18–24.

141. Антонян, Ю.М. Глубинные истоки криминальной субкультуры [Текст] / Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 324–331.

142. Антонян, Ю.М. Что такое лишение свободы? [Текст] / Ю.М. Антонян // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний. – М., 1991. – С. 3–9.

143. Антонян, Ю.М. Отражение в приговоре мотивов насильственного преступления [Текст] / Ю.М. Антонян, Е.А. Самовичев // Советская юстиция. –

1982. – № 20. – С. 8–9.

144. Аршавский, А.Ю. Антиобщественные проявления в молодежной среде: опыт регионального прогноза [Текст] / А.Ю. Аршавский, А.Я. Вилкс // Социологические исследования. – 1990. – № 4. – С. 57–65.

145. Бакаева, Ю.В. Криминальная субкультура как причина деформаций неформальных отношений в обществе [Текст] / Ю.В. Бакаева // Донской юридический институт: ученые записки. – Т. 37. – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2010. – С. 82–86.

146. Бакин, А.А. Криминальная субкультура осужденных как фактор формирования отклоняющегося и противоправного поведения [Текст] / А.А. Бакин, А.Ю. Пиджаков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2004. – № 1. – С. 9–11.

147. Барабанов, Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных [Текст] / Н.П. Барабанов // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2 (18). – С. 28–35.

148. Блувштейн, Ю.Д. Понятия в криминологии [Текст] / Ю.Д. Блувштейн // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 77–82.

149. Брезгин, Н.И. Преступные группировки в местах лишения свободы [Текст] / Н.И. Брезгин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2001. – С. 22–25.

150. Булгаков, О.В. Влияние микросоциальной среды и преступной субкультуры осужденных на достижение целей наказания [Текст] / О.В. Булгаков // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 5. – С. 174–177.

151. Бытко, С.Ю. К вопросу об исправлении осужденных и возможностях его достижения [Текст] / С.Ю. Бытко // Профессиональные ресурсы социальной сферы: сб. науч. тр. Ч. II. – Саратов, 2010. – С. 35–38.

152. Варыгин, А.Н. Особо опасный рецидив преступлений и организованная преступность (криминологические и пенитенциарные

проблемы) [Текст] / А.Н. Варыгин, В.Г. Громов // Проблемы реализации судебной реформы в Российской Федерации. Вып. 2 Ч. 2 / под ред. А.И. Гришина. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 2001. – С. 8–13.

152. Гишинский, Я.И. Проблема причинности в криминологической науке [Текст] / Я.И. Гишинский // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 67–71.

153. Голощапов, Е.В. Вербальные средства коммуникации наркотической субкультуры [Текст] / Е.В. Голощапов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2010. – № 1 (19). – С. 100–103.

154. Громов, В.Г. Достижение целей наказания в местах лишения свободы [Текст] / В.Г. Громов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Право. – 2008. – № 12. – С. 576–582.

155. Громов, В.Г. Обязанности исправительных учреждений [Текст] / В.Г. Громов // Современное право. – 2013. – № 4. – С. 127–130.

156. Громов, В.Г. Пенитенциарная преступность [Текст] / В.Г. Громов // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 65–69.

157. Громов, В.Г. Реализация принципов уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания в виде лишения свободы [Текст] / В.Г. Громов // Современное право. – 2008. – № 9. – С. 92–97.

158. Громов, В.Г. Уголовно-исполнительная политика [Текст] / В.Г. Громов // Современное право. – 2006. – № 5. – С. 25–29.

159. Громов, В.Г. Фактор криминогенности мест лишения свободы [Текст] / В.Г. Громов // Современное право. – 2006. – № 11. – С. 86–88.

160. Громов, В.Г. Факторы, способствующие проникновению криминальной субкультуры в современное общество и приводящие к наступлению уголовной ответственности [Текст] / В.Г. Громов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 12–2. – С. 324–327.

161. Громов, В.Г. Цели и принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации [Текст] / В.Г. Громов, Ю.В. Лушина // Юрист-правовед. – 2001. – № 2. – С. 53–55.

162. Денисович, В.В. К вопросу о криминологической характеристике регулятивных и атрибутивных элементов тюремной субкультуры в местах лишения свободы для женщин [Текст] / В.В. Денисович // Юридическая теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 119–121.

163. Денисович, В.В. Способы нейтрализации регулятивных и атрибутивных элементов криминальной субкультуры и предупреждение правонарушений в местах лишения свободы [Текст] / В.В. Денисович // Проблемы современного российского права матер. междунар. научно-практ. конф. – Челябинск: Полиграф-Мастер. – 2007. – Ч. 1. – С. 291–293.

164. Донских, Д.Г. Взаимосвязь криминальной субкультуры и преступного поведения [Текст] / Д.Г. Донских // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 6. – С. 113–115.

165. Донских, Д.Г. Криминальная субкультура и ее влияние на криминализацию общества [Текст] / Д.Г. Донских // Актуальные проблемы российского права сб. науч. тр. – М.: Полиграф-ОПТ, 2005. – Вып. 2. – С. 219–226.

166. Донских, Д.Г. Понятие и соотношение терминов субкультура и контркультура. Криминальная субкультура [Текст] / Д.Г. Донских // Бизнес в законе. – 2009. – № 2. – С. 251–253.

167. Дремлюга, Р.И. Криминологические аспекты пропаганды наркомании и деструктивного поведения в молодежных субкультурах [Текст] / Р.И. Дремлюга // Междунар. научно-практическая конференция «Наркомания и противодействие наркопреступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 106–119.

168. Жуйков, А.В. Принятие молодежью криминальной субкультуры как фактор девиантной виктимизации [Текст] / А.В. Жуйков, Т.А. Бондаренко // Социальное и пенсионное право. – 2007. – № 4. – С. 34–37.

169. Затона, Р.Е. Условия содержания заключенных и осужденных как криминогенный фактор, влияющий на стабильность функционирования Российских пенитенциарных учреждений [Текст] / Р.Е. Затона // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. – 2010. – № 1. – С. 5–10.

170. Зеленьяк, И.М. Особенности проявления криминальной субкультуры в различных видах пенитенциарных учреждений [Текст] / И.М. Зеленьяк // Безопасность уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 3. – С. 27–31.

171. Зосименко, А.В. Психические расстройства у осужденных, перенесших сексуальное насилие и имеющих низкий статус в уголовной субкультуре [Текст] / А.В. Зосименко // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. – М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2009. – Вып. 6. – С. 97–111.

172. Илларионов, В.П. Защита моральных устоев общества от влияния криминальной субкультуры [Текст] / В.П. Илларионов, А.В. Воронцов // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 4. – С. 157–159.

173. Ишигеев, В.С. Криминальная субкультура мест лишения свободы и ее взаимосвязь с организованной преступностью [Текст] / В.С. Ишигеев // Сб. научн. трудов «Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией». – Вып. 2. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – С. 74-83.

174. Карпец, И.И. Правосознание и причины преступности [Текст] / И.И. Карпец, А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1968. – № 12. – С. 47–54.

175. Кожевников, Т.С. Криминальная субкультура в местах лишения свободы и меры ее профилактики [Текст] / Т.С. Кожевников // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. – 2008. – № 2. – С. 34-37.

176. Кожевников, Т.С. Криминальная субкультура в местах лишения свободы: сущность и меры профилактики [Текст] / Т.С. Кожевников // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2. – С. 53–56.

177. Кочкарова, З.И. Криминальная субкультура: причины и истоки [Текст] / З.И. Кочкарова // Сб. научн. статей «Борьба с преступностью в условиях глобализации: новые вызовы и поиски адекватных ответов». – Нальчик: Нальчик. филиал Краснодар. унив. МВД России, 2010. – С. 264–271.

178. Кривцова, Т.Н. К проблеме отвержения некоторых категорий осужденных [Текст] / Т.Н. Кривцова // Уголовно-исполнительное право. – 2009. – № 2. – С. 33–36.

179. Кутякин, С.А. Криминальная субкультура в местах лишения свободы России [Текст] / С.А. Кутякин // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. – 2008. – № 4. – С. 25–29.

180. Кутякин, С.А. Современное содержание деятельности «воров» в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России [Текст] / С.А. Кутякин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 8–9.

181. Лепехина, Е.В. Девиантное поведение и особенности субкультуры отдельных видов социальных девиаций [Текст] / Е.В. Лепехина // Российский следователь. – 2007. – № 21. – С. 20–21.

182. Лысак, И.В. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры [Текст] / И.В. Лысак, Ю.Ю. Черкасова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 5. – С. 89–93.

183. Мацкевич, И.М. Криминальная субкультура [Текст] / И.М. Мацкевич // Российское право в Интернете. – 2005. – № 1. – С. 5.

184. Меркурьев, В.В. Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы: стратегия противодействия [Текст] / В.В. Меркурьев, Е.А. Богачевская // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 1. – С. 22–34.

185. Меркурьев, В.В., Богачевская, Е.А. Тюремная субкультура как динамичный доминантный фактор организованной пенитенциарной преступности. Структура криминального сообщества в местах лишения

свободы [Текст] / В.В. Меркурьев, Е.А. Богачевская // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 4. – С. 59–66.

186. Мнацаканян, Ю.А. Субкультура осужденных и ее роль в формировании преступных традиций и обычаев [Текст] / Ю.А. Мнацаканян // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 130–133.

187. Молоствов, А.В. Субкультурные особенности представлений о жертвах преступлений у осужденных [Текст] / А.В. Молоствов // Уголовно-исполнительная система: Право. Экономика. Управление. – 2008. – № 2. – С. 30–34.

188. Некрасов, А.П. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие [Текст] / А.П. Некрасов, И.Н. Кондрат, И.Л. Третьяков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 251–256.

189. Новикова, Ю.В. Влияние криминальной субкультуры на мотивацию несовершеннолетних преступников-рецидивистов [Текст] / Ю.В. Новикова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 90–95.

190. Патрушев, Е.В. Криминальная субкультура осужденных [Текст] / Е. В. Патрушев // Право и образование. – 2008. – № 12. – С. 175–182.

191. Перекрестова, О.М. Криминальная субкультура и ее влияние на личность [Текст] / О.М. Перекрестова // Межвуз. сб. науч. трудов «Личность, речь и юридическая практика». – Вып. 9. – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ. – 2006. – С. 210–213.

192. Позняков, Н. Профилактика наркомании в УИС [Текст] / Н. Позняков, С. Березин // Преступление и наказание. – 2000. – № 5. – С. 20–21.

193. Разгильдиев, Б.Т. Современная криминальная среда и ее виды [Текст] / Б.Т. Разгильдиев, В.И. Горкин // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – № 5. – С. 90–96.

194. Савельев, А.И. Скинхеды как форма современной молодежной субкультуры [Текст] / А.И. Савельев // Матер. междунар. научно-практ.

конференции «Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества». – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. – Т. 4. – С. 291–296.

195. Савелова, Н. Первое лицо, единственное число [Текст] / Н. Савелова, Д. Юрьев // Новый мир. – 2000. – № 10.

196. Сахаров, А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника [Текст] / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 110–116.

197. Сахаров, А.Б. Учение о личности преступника [Текст] / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1968. – № 9. – С. 64–69.

198. Скиба, А.П. Правовые предпосылки распространения криминальной субкультуры в лечебно-профилактических учреждениях ФСИН России [Текст] / А.П. Скиба // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 4. – С. 94–97.

199. Солодовников, С.А. Преступный образ жизни и криминальная субкультура [Текст] / С.А. Солодовников // Закон и право. – 2000. – № 2. – С. 25–27.

200. Сочивко, Д.В. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур [Текст] / Д.В. Сочивко, Н.А. Полянин // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 62–70.

201. Сучилова, Н.В. Криминальная субкультура в современном мире [Текст] / Н.В. Сучилова // Матер. VII ежегодной Междунар. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых «Право и суд в современном мире». – Челябинск: ООО «Изд-во РЕКПОЛ», 2010. – С. 210–213.

202. Тайбаков, А.А. Преступная субкультура профессионального криминалитета как криминологическая проблема [Текст] / А.А. Тайбаков // Российский криминологический взгляд. – № 3. – С. 210–215.

203. Талакин, К.В. Противодействие преступности в местах лишения свободы и криминальная субкультура [Текст] / К.В. Талакин, Ю.В. Тараканов // Сб. науч. тр. «Юбилейные чтения, посвященные 120-летию со дня рождения

А. С. Макаренко». – Самара: Изд-во Самар. юрид ин-та ФСИН России, 2008. – С. 135–136.

204. Телегина, Е.Г. Криминальная субкультура лиц женского пола и ее специфика [Текст] / Е.Г. Телегина // Сб. научн. трудов «Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации (юридические аспекты)». – Саратов: ООО «Изд. Центр «Наука», 2008. – С. 149–152.

205. Тирских, А.А. Преступная идеология: понятие, содержание и меры противодействия [Текст] / А.А. Тирских // Российский следователь. 2009. № 3. С. 30–32.

206. Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями [Текст] / В.В. Тулегенов // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5. – С. 220–226.

207. Уваров, И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности [Текст] / И.А. Уваров // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 3. С. 119–125.

208. Уваров, И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии [Текст] / И.А. Уваров // История государства и права. 2014. № 5. С. 58–63.

209. Уваров, И.А. Криминологический портрет лидера преступного сообщества: проблемы типологии [Текст] / И.А. Уваров // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2015. № 1. С. 37–41.

210. Уваров, И.А., Соловьев, О.А. Криминальная идеология в российском обществе [Текст] / И.А. Уваров, О.А. Соловьев // Социально-гуманитарный дискурс. 2012. № 3. С. 63–67.

211. Урусов, А.А. Влияние тюремной субкультуры на пенитенциарную преступность [Текст] / А.А. Урусов // Матер. научно-практ. конф.

«Международные юридические чтения». – Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та. – 2007. – Ч. 4. – С. 157–163.

212. Федосеева, А.А. Криминальная субкультура в этиологии девиантного поведения [Текст] / А.А. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 3. – С. 150–154.

213. Федосеева, А.А. Социально-педагогическая коррекция криминальной субкультуры [Текст] / А.А. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 355–358.

214. Фролова, Л.И. Социально-психологические механизмы экспансии криминальной субкультуры [Текст] / Л.И. Фролова // Преступность и культура. – М.: Криминологическая ассоциация, 1999. – С. 39–42.

215. Шайхисламова, О.Р. Классификация осужденных к лишению свободы [Текст] / О.Р. Шайхисламова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 2. – С. 53–55.

216. Шемякина, В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры [Текст] / В.В. Шемякина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 100–103.

217. Шемякина, В. В. Криминальная субкультура как криминологическое явление [Текст] / В. В. Шемякина // Междунар. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых «Проблемы современного российского права». – Челябинск ООО «Полиграф-Мастер», 2009. – С. 404–406.

218. Шемякина, В.В. Криминологическое значение тюремной субкультуры в местах лишения свободы для несовершеннолетних [Текст] / В.В. Шемякина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 22. – С. 122–130.

219. Яковлев, Н.А. Тюремная субкультура как феномен и ее негативное влияние на лиц, находящихся в учреждениях ФСИН России [Текст] / Н.А. Яковлев // Общество и право. – 2008. – № 4. – С. 177–180.

Авторефераты диссертаций

220. Александров А.Л. Криминологический анализ и предупреждение органами внутренних дел организованных преступлений, совершаемых лицами, ранее судимыми к лишению свободы [Текст] / А.Л. Александров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 26 с.

221. Анисимков, В.М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России / В.М. Анисимков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – 45 с.

222. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование [Текст] / Е.А. Антонян: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 353 с.

223. Блохин, Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах [Текст] / Ю.И. Блохин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 26 с.

224. Громов, В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация [Текст] / В.Г. Громов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 50 с.

225. Денисов, Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника [Текст] / Н. Л. Денисов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 22 с.

226. Детков, А.П. Методологические парадигмы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические аспекты [Текст] / А.П. Детков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 60 с.

227. Донских, Д.Г. Противодействие криминальной субкультуре в обществе: криминологические проблемы [Текст] / Д.Г. Донских: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 35 с.

228. Дубягина, О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды [Текст] / О.П. Дубягина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 26 с.

229. Ишигеев, В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность [Текст] / В.С. Ишигеев: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 46 с.

230. Палий, А.А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве и средства их достижения [Текст] / А.А. Палий: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 24 с.

231. Перекрестов, В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности [Текст] / В.Н. Перекрестов: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 21 с.

232. Ростокинский, А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы [Текст] / А.В. Ростокинский: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 48 с.

233. Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение [Текст] / В.В. Тулегенов: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 24 с.

234. Уваров, И.А. Преступления, совершаемые с особой жестокостью в исправительных учреждениях (правовой и криминологический аспекты): [Текст] / И.А. Уваров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997. – 25 с.

235. Хохряков, Г.Ф. Социальная среда, личность и правосознание осужденных [Текст] / Г.Ф. Хохряков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1987. – 29 с.

236. Шемякина, В.В. Криминальная субкультура в современной России [Текст] / В.В. Шемякина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 24 с.

237. Яковлев, Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния [Текст] / Н.А. Яковлев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006. – 22 с.

Диссертации

238. Александров, А.Л. Криминологический анализ и предупреждение органами внутренних дел организованных преступлений, совершаемых лицами, ранее судимыми к лишению свободы [Текст] / А.Л. Александров: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 196 с.

239. Анисимков, В.М.: Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России [Текст] / В.М. Анисимков: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – 318 с.

240. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование [Текст] / Е.А. Антонян: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 353 с.

244. Белецкий, В.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов [Текст] / В.В. Белецкий: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1996. – 185 с.

245. Громов, В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация [Текст] / В.Г. Громов: дис. ... д-ра юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 447 с.

246. Канунник, А.И. Личность осужденных, не адаптированных к условиям отбывания наказания в исправительно-трудовых колониях [Текст] / А.И. Канунник: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984. – 165 с.

247. Крымов, А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России [Текст] / А.А. Крымов: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – 637 с.

**Словари, энциклопедии,
научно-практические комментарии, доклады**

248. Аберкромби, Н. и др. Социологический словарь [Текст] / пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2004. – 620 с.

249. Большой Российский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Изд-во Большая Российская энциклопедия, 2007. – 1888 с.

250. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Додонова, В.Д. Ермакова и др. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.

251. Борисов, А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). С комментариями Конституционного суда РФ [Текст] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2009. – 272 с.

252. Бриллиантов, А.В. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / А.В. Бриллиантов, С.И. Курганов; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2011. – 182 с.

253. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия природы [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. Т. 2. – 695 с.

254. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 3 П. – 1998. – 556 с.

255. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2012 год [Текст] // Рос. газета. – № 6044. – 29.05.2013.

256. Зубков, А.И. Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Альтернативный проект [Текст] / А.И. Зубков, В.И. Селиверстов. – М.: Юрид. лит., 1990. – 43 с.

257. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / А.В. Бриллиантов, В.В. Геранин, Л.П. Дубровицкий и др. / науч. ред. А.С. Михлин. – М.: Норма, 2008. – 416 с.

258. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. В.И. Селиверстова. – М.: Проспект, 2011. – 448 с.

259. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Н.И. Брезгин, А.А. Зубков, А.И. Зубков [и др.] / под ред. А.И. Зубкова. 4-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – 496 с.

260. Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными [Текст] / под общ. ред. П.Г. Мищенко / под науч. ред. М.П. Мелентьева, С.Н. Пономарева – М.: Экспертное бюро. – М., 1997. – 800 с.

261. Краткий психологический словарь [Текст] / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

262. Новая философская энциклопедия в 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. Совет: председатель В.С. Степин, зам. предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2010. Т. 2 – 634 с.

263. Новая философская энциклопедия: в 4 т [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. Совет: председатель В.С. Степин, зам. предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2010. Т. 3. – 692 с.

264. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов [Текст] / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.

265. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 57 000 слов [Текст] / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

266. Популярный юридический энциклопедический словарь [Текст] / ред. кол.: О.Е. Кутафин, В.А. Туманов, И.В. Шмаров и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 2001. – 798 с.

267. Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сентября 2007 г.: учебное пособие [Текст] / под ред. Ю.И. Калинина. – М.: Илекса, 2007. – 728 с.

268. Словарь по этике [Текст] / под ред. И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1983. – 445 с.

269. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. В.Е. Кемерова – М.: Панпринт, 1998. – 1065 с.

270. Философский энциклопедический словарь [Текст] / сост. Е. Губский, Г. Кораблева, В. Лутченко. – М.: Инфра-М, 1998. – 576 с.

271. Этика: Энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

Иностранные и международные источники

272. Blachut, K.B. Transient criminal subcultures and the crimes they commit against the elderly implications for continuing criminal justice and community education / K.B. Blachut // Dissertation Abstracts International. – 2004. – Т. 66. – № 4. – P. 1241.

273. Blomberg, G. Thomas, American penology: a history of control / Thomas G. Blomberg, Karol Lucken. – New Brunswick Aldine Transaction, 2010. – 299 p.

274. Devon, L.L. Criminal attitudes to violence: development and preliminary validation of a scale for male prisoners / L.L. Devon, Polaschek, Rachael M. Collie, Frank H. Walkey // Aggressive Behavior. – 2004. – Vol. 30. – № 6. – P. 484–503.

275. Hobbs, Dick. The Firm. Organizational Logic and Criminal Culture on a Shifting Terrain / Dick Hobbs // British Journal of Criminology. – 2001. – Vol. 41. – P. 549–560.

276. Mannheim, H. Comparative criminology / H. Mannheim. – London, 2003. – 793 p.

277. O'Lear, J.K. Understanding the criminal subculture / J.K. O'Lear // Corrections Today. – 1993. – Т. 55. – P. 24.

Интернет-ресурсы

278. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы на 1 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // ФСИН России [Сайт]. URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 13.09.2015).

**Результаты анкетирования сотрудников
учреждений уголовно-исполнительной системы (40 человек)**

	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов
1	Нормы пенитенциарной субкультуры оказывают влияние на поведение осужденных в ИУ	а) положительное, б) отрицательное, в) не влияют	2 (5 %) 31 (77,5 %) 7 (17,5 %)
2	Негативные факторы, влияющие на совершение осужденными правонарушений	а) притеснения со стороны лидеров групп отрицательной направленности, б) самоутверждение, в) уголовная романтика	19 (47,5 %) 12 (30 %) 9 (22,5 %)
3	Привлечение лидеров к ответственности за совершение правонарушений	а) во всех случаях б) не привлекаются в) когда невозможно скрыть факты правонарушений	8 (20 %) 9 (22,5 %) 23 (57,5 %)
4	Предъявляемые к лидерам сообщества режимные требования	а) общие, как и ко всем осужденным б) носят формальный характер в) не предъявляются	6 (15 %) 27 (67,5 %) 7 (17,5 %)
5	Мотивы совершения осужденными побегов	а) притеснения со стороны осужденных отрицательной направленности, б) уклонение от наказания, в) удовлетворение потребностей (алкоголь, наркотики)	17 (42,5 %) 14 (35 %) 9 (22,5 %)
6	Мотивы причинения вреда здоровью	а) месть, б) желание приобрести авторитет, в) заставляют лидеры	8 (20 %) 13 (32,5 %) 18 (45 %)
7	Виды самоповреждений, причиняемых себе	а) вскрытие вен, б) глотание инородных	27 (67,5 %)

	осужденными	предметов, в) прием медицинских препаратов с целью вызова различных расстройств	8 (20 %) 5 (12,5 %)
8	Способы противодействия осужденных требованиям администрации	а) членовредительство, б) отказ от приема пищи, в) написание жалоб в надзорные инстанции	16 (40 %) 11 (27,5 %) 13 (32,5 %)
9	Цель создания лидерами «общаков»	а) паразитирование за счет других осужденных, б) оказание помощи нуждающимся осужденным, в) с целью возможности оказания влияния на основную массу осужденных	17 (42,5 %) 4 (10 %) 9 (22,5 %)

**Результаты анкетирования осужденных, содержащихся
в учреждениях уголовно-исполнительной системы (200 осужденных)**

№	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов
1	Изменились ли нормы субкультуры осужденных?	а) существенно, б) незначительно, в) некоторые элементы	143 (71,5 %) 39 (19,5%) 18 (9 %)
2	Наиболее значимый в среде преступников элемент субкультуры	а) атрибутика, б) нормы поведения, в) материальные ценности	9 (4,5 %) 27 (13,5 %) 164 (82 %)
3	Происходящие в стране события, вызывающие интерес у осужденных	а) политические, б) экономические, в) спортивные, г) не проявляют никакого интереса	27 (13,5 %) 34 (17 %) 91 (45,5 %) 48 (24 %)
4	Причины пополнения «общака»	а) помощь, сострадание другим осужденным, б) заставляют лидеры преступной среды, в) возможность самому обратиться за помощью	53 (26,5 %) 114 (57 %) 33 (16,5 %)
5	Мотивы нанесения татуировок	а) принадлежность к определенной группе, б) мода, в) самоутверждение	127 (63,5 %) 26 (13 %) 47 (23,5 %)
6	Мотивы игры в карты под «интерес»	а) безделье, скука, б) уверенность в выигрыше, в) заставляют лидеры сообщества	69 (34,5 %) 18 (9 %) 113 (56,5 %)
7	Где были нанесены татуировки?	а) СИЗО, колонии, б) уличные компании, офисы, в) места прохождения военной службы	157 (78,5 %) 15 (7,5 %) 28 (14 %)
8	Что стимулируют исправительные колонии?	а) преступное поведение, б) желание не совершать преступлений,	97 (48,5 %) 45 (22,5 %)

		в) желание оставаться безнаказанным	58 (29 %)
9	Влияет ли на статус лидера судимость за преступления против половой неприкосновенности личности?	а) да, б) нет, в) не имеет значения	7 (3,5 %) 161 (80,5 %) 32 (16 %)
10	Отношение осужденных к авторитетам среды преступников, употребляющих наркотики	а) положительное, б) отрицательное, в) безразличное	58 (29 %) 23 (11,5 %) 119 (59,5 %)